

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2018, №1

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2018, №1

Magna adsurgit: historia studiorum

Научный журнал

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

№ 1, 2018

ISSN 2541-9749

DOI 10.22162/2541-9749-2018-5-1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Очиров У.Б., д.и.н., доцент

Зам. главного редактора:

Бакаева Э.П., д.и.н., доцент

Лиджиева И.В., д.и.н.

Ответственный секретарь:

Саргикова Е.В., д.и.н., доцент

Члены редколлегии:

Бадмаева Е.Н., д.и.н., доцент

Батырева С.Г., д.иск., доцент

Тепкеев В.Т., к.и.н.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста,
ул. Илишкина, д. 8, оф. 144. КалмНЦ РАН.

E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	4

ИЗБРАННЫЕ ДОКЛАДЫ ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЮГЕ РОССИИ»

<i>Сень Д.В.</i> Православие на территории Северо-Западного Кавказа и место Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.)	7
<i>Ряжев А.С.</i> Духовенство юга и юго-востока России в правовой политике Екатерины II: дело тамбовского епископа Феодосия (1769–1773 гг.)	35
<i>Кринко Е.Ф.</i> Взаимоотношения Русской православной церкви и Советского государства на юге России в годы Великой Отечественной войны	44

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАЛМЫКИИ

<i>Тепкеев В.Т.</i> Кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях зимой 1720/1721 г.	62
<i>Сартикова Е.В.</i> Возникновение партийных ячеек в Ремонтненском уезде Калмыцкой автономной области в 1921–1925 гг.	70
<i>Бадмаева Е.Н.</i> Повседневность российского крестьянства в 1920–1930-х гг.: состояние научного изучения проблемы	77
<i>Батырева С.Г.</i> Войлок ойратов Монголии в музейной коллекции КалмНЦ РАН как источник по изучению традиционной культуры калмыков	92

КРАСНАЯ АРМИЯ В СРАЖЕНИЯХ НА ЮГЕ РОССИИ

<i>Белоусов С.С.</i> Антибольшевистское восстание в Элистинской дивизии в 1918 г.	100
<i>Заярный С.А., Очиров У.Б.</i> 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.	111
<i>Эмгенов С.Н.</i> 91-я стрелковая дивизия 51-й армии в боях на Нижнем Дону летом 1942 г.	138

Дорогой читатель!

2018 год для отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН, на базе которого функционирует наш журнал, выдался весьма насыщенным. В начале года сотрудники отдела приняли активное участие в организации научной конференции «Актуальные проблемы истории Русской Православной церкви на Юге России», которая прошла 22 марта на базе Калмыцкого научного центра РАН. При подведении итогов участники конференции приняли рекомендацию о публикации заслушанных докладов. В поддержку этого решения редакционная коллегия «Magna adsurgit: historia studiosorum» отобрала для публикации на страницах журнала три наиболее интересных, на наш взгляд, доклада, авторами которых являлись Е.Ф. Кринко (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону), Д.В. Сень (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону) и А.С. Ряжев (Поволжский православный институт имени святителя Алексия, г. Тольятти). Особо отрядно отметить, что в течение года все трое ученых стали сотрудниками нашего отдела.

Кроме того, в 2018 г. прошел ряд юбилейных мероприятий, имеющих особое значение для военной истории нашего Отечества в целом, и Юга России, в частности. В первую очередь, это 100-летие Красной армии и 75-летие завершения Битвы за Кавказ. Наш отдел не мог пройти мимо таких исторических дат и подготовил ряд публикаций, посвященных различным аспектам боевых действий Красной армии на Юге России, которые были выделены в специальный раздел.

Наконец, еще одна рубрика, уже ставшая традиционной для нашего журнала, освещает различные вопросы истории и этнографии Калмыкии.

Еще раз напомним, что мы всегда рады видеть на страницах нашего журнала всех заинтересовавшихся исследователей и приглашаем их к сотрудничеству.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8, оф. 147. КалмНЦ РАН. E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

Главный редактор У.Б. Очиров

**Избранные доклады из материалов
конференции «Актуальные проблемы
истории русской православной
церкви на Юге России»**

ПРАВОСЛАВИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И МЕСТО КУБАНИ В СИСТЕМЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ (XVIII в.)*

Сень Д.В.¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: dse1974@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы истории старообрядчества на Кубани в XVIII в., вписанной в прошлое казачества на территории Крымского ханства. Устанавливается позиция местного казачества по налаживанию религиозной жизни в конкретных условиях, связанных с их служилым статусом, правовым положением, как подданных крымских ханов. Исследуются трансграничные связи кубанских казаков-старообрядцев с другими центрами староверия.

Ключевые слова: бегство, Крымское ханство, казачество, Кубань, раскол, Русская православная церковь, старообрядчество.

История русского старообрядчества на Северном Кавказе, часть которого (ногайская Кубань) входила в состав Крымского ханства, представляется по-прежнему актуальной, несмотря на имеющийся в науке определенный историографический задел [Пригарин 2010: 56–78; Мельников 1865: 469–475; Сень 2009а; Сень 2009б; Торопицын 2006]. Во-первых, историю православия в регионе актуально исследовать не только в связи с расширением на Юге границ России, образованием здесь епархий РПЦ и конфессиональной политикой Российского государства. Здесь не обойтись без обращения к истории старообрядчества, как органической части православного мира, пространство которого динамично изменялось во 2-й пол. XVII–XVIII вв. Представители данного направления в православии активно взаимодействовали с другими государствами Европы и Востока, осваивая новые территории, исходя из своих интересов и своего отношения к господствующей церкви. Во-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

вторых, речь идет об установлении роли и места религиозных мотивов среди представителей различных групп российских подданных (о них речь – прежде всего), бежавших на территорию кубанских владений Гиреев. Подобное явление теснейшим образом связано с освоением восточнославянским (казачьим) населением северокавказского региона и нуждается в системном изучении. В-третьих, актуальным является исследование общего и частного в религиозной политике крымских ханов по отношению к разным группам своих христианских подданных. Здесь имелась своя региональная специфика, связанная с конкретным характером отношений между правящими Гиреями и кубанскими казаками-старообрядцами. В-четвертых, необходимо изучить вопрос о степени закрытости/открытости местных старообрядцев для контактов с другими аналогичными конфессиональными группами, о значении старообрядческой Кубани среди других подобных центров. Наконец, в-пятых, актуальным предстает вопрос об организации старообрядцами Кубани своей религиозной жизни, включая возведение ими часовен/церквей и решение проблемы так называемого «доставания священников». Безусловно, ответы на эти и многие другие вопросы почти невозможны без организации и реализации нового этапа архивной эвристики, прежде всего, в фондах федеральных и государственных архивов. Здесь одним из направлений работы стал поиск источников, ранее использованных другими исследователями и, как правило, процитированных лишь отчасти. Так, нами в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) были вновь обнаружены документы середины XVIII в., отложившиеся в фонде 796 и повествующие о деятельности среди старообрядцев Крымского ханства и Османской империи так называемого «лжеепископа Анфима» [РГИА. Ф. 796. Оп. 38. Д. 195. Л. 1–16].

Безусловно, необходимо продолжить поиск восточных источников о положении христиан в Крыму, полагая в виду территорию всего Крымского юрта, а не только Крымского полуострова [Зайцев 2016: 63–82]. Кроме того, можно использовать другой актовый материал, исходивший из ханской канцелярии и напрямую касавшийся казаков-христиан (правда, в документе речь не шла именно об их религиозных правах) [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 2об.–3]. При этом важно учитывать роль в делах местных христиан Константинопольского патриархата, подчинявшегося правителям Османской империи. В продолжение сюжета, описанного И.В. Зайцевым, замечу, что казаки-христиане, подданные крымских ханов, сумели найти духовное окормление в начале 1750-х гг. со стороны греческих священников при содействии султанского двора. Султан Махмуд I тогда приказал крымскому архиепископу Гедону рукоположить в архиерейский сан казачьего «кандидата» – монаха Феодосия. Первоначально Гедон отказался, но затем смирился и провел необходимый обряд, опасаясь возможного насилия со стороны

турецкого паши и янычар [Мельников 1865: 471]. Впоследствии Гедеон стал епископом Крымской епархии Константинопольского патриархата [Фирман 1850: 680]. На Кубани же в лице Феодосия появился «епископ Кубанский и Терский», не сумевший, однако, ужиться с кубанцами и вынужденный затем переселиться в Добруджу к тамошним старообрядцам.

В истории старообрядчества на Кубани, начиная с эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени, выделяются два периода, соотносимые с этапами освоения кубанского региона казаками – выходцами с Дона: 1) конец 1680-х гг. – лето 1708 г.; 2) лето 1708 г. – 1778 г. В данной статье мы сосредоточимся на характеристике второго периода. Обратим внимание, что подавляющая часть казаков, жизнь которых оказалась связана с пространством обоих периодов, являлась старообрядцами – выходцами из России. Это создает дополнительную исследовательскую перспективу для изучения не только истории Раскола и его последствий, но и другой крупной научной темы: «Взаимоотношения казачества Дона/Северного Кавказа и мусульманских государств Причерноморья». Совершив коллективный переход «границы миров», реализуя собственные стратегии выживания в мусульманском мире, местные казаки-старообрядцы конструировали, по аналогии с мыслью А.А. Пригарина, «свой мир» [Пригарин 2010: 32–33]. Ресурс границы при этом использовался ими как потенциал для собственного пространства – *«удобного и для приспособления к внешнему миру, и для создания своего»* [Пригарин 2010: 33]. В итоге сложилось так, что активная жизненная позиция казаков-старообрядцев (некрасовцев) позволила им наладить диалог с мусульманскими правителями, выстроить прочную систему координат с другими старообрядцами. Социальные сети старообрядцев (А.А. Пригарин применяет аналогичное выражение «социальная сеть») Кубани сформировались благодаря усилиям всех заинтересованных сторон – властей Крымского ханства и Османской империи, самих казаков-старообрядцев, общавшихся друг с другом не только по «крымской» и «ногайской» сторонам Дона, но и за сотни километров друг от друга.

Положение Древлеправославной (старообрядческой) церкви на Кубани как территории Крымского ханства к середине XVIII в. можно полагать стабильным и заметным среди других старообрядческих центров. Другое дело, что даже крупные современные специалисты [Пригарин 2010: 56–67] недооценивают религиозную составляющую в статусных оценках современниками именно Кубани, где *«жить хорошо»*, где *«староверят и за старую веру не гонят»* [Дмитренко 1899: 67]. Пример некрасовцев оказался привлекательным для старообрядцев не потому, что здесь существовало казачество как таковое, а в связи с полнотой их прав как христианских подданных ханов, с наличием на Кубани храмов, священников, монахов, возможно даже монастыря. Заметим, наконец,

что категоричное утверждение о периферийном положении сообщества казаков-некрасовцев в истории старообрядчества, о том, что попытки некрасовцев обрести собственное церковное обустройство закончились неудачей [Зудин 2009: 26], противоречит широкому кругу исторических источников и не имеет под собой оснований. Такое бездоказательное утверждение является маргинальным в пространстве современной исторической науки, а его критика представляется излишней.

Положение казаков-старообрядцев упрочилось на Кубани уже вскоре после начала освоения ими региона – на рубеже 1680-х – 1690-х гг. В ногайские владения крымских ханов вместе с казаками переселялись с Дона священники и монахи. Уже в середине 1690-х гг. среди казаков Кубани находилось как минимум восемь чернецов, трое из которых нам известны по именам – Варлаам, Савватий, Киприан. Согласно данным за 1697 г. среди кубанских казаков находился *«поп белой»* с Медведицы, *«да чернецов члвк з дватцать живут с ними казаками особно куренем, а сказывают те чернецы, что они ушли для того, что их в вере неволят по-новому»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 8]. В 1702 г. казаки, проживавшие в Копыле, отправили от себя через Крым на Северский Донец *«восм человек казаков к росколицу Авилу для взятъя ево к себе в городок и о пропуске ис Крыму взяли у хана проезжий лист»* [Усенко 2000: 74].

Безусловно, адаптация первых кубанских казаков-старообрядцев сопровождалась налаживанием религиозной жизни, в чем посильно участвовали как крымские ханы, так и власти османского Азова (до лета 1696 г.). В начале 1690-х гг. в османский Азов прибыла с Кубани группа казаков. Эти ходатаи били челом азовскому бею, чтобы тот дал им *«рускаго попа»* [РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 178]. Любопытна причина отказа бея: в его распоряжении не оказалось столь необходимого кубанским казакам священника. Следовательно, речь не может идти о негативном по своей сути отношении бея к просьбе «кяфиров». Отдельный интерес представляют действия казаков после «щадящего» отказа османских властей: *«и они меж собою наставили сами в попы тоболца Исачку»* [РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 177]. Полагаем, что такие и подобные им действия кубанских казаков явно повышали привлекательность Кубани в глазах других российских подданных, прежде всего, старообрядцев. Несмотря на случаи обратного возвращения на Дон, подавляющее количество казаков Кубани осталось в крымском подданстве. На рубеже XVII–XVIII вв. кубанское казачество стало играть еще более заметную роль в новых переходах на Кубань донских казаков, среди которых позиции старообрядчества традиционно были сильными.

В начале XVIII в. сообщество кубанских казаков пополнилось новыми выходцами с Дона, среди которых также было немало старообрядцев.

Это была группа атамана И. Некрасова, которая в течение нескольких лет прошла непростой путь адаптации на территории Левобережной и Правобережной Кубани [Аваков 2014; Сень 2012]. Так называемое «смаивание» становится одной из главных и новых забот кубанских казаков-некрасовцев, потеснивших «старых» казаков. Какое-то время казаки не могли позволить себе постройку церквей, поскольку не хватало священников, да и начальный этап их адаптации на Кубани не сулил радужных перспектив. Зато они активно искали церковную утварь, иконы, отказываясь в пользу ногайцев от другой «добычи», что нередко попадала к казакам в руки. Инок Парфений приводил такие сведения: *«Когда же со своими союзниками делили добычу, то казаки брали большие святыни, колокол, иконы и книги, и прочую утварь, и похитили в Царицыне чудотворную икону Божией матери, для которой и сделать были принуждены часовню, потому что с ними попа не было ни одного, а потому и церковь построить было не можно»* [Парфений 1857: 180].

Мы предполагаем, что церковному обустройству, в первую очередь, подлежал главный некрасовский городок – Хан-Тюбе, основанный еще первыми кубанскими казаками. Именно в часовню этого городка сделал свой вклад Евангелием старообрядческий архимандрит Иосиф [Иванов 2007: 68], бежавший из России на Кубань в начале 1720-х гг. Содержание одной из вкладных записей, сделанной не позже 31 августа 1722 г., уникально: *«230 году из леснаго скита врознь бежали от гонения. Аз же архимандрит явись на Кубани, а игуменья София умре. И сию книгу дал аз в память по душе ея на Кубань в городок Хандуб в часовню казачью вечно поминать игуменью иноку Софию по церковному чину во веки»*. Учитывая, что символика вклада уподобляется договору между местной общиной и совершающим вклад, можно полагать, что архимандрит, наблюдая состояние дел в часовне и городке, имел все основания верить, что здесь найдется, кому совершать церковный чин. Сам Иосиф почему-то на Кубани не задержался, уже в 1723 г. его видели в Валахии.

На Кубань, во владения Гиреев, активно бежали не только миряне: здесь постепенно укрепляется духовенство, как черное, так и белое. В марте 1718 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин сообщал митрополиту Стефану: *«в казачьих донских городках при церквах, монастырях и часовнях во многих местах есть, укрываючись..., расстриженные и непосвященные старцы и попы, и чинят многие расколы и возмущения, а иные перешли к вору Некрасову на Кубань»* [цит. по: Лилеев 1895: 305]. Другое дело, что в 1-й пол. XVIII в. донские старообрядцы действовали на нескольких направлениях и помимо Кубани, что вполне естественно, они развивали контакты с Веткой. Здесь в начале XVIII в. существовала слобода донских казаков-старообрядцев. Уже в первой четверти XVIII в. ветковские монастыри становятся питательной средой для «донского раскола»: отсюда идут на Дон «исправленные» священники для совер-

шения богослужений, старцы и старицы – «для поддержания и укрепления там раскола» [Лилеев 1895: 256]. В свою очередь, старообрядцы Ветки (которую П.С. Смирнов небезосновательно именовал «старообрядческим Иерусалимом») в 1720-е гг. активизируют контакты со старообрядцами Молдавии, Валахии, шире – Подунавья. Представители слободы Вылева (Ветковщина), «а иные с Ветки и из монастыря», ездили в «Турецкую землю» по совету «всех раскольщиков, которые обретаются за границею». Имеются сведения и о том, что еще до первой «выгонки» 1735 г. ветковцы направляли в «Волощину» «исправленных» священников. В 1732 г. старец Авраамий, живший на Ветке около 1713–1727 гг., показывал, что от местных жителей он слышал, что «в Волошской земле российского народа раскольников имеется с 70 слобод» [цит. по: Смирнов 1909: 56].

Уже в 1-й пол. XVIII в. между кубанскими казаками-некрасовцами и старообрядцами Бессарабии и Добруджи налаживаются связи по разным каналам, в том числе и на основе хозяйственного освоения региона казаками. Старообрядцы Дуная стали играть заметную роль среди тогдашних старообрядческих центров уже в середине XVIII в. Местные старообрядцы первоначально были представлены липованами и казаками-некрасовцами. Среди первых старообрядческих поселений в Нижнем Подунавье специалисты называют Сары-Кей, Журиловку, Славу (Славу Черкасскую), Жебрияны, Вилково. А.А. Пригарин полагает, что «формирование первых стабильных общин дониконовского православия» в регионе стоит относить к промежутку 1740-х – 1770-х гг. [Пригарин 2006: 4]. Несомненно, что липоване (крестьянско-мещанский элемент) осваивают Подунавье раньше кубанских казаков, переселение которых туда в начале 1740-х гг. пока еще нельзя считать твердо доказанным.

К середине XVIII в. была снята, как минимум, острота проблемы по поиску кубанскими казаками-старообрядцами священников, которые, по нашему мнению, в описываемое время окормляли паству уже в нескольких городках. Когда в 1752 г. речь зашла о том, чтобы отвести подозрения от некрасовцев в причастности их к укрывательству беглых с Дона, то крымские власти предлагали Войску Донскому сделать это по своему «закону», обещая заставить присягнуть не только казаков-мирян, но и лиц духовного звания (выделено нами. – Д. С.). Донцы отказались, так как «их присяге верить невозможно. И так когда б оные и действительно присягали, то б они (донцы. – Д. С.) и такую их присягою удостоверятца не хотели» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1753 г. Д. 3. Л. 7об.].

При изучении истории старообрядчества на Кубани, конечно, необходимо учитывать трансграничные связи старообрядческих центров. Указанное направление поиска весьма перспективно в связи с изучением пастырской деятельности на Кубани в начале 1750-х гг. старообрядческого епископа Анфима [Мельников 1865: 469–473]. Обладавший

незаурядными способностями, проживавший в европейской Турции, он охотно откликнулся на приглашение казаков-некрасовцев, прибывших к нему «с посольством» в 1753 г. Епископ Феодосий, о котором писалось выше, судя по всему, кубанские владения Гиреев уже покинул. Обращает на себя внимание, что о хиротонии Анфима в Хотинском соборе, состоявшейся в том же 1753 г., казаки узнали достаточно быстро, в чем прослеживается «рука» местных старообрядцев. Впрочем, информацию об Анфиме могли передать на Кубань и некрасовцы, которые примерно в описываемое время тоже стали осваивать Подунавье.

Анфим, называвший себя «*епископом кубанским и хотинской раи*», активно перемещался в конце 1740-х – начале 1750-х гг. «*от некрасовских поселений на Дунае до Буковинских и Северо-Бессарабских общин*» [Пригарин 2008: 52]. Отметим важную деталь, свидетельствующую об участии крымского хана Арслан-Гирея в духовных делах своих подданных: кубанские казаки при встрече с Анфимом вручили ему приглашение и от хана [Мельников 1865: 470]. Примечательно, что сохранилась копия свидетельства самого Анфима о встрече с некрасовскими ходатаями, содержащая уникальные данные. Во-первых, он именует казаков «*послами Войска Кубанского*» [РГИА. Ф. 796. Оп. 38. Д. 195. Л. 14об.], что обязательно должно учитываться специалистами при составлении списка названий войсковой организации кубанских казаков. Во-вторых, казаки передали ему «грамоту» от хана Арслан-Гирея, упоминание о которой также нужно соотносить с данными о документах ханской канцелярии, касавшихся его христианских подданных. В-третьих, суть их просьбы состояла в том, чтобы «*построити церкви Божия, и причет церковный в трех городах*» [РГИА. Ф. 796. Оп. 38. Д. 195. Л. 14об.]. В-четвертых, Анфим во множественном числе пишет о людях, поставленных им в священнический сан. По прибытии в Крым священник предстал перед ханом Арслан-Гиреем, встретившим епископа с почестями, а также заручился согласием архиепископа Гедеона.

Оказавшись на Кубани, пастырь рьяно взялся за дело. Он посвятил двух человек в сан епископа, еще одного (после основания монастыря) – в сан архимандрита, а «*по слободам многое число попов, и дал им универсалы, чтоб иметь им по своим обрядам церковное служение*» [Мельников 1865: 471]. Впрочем, вскоре отношения епископа с казаками испортились, так как Анфим стал претендовать на роль не только духовного, но и светского лидера, угрожая непокорным казакам анафемой, и даже спорил с войсковым атаманом. Итогом выяснения отношений стало изгнание епископа Анфима с Кубани, инициированное, вне всякого сомнения, самими некрасовскими казаками. Тем не менее, результаты его пастырской миссии следует признать значительными. Очевидно, что можно говорить о новом этапе в развитии старообрядческой церкви на Северо-Западном Кавказе конца XVII–XVIII вв. Здесь активизировалось

церковное строительство [Мельников 1865: 472], причем нам удалось обнаружить аутентичное свидетельство о возведении и освящении одной из первых церквей во время прибытия Анфима на Кубань. Из замечаний архимандрита Павла, настоятеля одного из московских единоверческих монастырей, следует, что когда он приехал в 1881 г. на оз. Майнос в некрасовское селение Эски-Казаклар (Бин-Эвле) в Анатолии, то местный священник показал ему старинный антиминос, на котором имелась исключительная по важности надпись: *«Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в церкви святых живоначальных Троицы. Освящена бысть церковь сия в лето 7261 году, индикта 1, месяца августа 21 дня (т.е. в 1753 г. – Д. С.), на память святых мученик Фотия и Аникиты, при великом государе первопрестольнике Анфиме, епископе Кубанском и Гомильском»* [Павел, архимандрит 1884: 102]. Таким образом, данное свидетельство содержит точную дату освящения одной из первых старообрядческих церквей на территории Крымского ханства. Не исключено, однако, что построена церковь была еще до прибытия Анфима на Кубань.

Попытка казаков вернуть Анфима не принесла успеха – епископ вернулся в Ветрянку, располагавшуюся в Хотинском цинуте. И если до поездки на Кубань Анфим именовался *«епископом кубанским и гомельским»* (Гомель – владение князей Чарторыйских близ Ветки), то после кубанского вояжа – уже *«епископом Кубанским и Хотинския Раи»*. Впоследствии Анфим оказался в Добрудже у тамошних старообрядцев, населявших три слободы – Журиловку, Славу Черкасскую и Сары-Кей. О кубанских епископах вспомнили, когда в 1755 г. решался вопрос о возведении Анфима в архиепископский сан: местные иереи тогда дали свое согласие. О связях Кубани с Анфимом стало известно в Санкт-Петербурге – соответствующую информацию от российского резидента в Стамбуле А.М. Обрескова получил канцлер А.Ф. Бестужев-Рюмин (ноябрь 1756 г.). Дипломат сообщил об учреждении Анфимом на Кубани *«архимандрии»* во главе с архимандритом, о бегстве старообрядцев из России к епископу (уже на Ветку). Результаты миссии Анфима к кубанским казакам не остались незамеченными российскими старообрядцами. А.М. Обресков писал, что, узнав о новых *«попax»*, об организации церковного служения, старообрядцы стали *«для того от Дону крымскою областью на Кубань... (уходить. – Д. С.)»* [Мельников 1865: 485].

Отсутствие в российских источниках (учитывая тот факт, что в XVIII в. российские войска неоднократно вторгались на Кубань) сведений о местных церквях и монастыре можно объяснить следующим. Церкви находились на территории казачьих городков, располагавшихся в труднодоступных для неприятеля местах. Подступы к ним защищались естественными преградами – протоками, болотами, лиманами (в одном из донесений с кубанского театра военных действий 1737 г. сказано, что

«изменники некрасовские казаки також живут по островам за водяными заливами и багнами в крепких местах»). Один из кубанских казаков, *«вышедших»* тогда к противнику, показал, что некрасовцы, услышав о приходе российских войск, покинули свои острова *«между багнами»*, т. е. болотами. Несмотря на то, что городки были оставлены без защиты, лишь нескольким российским казакам-добровольцам удалось вплавь и с копьями добраться на один остров и выжечь главный некрасовский городок – Хан-Тюбе. А когда в 1736 г. калмыки и донские казаки вели на стороне России боевые действия на Кубани, им удалось захватить и сжечь только один некрасовский городок, *«до которого можно было достигаться»*.

Что касается монастыря, то этот религиозный центр казаков находился, без сомнений, в защищенном и малодоступном для посторонних людей месте. Вопрос об истории монастыря является одним из самых важных и, вместе с тем, *«загадочных»* при изучении темы старообрядчества на Кубани в XVIII в. Принципы храмостроения на Кубани остались такими же, что бытовали у казаков на Дону. В.В. Пищулина, изучавшая вопрос об истоках донского храмостроения, пишет, что три части донского станичного храма, располагаясь по одной линии, *«именовались с востока на запад: алтарь, мужичник, бабник»* [Пищулина 1998: 36]. Этот вывод находит свое подтверждение в записках В.Ф. Минорского и Н.И. Щербо, посетивших некрасовцев на оз. Майнос в начале XX в. [Минорский 1902: 30–31; АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1902–1914 гг. Д. 4955. Л. 44–70]. Вот, что увидел в 1904 г. капитан Н.И. Щербо: *«Главный неф, разделенной по длинной оси двумя деревянными решетчатыми перегородками с широкими проходами на три помещения: первое, с запада – для женщин, второе – для мужчин, а восточное, возвышаясь на одну ступеньку, представляет как бы два клироса перед самым иконостасом»* [АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1902–1914 гг. Д. 4955. Л. 57об.].

Помимо всех этих оснований, повышающих в глазах древлеправославных христиан престиж Кубани, как крупного и признанного центра староверия, обратим внимание еще на один важный аспект проблемы: из среды священников, окормлявших кубанское казачество, писались авторитетные послания, например, о перекрещивании священников. Одно из таких посланий было составлено на основе либо *«соборного рассуждения»*, либо частного совещания в начале XVIII в. (возможно до 1713 г.) иеромонахом Герасимом, умершим на Кубани в 1751/1752 гг. в 90-летнем возрасте [Смирнов 1909: 038–041]. Скорее всего, указанное послание направлялось в Заволжье, на Керженец. Старообрядцы Крымского ханства, таким образом, активно участвовали в обсуждении актуальных для старообрядцев той эпохи вопросов. Но еще в 1703 г. представители старообрядцев-поповцев *«от Черного моря»* (населенники Кубани?) участвовали в составлении другого послания с Керженца о перекре-

щивании. И так, перед специалистами стоит важная задача: рассмотрев горизонтальные связи Кубани с другими старообрядческими центрами, выявить закономерности и особенности формирования в этой части владений ханов старообрядческой книжной культуры, книжности.

Среди факторов, также способствовавших постоянному притоку христианского элемента на Кубань, укажем на исключительно благоприятное проживание местных старообрядцев, успешно включенных в систему старообрядческих центров того времени. Статус Кубани в глазах старообрядцев время от времени мог возрастать и потому, что положение прочих центров (например, Ветки) ухудшалось. Е.Е. Дутчак тонко заметила по этому поводу, что *«ситуация поиска нужной географической точки обязательно будет связана с символической оценкой пространства, способностью оценивать любой физический объект по религиозно-нравственным критериям»* [Дутчак 2007: 26]. Можно говорить об упорном стремлении старообрядцев реализовать на Кубани мечты об обретении *«законного священства»*, *«обетованной земли»*. Предположим, что «чистому» пространству (в оценочных характеристиках символической географии) вполне могли быть уподоблены городки казаков Кубанского (ханского) казачьего войска с их храмами и часовнями, чудотворными иконами и священниками. Вспомним еще раз о монастыре, основанном на Кубани Анфимом!

Личная заслуга кубанских казаков-некрасовцев в том, что Кубань выбиралась потенциальными беглецами как желанное и достижимое направление своего ухода из России, представляется нам весьма существенной. Благоприятное проживание в регионе казаков-старообрядцев в соединении с другими актуальными для современников фактами (наличие священников и пр.) действительно определило долговременность и регулярность сманивания/бегства людей на Кубань. Надо полагать, что часть беглецов вливалась затем в состав Войска, оседала на Кубани и рождалась с местными казаками-старообрядцами; другая – столь же естественно могла рассматривать Кубань как удобную «перевалочную базу» на своем пути. Рассмотрим некоторые примеры из истории бегства российских подданных на Кубань, по преимуществу – к казакам-некрасовцам. Иногда «старообрядческие мотивы» в делах о бегстве на Кубань очевидны, почему мы и обращаем на них особое внимание. В других случаях указанные мотивы «заглушены» или даже отсутствуют [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1477. Л. 42–44 и др.]: ограниченный объем публикации не позволяет даже перечислить их в должном объеме. Безусловно, российские подданные бежали на Кубань по разным причинам, по-разному добирались сюда, но почти всегда они направлялись сюда под прямым или косвенным воздействием со стороны казаков-некрасовцев.

В 1727 г. возникло дело о так называемых «некрасовских шпионах» по доносу яицкого казака Ф. Медведева *«на казака Якушку Резенку с*

товарищами, которые присланы от Некрасова для подговору на Кубань *попа* (выделено нами. – Д. С.) и других единомышленников русских раскольников, живших в Донских городках на Миусе, да в зимовьях и землянках по Деркуле» [Дмитренко 1899: 66]. Выяснилось, что весной того же года они намеревались бежать на Кубань к И. Некрасову и С. Кобыльскому. Удалось схватить всех обвиненных казаков, кроме Я. Резенки. Оказалось, что во всех показаниях «подговоренных» казаков присутствовал религиозный мотив бегства на Кубань, так как там «староверят» и не гонят за старую веру. По справедливому замечанию И.И. Дмитренко, все это было слишком заманчиво «для массы раскольников, так часто покидавших родину по подговорам агентов Некрасова и его последователей» [Дмитренко 1899: 67]. Итог розыска по делу предстает «логичным»: согласно приговору, надлежало «бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри, сослать навечно в Сибирь Гришку Тимофеева, Игнашку Воронкова, Якушку Колесникова, Гаврилку Перепечкина, Гаврилку Тюленева, Гаврилку Павлова, Алексаишку Шузинова, Зенку Фролова, которые, согласясь с означенными шпионами и их единомышленниками, бежать хотели к изменникам на Кубань весною» [Дмитренко 1899: 68].

В том же 1727 г. очередной розыск в отношении «измены» донских казаков вновь привел на Кубань. В конце февраля 1727 г. в Транжаменте оказался некий «Федор Семенов сын Беляев», привезенный туда «от московских ворот». Оказалось, что фигурант бежал из Дурновской станицы Черкаска от казака А. Ильина [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 18. Л. 366]. Допрос Беляева показал, что тот оказался в тюрьме по приказу донского войскового атамана, откуда проследовал к Ильину «под чепь». Во время заточения ему довелось видеться с «русским человеком Алексеем», заявившим, что он располагает информацией о старшинах, продающих в Азов и на Кубань русских людей. В завязавшей переписке Войско Донское ответило, что А. Хромой при допросе отрицал, что говорил такие слова Беляеву. Подобный ответ не мог устроить власть, и Хромого вытребовали с Дона. Примечательно, что по дороге Хромой, опасаясь возможного убийства, заявил за собой «царственное слово». По делу «всплыл» вскоре и солдат В. Серый, сидевший под караулом в Черкасске [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 18. Л. 367об.]. Допрошенный вторично, Алексей Хромой (точнее, Алексей Есенков) заявил, что «слова» за ним действительно нет, но все, что он рассказал про старшину, правда. Дальнейшее расследование включило в орбиту лиц, его контролировавших, даже генерал-фельдмаршала М.М. Голицына, которому в те годы подчинялось Войско Донское.

Для осуществления следствия М.М. Голицын назначил бригадира А. Гулица, а на Дон отписал, чтобы Войско отвечало без промедления на все его запросы. Уже 3 августа А. Гулиц писал в Воронежскую губернскую канцелярию о том, что многие казаки из Черкаска уже при-

сланы, включая Серого, показавшего на многих людей «важные дела», включая данные о «побеге на Кубань к изменнику Игнашке Некрасову» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 18. Л. 370об.]. Тревога властей определялась масштабом возможной измены донских казаков, среди аспектов которой можно выделить снабжение ими азовских турок-османов боеприпасами и продажу в Азов рабов. Донцы, по словам Серого, даже отправили на Кубань к И. Некрасову казаков для переговоров с атаманом. Особое недовольство донцов тогда вызвали перепись на Дону, постой драгун, обиравших казаков, ограничения в выдаче паспортов. К уходу на Кубань готовились казаки донских станиц Урюпинской и Быстрянской, а некоторые из них при этом говорили: «*ежели де верховые пойдут на Кубань, то же и мы их неотстанем, понеже де и у нас стоят драгуны*»; «*в Верховых городках козаки ныне живут хуже русских мужиков*». Как видим, «старобрядческие мотивы» в планировавшемся казаками уходе на Кубань отсутствуют. Тем более внимательно должны отнестись исследователи к происхождению всех возможных мотивов, вызывавших намерение казаков уходить именно на Кубань, именно «к Некрасову» (хотя на рубеже 1720-х – 1730-х гг. атамана, вероятно, уже не было в живых), отнюдь не генерализируя значение религиозного фактора.

В 1728 г. в Санкт-Петербурге получили сведения о новых волнениях среди донских казаков, о том, что по Дону и по прочим запольным рекам «несмирно», что казаки «волнуются». Вероятно, между вышеописанными событиями 1727 г. и тревогами 1728 г. могла существовать определенная связь. Было решено послать указ М.М. Голицыну с одобрением всех ранее принятых мер и с повелением узнать, «*от кого то возмущение идет*» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 18. Л. 544об.]. Вместе с тем, рекомендовалось вести себя осторожно, чтобы не подать казакам повода к волнению и «*х какому озлоблению*». Однако, если «возмущение» все же произойдет, то с казаками надлежало поступать «*яко з злодеи*». Последующие события показали, что царские власти оказались готовы к определенному компромиссу по вопросу выдачи беглых с Дона (точнее, по признанию 1710 г. в качестве соответствующей рубежной точки для своих «запросов»). Речь шла о том, что казаки возражали против высылки с Дона лиц, объявившихся там до 1710 г. В итоге власть пошла на это предложение, вследствие чего напряженность на Дону пошла на спад. Однако уже 19 декабря 1728 г. на свет появился указ Петра II, согласно которому генерал-майору А. Тараканову (активному участнику переговорного процесса с казаками) поручалось быть под «*дирекцией*» М.М. Голицына в Транжаменте с «*поручением*» ему тамошних войск. А. Тараканову надлежало «*смотреть, чтоб от донских казаков никакой шатости и никаких противных поступок не происходило*» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 18. Л. 554]. Процесс высылки, начавшийся в том же 1728 г., продлился несколько месяцев. Недаром А. Тараканов указывал в

Сень Д.В. Православие на территории Северо-Западного Кавказа и место Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.)

своим донесением от 24 января 1729 г., адресованном в Государственную военную коллегию, что, высылая беглых, он жил на Дону девять месяцев, *«которые дела уже кончились»*.

По отношению к людям, время от времени возвращавшимся с Кубани на Дон, власти проявляли гибкость. Если они не были замечены в «воровстве», то после допроса их без наказания вновь поселяли на Дону. В 1714 г. на войсковом круге в Черкасске был прощен казак Д. Степанов, которого отправили на жительство в станицу Трехостровянскую, указав станичным властям: *«Вам бы его Данилу в станицу жить принять без всякого отлагательства, а из станицы вам не высылать, а назывкою не называть и в улику не ставить»* [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1393. Л. 2]. В 1715 г. с Кубани на Дон вышел бывший житель Черкаска Я. Блин [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1472. Л. 28–29]. В 1716 г. были отпущены *«жить по-прежнему в домах своих»* шесть казаков, явившиеся с Кубани с повинной в Черкасск [РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28. Л. 234].

Характеризуя *«движение в защиту старой веры»* 1720-х – 1740-х гг. на Дону, А.П. Пронштейн справедливо указал, что *«нам очень мало известно о характере и размахе движения»*, поскольку еще в 1744 г. сгорел важный в этом отношении архив Воронежской духовной консистории [Пронштейн 1961: 283]. Полагаем, что один из возможных путей дальнейшего исследования проблемы является изучение социальных сетей христианского населения Дону (казачьего и неказачьего) с теми центрами старообрядчества, которые оказывали на него очевидное влияние. Таким образом, документальные материалы о «кубанском следе» в истории «раскола на Дону» (XVIII в.) могут быть успешно использованы в условиях недостатка других источников. Между тем старообрядцев продолжали преследовать на Дону и в 1730-е, и в 1740-е, и в 1750-е гг. Свообразные основания для «долгой памяти» об этом у них имелись. Как говорили старообрядцы на допросе в 1748 г., их *«сыскивали»* всюду, отчего, например, *«на реке Чиру и на реке Доброй стало [им]... житье нудное»* [Пронштейн 1961: 284]. А в 1750-е гг. ревнители старой веры жаловались, что от преследования им уже на Дону нигде *«скрытца невозможно»* [Пронштейн 1961: 284].

В годы царствования Елизаветы Петровны, как и раньше, наблюдалось активное бегство староверов за пределы Российского государства, в том числе на территорию Крымского ханства – Правобережную Кубань. Бегство туда восьми казаков Маноцкой станицы в 1752 г. [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1. Л. 26об., 28, 58 и др.] привело к рассмотрению наболевшего для России вопроса в Стамбуле. Договариваться с ханом было бесполезно: на все претензии он отвечал, что, хотя и посвящен в суть вопроса, помочь ничем не может. Российский поверенный в Стамбуле А.М. Обресков предъявил ноту оттоманскому правительству, в которой потребовал не принимать более беглых на Кубань и к присяге

их не приводить. Быть может, с вручением этой ноты совпал разговор А.М. Обрескова с верховным визирем, состоявшийся 22 марта 1753 г. Российский дипломат заявил, что *«для лутчаго примеру и оказания подданным мало сведующим, сколь много высочайшие дворы дружжелюбно жить желают, всех прежде помянутых (беглецов. – Д. С.) возвратить, таким способом импонируется подданным, а преступники из головы вымут безопасное прибежище которым оные обнадеежены»* [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1. Л. 46]. Визирь с этим предложением согласился, заявив, что тех беглецов, которых уже удалось схватить, начали передавать российской стороне. Какое-то время разыскиваемые восемь донских казаков находились в Ени-Копыле, а на требование посланца от Войска Донского М. Барабанщикова выдать их сераскир отвечал, что *«от донского атамана о том не писано, а когда-де писано будет, в то время и расправитца может»* [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1. Л. 28об.]. Примечательно, что история с этими казаками рассматривалась в дипломатических кругах даже в 1753 г., причем косвенные данные показывают, что предполагаемыми местами их поиска были поселения некрасовских казаков на Кубани.

Большой интерес представляет и история конфликтов внутри самого казачества. Из донесения атамана С. Ефремова Елизавете Петровне от 27 марта 1753 г. узнаем об одном таком примере, содержание которого имеет отношение к истории старообрядцев Кубани. Более того, рассмотренное ниже дело оказалось связано с бегством казаков на Кубань восьми казаков станицы Маноцкой. 5 марта того же года казак станицы Маноцкой А. Павлов донес в войсковую канцелярию на местных казаков. Судя по рассказу казака, на рождественский мясоед он зашел в станичную избу. Там собрались многие казаки, включая его знакомых Е. Ананьева, П. Ларченкова, И. Анохина и др. – *«с прочими их учителями, толкуя криво о божестве, приводили народ в подобие своего заблуждения и в душепогубную расколническую ересь»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 2. Л. 1об.]. В частности, казаки завели речь о наступивших *«днях Антихристовых»*, о неправильной службе в церквях, звучали обличения четырехконечных «латинских» крестов. В церкви, говорили казаки, ходить невозможно, поскольку туда *«ходят отлученные люди, яко то табачники, брадобрити и армяне»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 2. Л. 2]. Донцы-старообрядцы попытались привлечь на свою сторону и Павлова, но тот отказался. В другой раз Павлов зашел в дом местного казака Петра Кужелева, где уже собралось до 30 человек, а казак Иван Анохин читал старопечатную книгу. В ходе споров Павлов каким-то образом повредил книгу, за что был избит присутствующими казаками.

Избитый казак пожаловался станичному атаману, однако местные донцы стали угрожать вновь: *«ежели де он Павлов их веру бранить*

будет, то де за то они ево бить будут немилосердно». Опасаясь, таким образом, дальнейшей расправы над собой, Павлов донес на казаков-старообрядцев. Среди фигурантов доноса оказалось десять человек, включая Пахома Ларченкова, родного брата Сергея Ларченкова, ранее бежавшего в числе восьми казаков той же станицы на Кубань [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч.2. Л. 3]. Таким образом, бегство казаков на Кубань в 1752 г. было связано, как минимум, для некоторых участников той истории, с религиозными мотивами. *«Сысканные»* на Дону и допрошенные в 1753 г. казаки признались (за исключением А. Киреева), что действительно крестятся *«двоперстно и в церковь не ходят... и на исповедь итить не желают»*. Переходя к описанию реакции властей на действия казаков-старообрядцев, атаман вспомнил о секретном императорском указе от 23 декабря 1752 г. на свое имя. Тогда, по причине *«бывшего в Ъловлинской станицы попа Тимофея и жены Краснощокова и протчих в ересь впавших не имеетца ль, таковых же ересей наставников, пришлых раскольников»* было велено ему, атаману, без разглашения *«разведат и сыскиват»*, предпринимая и другие меры [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 2. Л. 3об.]. Особую надежду атаман возлагал на постройку новых церквей, при которых надлежало держать *«ученых и искусных»* священников. Во исполнение этого указа священник Воскресенской церкви П. Спиридонов обратил особое внимание на девятерых казаков станицы Маноцкой. Однако его увещевания успеха не принесли, мало того, казаки вступили со священником в спор *«и в том закоснелом своем расколничестве остались»*.

В итоге было решено подать донесение в Правительствующий Сенат и требовать указа о «казаках-раскольниках». Судя по контексту другого документа, такой указ не был издан еще в середине июня 1753 г. [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 2. Л. 5–8]. История с беглыми казаками и с одним из братьев Ларченковых имела продолжение в 1758 г. Тогда на Дон в числе четырех человек вернулся казак К. Фарапонов, бежавший на Кубань в 1752 г. *«по подговору Пахома Ларченкова»* [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1393. Л. 72]. Оказалось, спустя шесть лет часть группы Ларченкова решила вернуться назад на Дон. 12 сентября 1758 г. Фарапонова проверяли в Черкасске на «честность». Собравшись на войсковой круг, казаки Войска Донского могли наблюдать, как «возвращенец» был высечен. А. Фарапонова в итоге простили и определили на жительство в станицу Мигулинскую.

Во 2-й пол. XVIII в. на Дону по-прежнему жили большие группы старообрядцев. Например, по сведениям священника станицы Терновской (1763 г.), в ней *«не обреталось»* ни одного жителя *«во изображении и заключении тайны Святыя Троицы в троеперстном сложении»* [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1490. Л. 51]. В том же году по заказу церковных властей происходило обследование *«по Дону и Дону церковного*

благочестия). Выяснилось, что во многих станицах *«того расколу... немалое число оказалось»*, а крест на иконах в церквях оказался *«старого изображения»*. О Кубани, как о возможном направлении бегства, религиозные неконформисты Дона помнили всегда. Судьба беглецов-«неудачников», как правило, была незавидной. В 1754 г. генерал-майор Сомов (бригадир И.И. Сомов?) сообщил генерал-майору С. Ефремову, что казаков, намеревавшихся бежать на Кубань, подвергли смертной казни [Щелкунов 1908: 166].

На Кубань в XVIII в. бежали и выходцы из других казачьих войск России, включая терских, гребенских, яицких казаков. Религиозный мотив в действиях беглецов замечен достаточно часто. Полагаем, что, как и в случае с Доном, для изучения старообрядчества в указанных войсках необходимо изучать максимально все (э)миграционные потоки людей «старой веры». Н.Ю. Селищев справедливо писал о старообрядческих потоках, соединявших друг с другом *«Ветку, Стародуб, Керженец, Яик, Сибирь, Кубань, Иргиз, Рогожское кладбище в Москве»* [Селищев 1994: 49]. Уже в 1724 г. многие казаки бежали с Терека *«кто куда: одни к горцам, кумыкам, другие на Кубань – к некрасовцам... В лесах Предкавказья тайно стали жить казаки-раскольники и другие беглые люди, получившие название "пустынников", которых ловили и жестоко наказывали»* [Гриценко 1977: 72].

Активную роль в преследовании казаков-старообрядцев сыграла Астраханская епархия, которой с 1731 г. руководил епископ Астраханский и Ставропольский Илларион, нетерпимо относившийся к религиозным «вольностям» терцев. В 1738 г. он приказал войсковому атаману Терского войска Д. Ауке, чтобы казаки крестились *«тремя персты»*, исполняли все другие церковные обряды, а православные священники следили за поведением казаков. Недовольство казаков вылилось, в частности, в уходе/бегстве на Кубань. Так, в 1745 г. астраханские власти были серьезно обеспокоены сведениями о том, что 11 казаков и одна *«баба-казачка вдова»*, *«застарелые в расколе»*, тайно ушли из Шадринского казачьего городка на Кубань, так как *«в Шадрине им жить стало изгонно, затем что принуждают их ко кресту»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 291. Л. 1–3]. Организаторами и пособниками бегства кизлярский комендант В.А. Оболенский назвал атамана станицы Шадринской Данилу Неписанова и рядового казака Марка Заваркова. Был допрошен ряд гребенских казаков, которые *«показали о сем уходе и во отпуску тех людей той Шадринской станицы на станичного атамана Данилу Неписанова»*. Сообщая о допросе Неписанова, В.А. Оболенский писал о необходимости допросить и Заваркова, казака станицы Шадринской, отпущенного по поручению атамана Гребенского войска Петрова в Астрахань, *«ибо оной казак яко главной тем беглецам предводитель»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 291. Л. 2об.]. Любопытна мысль В.А. Оболенского о том, что в це-

лях дознания «к допросам будут потребны казаки» и других городков, а не только жители Шадринского городка. Таким образом, справедливо полагает И.В. Торопицын, губернатор вполне мог убедиться в том, что В.А. Оболенский «грамотно повел следствие: он выявил свидетелей происшествия, провел их допрос, определил круг причастных к этому делу подозреваемых, взял у них показания, сравнил их, организовал очную ставку свидетелей и обвиняемых» [Торопицын 2006: 40–41].

Вскоре астраханский губернатор В.Н. Татищев сообщил в Государственную военную коллегию, что приостановил розыскное дело и решил «имеющихся по тому делу в содержании на росписку освободить, а между тем претерзгать, дабы более вредительских пользе е.и.в. поступков от них не произошло, в чем прилежное разведывание иметь, и во время следствия все те их противные дела ко обличению им представить» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 291. Л. 1–1об.]. Вместе с тем, продолжал Татищев, «что же подлежит о допросе отпущенного сюда казака Марка Заваркова, оной отсюда отпущен, по прошению всего войска в Саратов к астраханскому епископу с прошением о вышеписанном деле. И когда оной возвратится, надлежасчей допрос ему учинен будет. А о взятках с них казаков денег попом Алексеем Кононовым в духовную консисторию сообщено». Резюмируя вышеизложенное, губернатор просил «определить» его указом, как вести дело дальше. По всей видимости, В.Н. Татищев еще не располагал всей полнотой информации и опасался возможного возмущения со стороны казаков Гребенского войска.

Дело в том, что параллельно этому расследованию развивалось еще одно дело – по обвинению в расколе казаков того же войска. Еще в 1744 г. несколько священников из гребенских казачьих городков обвинили казаков-старообрядцев «в немалом расколе и противности святой церкви» [ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 58. Л. 1]. Епископ Илларион, принимая сторону доносителей, приказал направить соответствующий указ во все гребенские городки. И если в 1738 г. епископ «уступал» казакам в «двоеперстном кресте», то в 1744 г. он занял жесткую позицию. Отныне гребенцы должны были «изображать» на себе крестное знамение «троеперстным сложением», а за ослушание им угрожали преследованиями и наказаниями [ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 58. Л. 1об.]. Указ был позднее зачитан по казачьим станицам, вызвав к жизни «подписные листы» гребенцов, утверждавших, что в будущем они все равно желают «знаменатися двоеперстным крестом». Более того, 20 мая 1745 г. епископу Иллариону было направлено донесение от всего Гребенского войска, в котором казаки прямо писали: «В нашем Гребенском войске расколу не имеетца, ибо как отцы наши, деды и прадеды издревле состояли в православной вере христианской и крестили двоеперстным крестом, такоже и мы (атаман, есаул, станичный атаман. – Д. С.) и все Гребенского войска старшины и казаки от мала и до велика в том состоим и донныне» [ГААО. Ф. 599. Оп. 2.

Д. 68. Л. 1]. Наконец, казаки апеллировали к тому, что всем российским императорам и императрицам Войско присягало *«двоеперстным же крестом»*. Похожий документ казаки подали 20 мая 1745 г. на рассмотрение архимандрита Мефодия, управителя духовных дел Астраханской духовной консистории. Как и в документе на имя Иллариона, казаки выражали опасения, что гребенцы *«от двойной налоги»* могут *«разбрестись»*.

Дальнейшая позиция Иллариона подверглась определенной ревизии: скорее всего, убедили его не доводы казаков, а настроения, царившие в высших учреждениях. Дело в том, что Сенат к тому времени уже знал о бегстве казаков с Терека и позиция сенаторов стала более взвешенной. Строгость принятых к старообрядцам мер теперь осуждалась. Астраханский архиерей, по мнению Сената, должен был *«исподволь»* приводить казаков в *«правоверие»*. Иллариона даже вызвали в столицу, сделав ему надлежащее внушение. Кроме того, епископ не мог не учитывать умеренной позиции В.Н. Татищева о методах *«увещевания»* старообрядцев. Недаром, согласно указу от 25 июня 1745 г. было *«велено во оных всех казачьих гребенских городках для нынешней опасности к троеперстному сложению креста не принуждать, о чем и в Астраханскую губернскую канцелярию на присланную от его высокопревосходительства... Василья Никитича Татищева промеморию от его преосвященства писано»* [ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 58. Л. 23].

Однако приведенный документ не был посланием Иллариона священнику И. Иванову, как полагает И.В. Торопицын. В действительности, указ епископа данному адресату, священнику станицы Новогладковской, содержится в другом архивном деле. По тексту документа личная позиция епископа Астраханского и Ставропольского предстает следующей: *«принуждения и нападков»* по отношению к казакам *«не чинить»*, *«взятков»* никаких с них не брать, *«понеже у них кроме креста, иного... никакого нет и тому ж множественное число. И кроме их казаков российский народ крестится двоеперстным сложением, в чем находится... великий раскол»* [ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 68. Л. 3–3об.]. Последняя фраза, резкая и язвительная, свидетельствует о том, что очередное *«примирение»* Иллариона со старообрядцами было вынужденным, обусловленным оказанным на него давлением.

Возвращаясь к расследованию дела о побеге казаков на Кубань, заметим, что бегства, в общем-то, никто не отрицал. Вопросы касались, главным образом, состава группы и причастности к побегу Д. Неписанова и М. Заваркова. Сам атаман утверждал, что *«как своего городка, так и других никого на Кубань не отпускавал и лошадей никогда не продавал»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 291. Л. 6об.]. Во время очной ставки с *«изветчиками»* Неписанов виновным себя не признал. В деле имеются показания и других фигурантов – В. Матвеева, Л. Транова, С. Гусятникова. В частности, именно Гусятников сообщил, что Заварков рассказал ему

про беглых людей из Шадринского городка. Из показаний же Матвеева следует, что на охоте он увидел трех незнакомых ему человек, с которыми, несмотря на попытку завязать разговор, произошла драка. Известные, бросив мешок с хлебом, в итоге укрылись в лесу. Гусятников, бывший на охоте позже группы Матвеева, увидел у Шевелевского озера «немало» неизвестных русских людей, ехавших на арбе. Важное дополнение сделал тот же Гусятников, указавший, что он ходил на охоту еще раз, на сей раз с Трановым, где увидел 11 человек, среди которых оказались и его знакомые. Беглецы сказали, что уходят на Кубань, а отпустил их именно Неписанов, которому было уплачено 12 руб. [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 291. Л. 4]. При этом беглецы (среди которых, несомненно, были и казаки-гребенцы) просили Гусятникова никому о них не говорить. В подтверждение своего алиби Неписанов заявил, что не был дома целую неделю в течение того периода, когда происходили интересующие следствие события. С другой стороны, он не стал отрицать личного знакомства с М. Заварковым.

Дело затягивалось, причем еще в конце июля 1745 г. Государственная военная коллегия интересовалась в канцелярии Правительствующего Сената: «воспоследовало» ли «определение» на донесение В.Н. Тащицева о приостановке следствия? Определенный итог дела был представлен в справке секретной экспедиции Правительствующего Сената [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 291. Л. 10об.–11], согласно которой «злодейство» М. Заваркова и Д. Неписанова «явно оказалось». Власти решили заманить «изменников» под каким-нибудь благовидным предлогом в Астрахань. Чтобы казаки по дороге не убежали, за ними предписывалось отправить конвой, якобы для «охранения» казаков. После доставки гребенцов в Астрахань их надлежало держать «до указу под крепким караулом в пристойном месте и за что они содержатца... не разглашать. А за прочими гребенскими казаками велеть крепкое смотрение и наблюдение иметь». Однако вскоре план претерпел изменения. Сначала казаков вызвали в Кизляр под предлогом отправки в Кабарду с торговыми целями, а уже оттуда Заваркова и Неписанова доставили в Астрахань, где и заковали в кандалы [Торопицын 2006: 48].

Изложение дальнейшей судьбы «осужденных» гребенских казаков не входит в наши задачи, на этот счет в науке имеются другие исследования. Здесь же отметим, что напряженность в отношениях между гребенскими казаками и властями не исчезла и в дальнейшем, что конфликт периодически вспыхивал с новой силой. Так, в 1763 г. более 700 казаков гребенских станиц отказались пойти в церковь на исповедь. Кроме того, во 2-й пол. XVIII в. наблюдалось такое явление, как «подпитка» старообрядчества на Тереке за счет высылаемых сюда старообрядцев Дона, в том числе казаков. В одном из документов той эпохи говорилось, что когда с Дона на Терек явились разные «расколоучители», то «казаки

толпами последовали за ними и образовали самостоятельные секты» [Гриценко 1977: 74].

В начале 1750-х гг. еще одно дело аналогичной направленности было сформировано в Военной коллегии [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1]. Захват «лжестарца» Варфоломея в декабре 1752 г. в Дубовке (центре Волжского казачьего войска) и доставка его на Дон к атаману Д. Ефремову привели к началу масштабного следствия. В результате розысков других «лжестарцев» на Яике были пойманы 42 наиболее деятельных расколоучителя, в основном – «лжестарцы» и «лжестарицы», или, говоря словами Военной коллегии, целое *«раскольническое сонмище»* [Селищев 1994: 47]. Постоянная связь Яика с Дубовкой и неперемнное желание старообрядцев уйти на Кубань видны почти из всех материалов этого дела, пишет Н.Ю. Селищев.

Дело начало формироваться с донесения донского войскового атамана Д. Ефремова от 17 ноября 1752 г. в Государственную военную коллегию. Суть документа сводилась к сведениям, полученным в Войске Донском от казака П. Григорьева, встретившего 11 ноября на р. Грязноватой двух «лжестарцев» (один из которых и оказался Варфоломеем), вызвавших подозрение. В частности, Варфоломей интересовался, можно ли ему пробыть на Дону до весны, и нет ли там *«розысков о вере»*. Сам Варфоломей с товарищем пробирался с Яика в Дубовку *«от отцов с писмами»*. Рассказал Варфоломей и о другом важном фигуранте будущего дела – попе Тихоне, выходеце из донской станицы Иловлинской. В момент происходивших событий Тихон находился на Яике с младшим сыном, но весной будущего года, по словам Варфоломея, он намеревался с сыном и *«лжестарцами и ересенаставниками»* перейти в Дубовку. Оказалось, что указанные старцы, нашедшие пристанище в Яицком войске, имели намерение уйти на Кубань [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 1–1об.] и находились в сношениях с казаками Волжского войска. Ефремов организовал секретную операцию по «перезыву» лжестарца Варфоломея, отправив в Дубовку того самого казака Григорьева.

Интрига состояла в том, что местом устремления всех этих и многих будущих фигурантов дела оказалась Дубовка – центр Волжского казачьего войска, откуда старообрядцы намеревались проследовать на Кубань. Путь отступления был продуман тщательно – старцы рассчитывали, что им помогут дубовские (волжские) казаки, периодически ездившие за солью на Маноцкие озера, откуда, как полагали потенциальные беглецы, можно будет добраться до Кубани [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 5–5об.]. Был продуман и запасной вариант действий. Старцы намеревались следовать за дубовскими казаками в направлении Астрахани до р. Сарпы – правого притока р. Волги ниже Царицына. Оттуда, полагали старцы, на судах по Волге они *«без всякаго им препятствия на Кубань проехать могут»*. Любопытно, что запасные варианты

проникновения на Кубань имели место притом, что астраханские татары уже обещались за деньги переправить старцев на Кубань. По словам попа Тихона, все они смогут уйти на Кубань именно из Дубовки, по примеру того, *«как де... уже оной поп и в прошлом году трех монахов и одного попа с Дубовки на Кубань отправил»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 5об.].

Григорьев, включившись в «игру», даже стал уговаривать старцев идти на Ветку. Однако один из «лжестарцев» выступил против, сказав, что *«за дальностью туда невозможно»*. Перед расставанием старец посоветовал Григорьеву искать его при следующей встрече в саду майора Персицкого (Персидского). Таким образом, свою роль в реализации замыслов по переходу на Кубань должны были сыграть и дубовские (волжские) казаки, и яицкие казаки [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 33об.–34 и др.]. Подобная слаженность действий старообрядцев, конечно, не случайна. Здесь проявляется один из самых интересных и малоизученных аспектов темы – связи российских казачье-старообрядческих центров друг с другом, а не только с Кубанью.

Встревоженная Военная коллегия, действуя согласно императорскому указу от 7 декабря 1752 г., приказала провести ряд оперативных мероприятий, включая доставку Григорьева в Царицын, если тот не доставит Варфоломея. Но оказалась, что миссия Григорьева удалась, и вскоре Варфоломей давал показания. Расспросные речи «лжестарца» уникальны: в них содержатся сведения о перемещении старообрядцев по различным территориям, включая Ветку. Мирское имя Варфоломея – *«Василий Тимофеев сын Мусатов»*. В Дубовке он бывал неоднократно, где в свое время оказался и Тихон. Пребыванию старцев в Дубовке способствовал атаман Волжского казачьего войска – М.Н. Персицкий, снабжавший их хлебом и деньгами. Приезжал к ним в скит и один из сыновей Персицкого, в момент пострига Тимофея (ставшего Тихоном), *«для смотрения совершаемого при том пострижении еретического таинства»*. Более того, продолжал Варфоломей, войсковой писарь Д. Савельев даже брал дважды *«учителя Сергия»* для «службы». Полагаем, что справедливо мнение Н.Ю. Селищева о том, что верхушка Волжского войска точно так же поддерживала и оберегала старообрядцев, как это делали «войсковые чины» Яицкого войска [Селищев 1994: 48].

Перспективы изучения истории старообрядчества в Волжском войске тем более очевидны, что, несмотря на исследования по истории его образования [Курышев 2011], религиозная жизнь казаков этого войска еще не получила должного освещения в науке. Примечательно, что, согласно сведениям Варфоломея, в деле отправки «лжестарцев» на Кубань определенную роль могли сыграть войсковой старшина Ситников и казак З. Сениуков. Именно к ним Варфоломей приехал посоветоваться о переходе на Кубань. Впрочем, имеются сведения о причастности к опи-

сываемым событиям семьи атамана Волжского войска М.Н. Персицкого, которые заслуживают особого изучения.

В рассказе Варфоломея интерес представляют и другие детали. После начала действий розыскной команды подполковника Белова Тихон сбежал на Ветку, а сам Василий – на Яик, куда позже перешел на жительство и Тихон. На Яике Василий нашел *«тамошнего настоящего учителя Авраамия»*. Там же он принял постриг под именем Варфоломея [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 33]. Любопытны сведения о службах и трудах, совершаемых в Яицком войске «учителем» Авраамием, прибывшим из Сибири, для чего в городке была построена особая часовня *«и сделаны между казачьими домами скиты»*, в которых вниз по Яику проживало до 200 человек. Авраамий пользовался несомненным авторитетом в войске, причащая и исповедуя на Яике казаков и членов их семей. Впоследствии Авраамий отправился на Ветку, откуда, в свою очередь, на Яик прибыл поп Тихон. Нельзя не сказать и о таком важном для специалистов факте, как о большом собрании старцев на Яике (перед дубовскими событиями 1753 г.), на котором участники решали *«между собой как бы можно от гонения пробратца на Кубань»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 34]. Собранием руководил Иоаким (игумен *«расколнический»*, ранее живший на Керженце). В нем принимали участие, помимо Иоакима, Варфоломея и Тихона, старцы Евстафий, Никодим, а также человек, владевший, что примечательно, татарским языком. Именно Варфоломей предложил путь бегства на Кубань через Маноцкие соляные озера. Однако Тихон выступил против этого варианта, предложив в качестве возможного пути на Кубань *«Волощину»*, откуда он самолетно отправил на Кубань трех старцев и одного попа [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 34об.].

Из рапорта полковника Толстова от 22 января 1753 г. следует, что он с командой выступил в Дубовку, произведя обыски 4 января 1753 г. Никого из предполагававшихся к поимке, в том числе других «лжестарцев», тогда не нашли, Были арестованы волжские казаки, включая сына атамана – Андрея Персицкого. Арестованные, в свою очередь, отрицали «наветы» Варфоломея на причастность к укрывательству старообрядцев. Проявили казаки упорство и позже, настаивая *«под батогами»* на своих показаниях. Однако розыск давал все новые и новые подтверждения причастности казаков Волжского войска к «раскольничьей ереси». По итогам промежуточного изучения итогов расследования Государственная военная коллегия определила отправить изобличенных казаков в Синод, а также продолжить поиск скрывшихся и ненайденных казаков. Тех же казаков, кто был готов изменить *«перстосложение»*, надлежало отправить к епархиальному архиерею в Астрахань. Имели место и побеги: из-под караула сбежал казак Ф. Спиридонов, *«сущий раскольник»*.

Отметим, что розыск захватил и Яицкое войско. Туда, согласно императорским указам от 10 декабря 1752 г. и 15 января 1753 г., направлялись бригадиры А. Тевкелев и П. Бахметев. Им поручалось искать в Яицком войске «*ереси наставников*», включая попа Тихона: «*и в той их богомерской ереси и намерении к побегу на Кубань доискиваются*» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 147]. В результате розыска на свет появился именной список из 42 «*лжестарцев, лжестариц и бельцов*», отправляемых из Оренбурга через Уфу в Военную коллегию [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 153–164]. Любопытно, что в списке присутствуют имена и тех, кто уже «*отвратился*» от раскола, включая попа Тихона. Наказание им было определено сравнительно мягкое – разослать по епархиям, о чем Св. Синод проинформировал Государственную военную коллегию 16 июля 1753 г. Что до казаков, то их отправили к епископу Иллариону для «*отвращения*» от «*неправильного*» перстосложения. Некоторых важных для следствия фигурантов дела, включая М. Сергеева – зятя атамана Персицкого, а также казака Ф. Спиридонова, не нашли. По крайней мере, еще в апреле 1753 г. о поимке указанных лиц ничего не было известно.

Один из подозреваемых в расколе, бывший старшина З. Яковлев заявил, что он ни в чем не виноват, но пальцы он действительно слагал «*двоперстно, но если будет научение и повеление, то готов слагать три перста*» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 80]. Другие казаки тоже признались, что слагают пальцы «*по-старому*». 11 февраля 1753 г. состоялся новый допрос Варфоломея, в ходе которого он отрицал наличие намерений уйти на Кубань, хотя и признал, что имели место разговоры о том, что «*на Кубане расколщиком жить хорошио*» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 426. Ч. 1. Л. 124]. Однако по ходатайству оренбургского губернатора И.И. Неплюева Государственная военная коллегия приказала в 1756 г. «*всякие розыски и преследования раскольников на Яике прекратить*» [Селищев 1994: 50]. В середине XVIII в. Яик оставался одним из крупнейших казачье-старообрядческих центров Российской империи [Витевский 1878].

Рассмотренное «дело Варфоломея–Тихона» проливает дополнительный свет на историю старообрядчества в казачьих войсках Российской империи середины XVIII в., историю межгрупповых религиозных казачьих связей, а также на роль и место Кубани, как владения крымских ханов, в истории подобного культурного явления. Что касается дальнейшей истории «раскола» в Волжском казачьем войске, то перепись «раскольников» в Астраханской епархии 1764 г. выявила только в Дубовке 254 чел. [Очерки 2002: 266]. Не забывали местные старообрядцы и о Кубани. Из дневника В. Горлова, сопровождавшего императрицу Екатерину II в поездке по Волге, следует, что в Дубовке, где «*живет атаман Персидский... я видел вышедшаго из Кубани казака Донскаго, который туда бежал лет с пять с Дона с шестью Донскими же казаками, их*

двое из помянутых выходили сюда для подговора казаков туда бежать, и что этому было и удалось. Однако он Дубовскими казаками с подговоренным им одним казаком и старухою пойманы верст с 300 от Дубовки и теперь содержится в тюрьме» [Биографический очерк 1871: 56]. Не менее важны оказались и другие слова информанта: схваченный казак намеревался увести на Кубань свою жену, «находящуюся с детьми... у которой он месяца с три укрывался». Что до другого казака, то он сумел избегнуть плена и ушел назад на Кубань с женой и еще одним человеком. Что самое примечательное, оба казака, вышедшие с Кубани, действовали в своей «агитации» не без содействия священников Кубани! Как пишет В. Горлов, «они приняли грамоту для подговора от попа своего» [Биографический очерк 1871: 56].

О религиозной жизни кубанских казаков в 1760-е – 1770-е гг. известно гораздо меньше, чем за предыдущее время. Безусловно, казакам стало известно о лестном предложении зарубежным старообрядцам со стороны российских властей: вернуться и получить льготы при дальнейшем обустройстве. Манифестом от 4 декабря 1762 г. Екатерина II обещала старообрядцам прощение, «вспоможение» при переселении и льготы на 6 лет от всяких податей и работ. Были указаны места для поселения будущих российских подданных, включая земли Поволжья. Пропагандистский эффект обращения оказался высоким. Уже в 1763 г. в крепость св. Елизаветы прибыли «от живущих в Польше беглых российских раскольников поверенные 25 человек». Ходатаи просили разрешить им поселиться «между Дона, Терека, Кубани и других рек», уверяя, что их имеется «до 70 тысяч дворов» [Лилеев 1895: 131].

Однако кубанские казаки-старообрядцы на предложение вернуться в Россию ответили отказом. Несмотря на имевшие место переговоры о переходе в подданство, казаки-некрасовцы побоялись воспользоваться предложенными вариантами. Вскоре после событий русско-турецкой войны 1768–1774 гг. они стали массово покидать Северо-Западный Кавказ, переселяясь на Дунай и в Анатолию [Сень 2000]. Впрочем, в описываемое время дунайский регион был им уже знаком и частично освоен. По всей видимости, во 2-й пол. XVIII в. (точнее, в 1760-е – 1770-е гг.) значение кубанского старообрядческого центра снизилось. Напротив, благодаря их же общности, резко возросло значение центра старOVERерия на Нижнем Дунае, на что справедливо обратил внимание А.А. Пригарин [Пригарин 2010: 34]. Казаки-некрасовцы, оставшиеся на Кубани, все чаще беспокоились о своем будущем: какое-то время они были вынуждены даже проживать в Крыму. А в начале 1760-х гг. их выселили «ис прежняго места» в старинную крепость «на устье речки Кизилташ». Появились и иные трудности. Безусловно, сократилось количество казачьих городков на Правобережной Кубани, вследствие чего уже им было не до возведения новых храмов. Впрочем, обращает на себя вни-

мание традиционное и целенаправленное сбережение казаками своих общинных книг, важного признака местной старообрядческой культуры. Вкладные записи (об их эвристическом потенциале см. [Пригарин, Сень 2011]) одной из книг свидетельствуют, что она перемещалась вслед за казаками – от прихода на Кубань группы И. Некрасова до их прихода на оз. Майнос (Маньяс) в Анатолии. В ней также содержатся записи, относящиеся ко 2-й пол. XVIII в. [АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1902–1914 гг. Д. 4955. Л. 68].

Переходя к выводам, отметим, что историю казачества, славянства на территории Северного Кавказа невозможно изучить без обращения к истории старообрядчества. Оно успешно развивалось в регионе, неподконтрольном России вплоть до 1770-х гг. Многочисленные данные свидетельствуют о том, что Кубань, как часть территории Крымского ханства, в XVIII в. относилась к числу крупнейших центров тогдашнего старообрядческого мира, охватившего обширные пространства Османской империи, Крымского ханства, Речи Посполитой и Российской империи. Подобное положение вещей сложилось благодаря стечению различных факторов и причин. С одной стороны, мы отмечаем личный вклад в налаживание собственной религиозной жизни кубанских казаков-некрасовцев (старообрядцев). Именно они сыграли заметную роль в привлечении самого пристального внимания к Кубани со стороны других религиозных неконформистов. Одна из первых старообрядческих часовен на территории Кубани в городке Хан-Тюбе была возведена уже в начале 1720-х гг. Впоследствии казаки стали возводить у себя в городках и церкви. С другой стороны, казаков-некрасовцев поддерживали крымские и османские власти, политика которых в отношении местных казаков-христиан уходит своими корнями еще в конец XVII в. Крымские ханы, традиционно проводя политику поддержки этих подданных, оказывали помощь в удовлетворении духовных запросов со стороны казаков-старообрядцев. Известны случаи поддержки и султанским двором соответствующих запросов старообрядцев Крымского ханства.

На Кубань, во владения крымских ханов, старообрядцы бежали по разным мотивам, не все из них были казаками. Указанное явление имело место почти до самого конца существования Крымского ханства и до массового ухода казаков-некрасовцев с Кубани в 1777–1778 гг. Среди бежавших на Кубань представителей казачьих групп (войск) были донские, яицкие, волжские, терские казаки. Крымские ханы не препятствовали притоку беглых христиан на Кубань. Бегство старообрядцев на Кубань серьезно тревожило российские власти, которые всегда тщательно расследовали подобные случаи. Вопрос о причинах бегства на Кубань не стоит односторонне сводить к «некрасовской агитации». Мотивация к бегству со стороны людей именно на Кубань находила питательную среду в пространстве «воображаемой географии», религиозно-этических

оценок осваиваемого или предполагавшегося к освоению пространства, вопросов Исхода из «царства Антихриста» и поиска спасения. У старообрядцев Кубани сформировались тесные связи с казаками-старообрядцами Донского, Терского и других казачьих войск Российской империи, а также со старообрядцами других государств Европы и Востока. Сказанное выше подтверждает мнение ученых о необходимости системно изучать конфессиональную политику и Романовых, и Гиреев, и Османов в отношении христиан как комплексную исследовательскую проблему, в пространстве которой старообрядчеству принадлежит особая роль.

Источники

Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ (АВПРИ).

Государственный архив Астраханской области (ГААО).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Минорский В.Ф. У русских подданных султана. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1902. 56 с.

Павел, архимандрит. Краткое описание путешествия во св. град Иерусалим и прочие св. места / [Соч.] Архим. Павла. М.: Братство св. Петра митр., 1884. 111 с.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Фирман, данный турецким султаном Мустафой, по прошению Константинопольского Патриарха Серафима, Митрополиту Гедeonу, на Крымскую епархию // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. 2 (отделение второе и третье). С. 680–684.

Литература

Аваков П.А. Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710–1711 гг. в свете новых данных // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. С. 12–18.

Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова, составлен внуком его, графом Владимиром Орловым-Давыдовым. М.: Тип. императорской Академии наук, 1871. Т. 1. 370 с.

Витевский В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX вв. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1878. 236 с.

Гриценко Н.П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII–XIX веках // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИГУ, 1977. Т. XI. С. 69–81.

Сень Д.В. Православие на территории Северо-Западного Кавказа и место Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.)

Дмитренко И.И. К истории некрасовцев на Кубани // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар: б.и., 1899. Вып. 1. С. 65–68.

Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 412 с.

Зайцев И.В. О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории. Сборник статей / Отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Индрик, 2016. С. 63–82.

Зудин А.И. Старообрядчество на Кубани: региональная специфика и этапы становления церковной организации (конец XVIII – начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2009. № 4. С. 26–29.

Иванов В.И. Кириллическая книжность на Кубани в конце XVII – первой четверти XVIII века // Книжное дело на Северном Кавказ: история и современность. Краснодар: КГУКИ, 2007. Вып. 4. Ч. 1. С. 53–76.

Курьшев А.В. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.

Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. 596 с.

Мельников П. Старообрядческие архиереи // Русский вестник. 1865. Т. 45. Кн. 6. С. 469–475.

Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 гг. Ростов н/Д.: Фолиант, 2002. Т. 1. 632 с.

Парфений, иеромонах. Книга о промысле Божиим, как он чрез православие ведет к спасению, а неправославных обличает собственными их делами. СПб.: Тип. А. Семена. 1857. 317 с.

Пищулина В.В. Истоки традиций храмоостроения на Дону // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1. С. 35–43.

Пригарин А.А. Старообрядческое население Придунавья в конце XVIII – начале XIX вв. // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Одесса: б.и., 2006. Вып. III. С. 3–26.

Пригарин А.А. Старообрядческое священство в Измаильском градоначальстве первой половины XIX века // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Одесса: б.и., 2008. Вып. V. С. 51–60.

Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса-Измаил-М.: «Смилл»-«Археодоксия», 2010. 528 с.

Пригарин А.А., Сень Д.В. Записи в богослужебных книгах казаков-некрасовцев: информационные возможности источника и некоторые перспективы исследования книжной культуры старообрядцев // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований: Сборник статей / Ред.-сост. А.И. Слуцкий. Вып. 7. Краснодар: ДГПБ; КГУКИ, 2011. С. 28–50.

Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1961. 375 с.

Селищев Н.Ю. Старообрядцы в Уральском казачьем войске в XVIII – первой половине XIX в. (проблемы и перспективы исследования) // Вестник МГУ. Сер.8 (История). 1994. № 3. С. 42–54.

Сень Д.В. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и переселение казаков-некрасовцев в Османскую империю // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 1–2. С. 11–17.

Сень Д.В. Из истории освоения славянами Северного Кавказа и распространения старообрядчества в регионе (конец XVII – XVIII век) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2009а. № 4. С. 42–46.

Сень Д.В. Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII в. // Российская история. 2009б. № 6. С. 141–146.

Сень Д.В. Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани // Казарла. Этнический казачий журнал. 2012. № 4 (17). С. 10–18.

Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1909. 168 с.

Торопицын И.В. Политика российских властей на Кавказе в отношении казаков-старообрядцев (40-е гг. XVIII в.) // Кавказский сборник. М.: НИ ИД «Русская панорама», 2006. Т. 3(35). С. 32–52.

Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сборник научных трудов. Тверь: ТвГУ, 2000. Вып. 2. С. 63–67.

Щелкунов З. Преступления против «войска» по древнему казачьему праву // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1908. Вып. 8. С. 164–169.

ДУХОВЕНСТВО ЮГА И ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ ЕКАТЕРИНЫ II: ДЕЛО ТАМБОВСКОГО ЕПИСКОПА ФЕОДОСИЯ (1769–1773 гг.)*

Ряжев А.С.¹

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: riazhev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной региональной проблематике взаимоотношений государства и церкви по поводу правового положения официального греко-российского духовенства. В ней дана характеристика важнейших направлений курса екатерининской монархии применительно к духовенству, таких как регулирование его численности и социального состава, критериев социального статуса. Важное место отведено анализу процесса воплощения в жизнь просветительского идеала духовенства, вынашивавшегося верховной властью в классическую эпоху русского Просвещения, вскрыта связь между борьбой мнений в Уложенной комиссии и конкретными политико-правовыми мероприятиями в отношении духовенства на периферии государства. Наибольшее внимание в статье уделяется расхождениям светских и духовных властей в отношении среднего и низшего клира, детальному объяснению причин длительного сохранения подобного положения. В итоге автор констатирует: правовые решения относительно статуса духовенства в обществе по итогам работы Уложенной комиссии не были приняты, что проявилось в ходе драматического следствия над тамбовским епископом Феодосием (Голосницким). Отсюда в 1780-е гг. неизбежным стал новый, более радикальный этап реформ сферы религии во всех областях Российской империи, включая южные, до того не охваченных правительственной секуляризацией.

Ключевые слова: Российская империя, «просвещенный абсолютизм», Екатерина II, Уложенная комиссия, греко-российское духовенство, Церковь, епископ Феодосий (Голосницкий).

Вероисповедная политика «просвещенного абсолютизма» – актуальный вопрос историографии российской политической истории Нового времени [Ряжев 2006: 84–86]. Одним из важных аспектов этого

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

вопроса является исследование отношения верховной власти к господствовавшей греко-российской церкви и ее служителям.

В литературе давно обозначены правовые основы екатерининского курса в отношении духовенства [Григорович 1867; Крылов 1903: 622–639; Freeze 1977]. Важным результатом исследований стало положение об объективном характере секуляризации [Комиссаренко 1990: 123–124]. Большое значение имеет опыт анализа «просвещенных» подходов к духовенству в «Наказе» и Уложенной комиссии Екатерины II [Омельченко 1988: 32–38]. В трудах историков затронуты также наполнение и особенности екатерининских сословных мер по церковной части в целом ряде крупнейших регионов тогдашней России – на Русском Севере, в Сибири, центральной части. Возросло внимание и к церковной проблематике Северного Кавказа 1760–1790-х гг. [Ряжев 2006: 102–106]. Однако содержание правительственных шагов этих лет в сфере церкви и духовенства на юге и юго-востоке страны целиком, включая Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал, остается для специалистов неизвестным.

Основным источником для статьи послужили неопубликованные материалы следствия, под которым в 1769–1773 гг. находился тамбовский епископ Феодосий (Голосницкий), обвиненный в укрывательстве клириков его епархии от набора на военную службу. Материалы включают в себя переписку Г.В. Козицкого и Г.Н. Теплова, кабинет-секретарей Екатерины II, о результатах расследования, экстракт с изложением итогов работы следственной комиссии, прошение епископа в Св. Синод об освобождении из-под следствия и справки о штатном разборе духовенства по некоторым епархиям на юге и юго-востоке страны (Астраханской и другим). Все материалы относятся к заключительному этапу следствия и датированы августом 1772 г. – февралем 1773 г. Необходимо также упомянуть о переписке епископа в 1771–1772 гг. с Г.Г. Орловым, фаворитом Екатерины II, с просьбами о передаче документов по делу на личное рассмотрение императрицы [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 256. Л. 1, 3–3об.; Д. 264. Л. 1–12]. Названные материалы дают представление о конфликте светских и духовных властей по поводу причисления тех или иных лиц к духовенству, вскрывают приоритеты светских учреждений во взаимоотношениях с церковью на юге, и в этом аспекте их значение трудно переоценить.

Кроме того, привлекались изданные проекты Уложенной комиссии и законодательство, относящиеся ко времени расследования [ПСЗРИ-I, XVII 1830: 585–586; ПСПиР, 1 1910. № 381; Сб. РИО, 36 1882: 179–234]. Они отражают трактовки правовой природы и сословного статуса духовенства, господствовавшие в «просвещенных» и бюрократических верхах тогдашнего российского общества. По данным источникам можно воссоздать политико-правовой контекст следствия, что способствует пониманию как его хода, так и итогов.

Российская монархия обозначила подход к церковным людям с петровских времен – таковыми она считала только лиц, занимавших штатные (определенные властями) вакансии в действовавших храмах или в частях армии и флота, а также членов их семей. Прочие клирики, их взрослые сыновья в практике светских органов подлежали набору в солдаты, на гражданскую (канцелярскую) службу или записи в податные сословия. I и II Генеральные ревизии, а также пресловутые разборы церковных штатов – кампании преследования и мобилизации безместного, «праздного» (то есть не числившегося на постоянной основе в храмах, приходах) клира 20–50-х гг. XVIII в. не оставляли сомнений в содержании сословной политики властей [Ден 1918: 269–444]. Налицо, таким образом, было ущемление интересов церкви, жизненно заинтересованной в том, чтобы сохранять людской ресурс, явочным порядком присвоенный государством. С последним церковь была солидарна по части штатной политики лишь в одном пункте – она также стремилась затруднить доступ в духовенство из низов, дабы не допускать снижения численности тяглого населения.

Для южных и юго-восточных епархий штатные разборы были по сравнению с епархиями других областей страны более тяжким бременем: при общих для всех нормах мобилизации здесь числилось меньше храмов, приходов и, соответственно, духовенства. Воцарение Екатерины II в церкви связывалось с надеждами на окончание суровых штатных разборов. В этой связи в 1766 г. Синод настаивал на отмене очередного из намеченных разборов, который при Екатерине II должен был стать первым. Выражал радость по поводу наступления благодатных времен в переписке с Г.Г. Орловым и епископ Феодосий [Титлинов 1916: 81].

Монархия ответила согласием на просьбу Синода: 17 февраля 1766 г. вышел именной указ о составлении полных ведомостей клира и приостановке разборов белого духовенства до тех пор, пока они не будут составлены [ПСЗРИ-I, XVII 1830: 585–586]. Историки здесь справедливо отмечали силу сопротивления церкви, осознанного властительницей и вынудившего ее не спешить с привычными для абсолютизма мерами [Комиссаренко 1990: 78; Freeze 1977: 40]. Но дело было не только в сопротивлении духовных инстанций, давшем себя знать. Екатерина II вполне осознала неудовлетворительность старого порядка, когда светская власть выступала в роли охотников на безместных клириков, а церковь и епископы – в роли их укрывателей и нарушителей императорских указов. Причину столь ненормального положения правительница находила в отсутствии обоснованных и разумных правовых норм – «фундаментальных» законов. Задача выработать такие законы, способные регулировать штатную политику, отводилась Уложенной комиссии.

С начала 1766 г., в процессе подготовки «Наказа» для депутатов комиссии Екатерина II уделяла большое внимание проблеме статуса городских сословий – «среднего рода людей», к которым она была склонна причислять и белое духовенство великороссийских городов. Екатерининскую интенцию сохранила Дирекционная комиссия – руководящая инстанция Уложенной комиссии. В ходе выборов депутатов власти также держались этой позиции, согласно которой духовенство являлось городским сословием.

В частности, когда тамбовский депутат Дитятев, выбранный в августе 1767 г., предъявил в герольдмейстерской конторе Сената доверенность, подписанную от города только купеческими выборными, он получил разъяснение о необходимости собрать подписи представителей прочих городских сословий, в том числе духовенства: *«надлежит де подписаться всем гражданам, яко то дворянам, духовным, и канцелярским служителям, и всем градским жителям»* [ПСПиР, 1 1910. № 381]. Данный казус возник не случайно. В епархиях юга и юго-востока России, прежде всего Воронежской, Тамбовской, Казанской, Астраханской, духовенство в основном концентрировалось в городах, и власти, с самого начала склонявшиеся включить духовенство в состав людей «среднего рода», планировали создать статистически значимый прецедент. Однако сопротивление церкви дало себя знать и здесь: по указанию епископа Феодосия доверенность от духовного ведомства Дитятеву подписали не клирики, а лишь светские служащие, консисторские и архиерейские [ПСПиР, 1 1910. № 381]. В итоге желанный для Дирекционной комиссии прецедент, который позволил бы в дальнейшей законосоставительной и кодификационной работе судить о духовенстве как о прослойке горожан, не возник.

В период работы Уложенной комиссии вопрос о положении духовенства решался в основном в частных комиссиях. Первично он был отнесен к предметам занятий Комиссии о юстиции, поскольку, как говорилось выше, Екатерине II представлялось необходимым урегулировать статус клира общегосударственными законами. Затем он трижды поднимался в Дирекционной комиссии (28 августа, 5 сентября и 27 ноября 1767 г.), причем в связи с правами людей «среднего рода», и его связь с трудами профильной комиссии (о среднем роде людей) неуклонно подтверждалась. В итоге вопрос закрепился за ней окончательно.

Комиссия о среднем роде людей с самого начала работы готовила решение в соответствии с мнением Екатерины II. В декабре 1767 г. глава комиссии М.М. Щербатов предложил распространить юридическое понятие духовенства только на действительных священнослужителей (о церковнослужителях он даже не упоминал), приписав их наряду с мещанством к «среднему роду» и разрешив торгово-ремесленные заня-

тия и поступление на службу. В июле 1768 г. Комиссия о среднем роде людей завершила общий *«Проект законов о правах среднего рода государственных жителей»*. [Сб. РИО, 36 1882: 179–234]. Четвертой главой проекта (*«Права белого духовенства, поелику они причислены к среднему роду людей»*) стали именно положения М.М. Щербатова, оформленные еще в марте [Сб. РИО, 36 1881: 185–189; Покровский 1910: 63–64; Комиссаренко 1990: 85–86].

21 октября 1768 г. Комиссия о среднем роде людей доложила Дирекционной комиссии об окончании работы и потребности согласовать свой проект с Синодом. 12 января 1769 г. состоялось общее заседание Комиссия о среднем роде людей и Синода. 19 января Синод утвердил свои замечания к начертаниям комиссии [Титлинов 1916: 217–218; Покровский 1910: 72–75]. Против зачисления духовенства в какую бы то ни было группу Синод решительно возражал, желая *«чтоб все вообще духовенство не причислялось к среднему роду людей, но в особливом роде положено было»* [Сб. РИО, 36 1882: 187]. Выступил Синод и против запрета на пополнение духовенства из низов, полагая, как и некоторые депутаты Уложенной комиссии, что такое пополнение поможет церкви в борьбе с простонародной религиозностью [Крылов 1893: 217–218]. С марта по октябрь 1769 г. проект Комиссии о среднем роде людей вышел на финальную стадию – на рассмотрение в Дирекционную комиссию.

Январь 1769 г. ознаменовался, наряду с трудами частных комиссий, началом очередного разбора духовенства, откладывавшегося с 1766 г. Поводом к нему стала шедшая русско-турецкая война. Разбору подлежали все недействительные церковники, половина от количества их сыновей, а также четверть от численности сыновей штатных клириков в возрасте от 15 до 40 лет. От разбора освобождались только семинаристы, поступившие на учебу до 1 декабря 1768 г., а также клирики Санкт-Петербурга и некоторых наиболее почитаемых храмов и монастырей Москвы.

Для южных епархий никаких льгот не предусматривалось. Более того, здесь из-за близости предполагавшегося пополнения к воевавшей армии разбор проводился драконовскими методами. Так, воронежский губернатор А. Маслов взялся не только за клириков, но и за служителей епархиальных духовных правлений. Почин поддержал и тамбовский губернатор. Юридически это было обоснованно, так как штатов для данной категории служащих не существовало, и Синод, получив жалобы на светских начальников от епископов – воронежского Тихона (Малинина) и тамбовского Феодосия (Голосницкого), не смог дать совета архиереям. Самостоятельно Синод все же предпринял попытку защитить служащих, без которых консисторская работа на юге встала бы: он просил Сенат повлиять на

губернаторов и по аналогии с семинаристами не разбирать канцеляристов, устроившихся в местные консистории до 1 декабря 1768 г.

В условиях войны соображения целесообразности и светские нужды возобладали не только над интересами церкви, но и над законами. Власти, занявшись на юге и в Поволжье канцеляристами, очень быстро переключились на церковнослужителей (дьячков и пономарей), уже прошедших сито разбора и приписанных к церквям: среди них также искали недействительных. Сенат настаивал на разборе всех, кто не был посвящен в стихарь, хотя их считать недействительными было во все ошибочно [Титлинов 1916: 81–87]. В подобных условиях епископу Феодосию и пришлось участвовать в разборе по своей епархии. Шаги преосвященного свелись, как и прежде при разборах, к занижению численности духовенства, из-за чего он после немедленного конфликта с губернатором оказался под следствием [Титлинов 1916: 318–320; Благовидов 1899: 244–247]. Следствие шло в Воронеже, где заседала соответствующая комиссия в составе светских чиновников, и где пребывал сам архиерей, отстраненный на время работы комиссии от кафедры.

Экстракт следственного дела отражает неуклюжие попытки архиерея прикрыть действительные намерения. Он объяснял комиссии, что причиной его проступка стало ошибочное трактование им фрагмента сенатского доклада о разборе от 20 января 1769 г.: *«нужно знать и о том, сколько священно- и церковнослужительских детей за взятъем по преждеписанному распоряжению в службу и за укомплектованием церковей останется»*. Укомплектование церковей, пояснял Феодосий, он понял в том смысле, что за разбор необходимо браться не ранее, нежели будут заполнены вакансии, и, следовательно, направить на него только тех, кому нет мест при церквях, *«и для того приступил он прежде на укомплектование»*, определяя к церквям кандидатов, по его словам, избранных для этого еще до получения указа о разборе [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 264. Л. 3]. Но *«из дела видно, – настаивала воронежская комиссия в докладе, – что он посвящал... излишних и сверх указного числа»* [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 264. Л. 3].

Феодосий вновь оправдывался: в составе клира накопилось много неподходящих для службы при церквях, им и была прямая дорога в солдаты, *«и то самое разумел он укомплектованием»*. *«Держался слова укомплектование»* епископ, судя по его словам, и при отправке на разбор сверхштатных церковников, что шло *«в противность»* губернаторских списков. *«И сверх того, чтоб больше при церквях оставить, – добавляли неумолимые воронежские комиссары, – то и число указное дворов приходских архиерей прибавливал»* [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 264. Л. 5]. Губернатор, говорилось в экстракте, назвал преосвященному его ошибку, но тот не внял. В итоге, заключила комиссия, *«вина его состоит в*

том, что хотя бы он и предвидел из сей отсылки к разбору и отдачи в рекруты могущей быть недостаток, но когда уже ему истолковано..., что он указ не так понимает, то должен указу повиноваться и всех излишних, хотя бы они способны были преждеопределенных, отослать к разбору, а потом представлять о недостатке» клира на вакансии [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 264. Л. 3–3об.].

Другим прегрешением архиерея, вызвавшим гнев губернатора, стало поставление в дьяконы поповича В. Алексеева, бежавшего из-под разбора с забритым лбом. Тот был назначен на дьяконское место давно, брать на службу его по закону не надлежало, и Феодосий рассудил, что имеет право выдвинуть незадачливого беглеца на вакансию. Комиссия, однако, заключила: *«архиерей в том не прав, что по требованию губернаторскому одного попова сына прежде поставления в дьяконы не отослал к разбору. Сам бы губернатор по сношению архиерейскому не оставил его исключить от разбору, яко достойного быть в дьяконах»*, епископ же, не посчитавшись с губернатором, допустил этим *«закону преступление»* [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 264. Л. 3об.–4об.]. В материалах следствия обращает на себя внимание безусловное признание преимуществ губернатора и светских приоритетов в штатных делах, епископ же представляется вовсе лишенным права на собственные решения. Тенденция шла с самого верха и нашла отражение в длившихся трудах Уложенной комиссии.

В период с 27 мая 1768 г. по 18 октября 1771 г. работала частная Духовно-гражданская комиссия, предметом которой были все вопросы, связанные с религией и церковью в государстве и обществе, в том числе и штатная политика. Комиссия также склонялась к признанию духовенства «средним родом» людей. Итоговый проект – план-проспект законов о религии, получивший название «Толковый (с комментариями, толкованиями, отсюда и название. – А. Р.) план» (документ был опубликован О.А. Омельченко [Омельченко 1988: 80–96]), подобное положение все же опустил. Вместе с тем Духовно-гражданская комиссия не прошла мимо громкого воронежского следствия. В том же «Толковом плане» она предложила существенное ограничение власти как епископата в отношении белого духовенства, так и Синода в отношении церкви в целом. Более того, предлагалось в духе веротерпимости ввести общероссийское *«духовное правительство»*, сохранив Синод лишь *«к применению некоторых обрядов»*, то есть в качестве экспертного органа по делам православия [Покровский 1910: 117, 119, 120; Титлинов 1916: 234–236]. В итоге, Синод, как значилось в протоколе Духовно-гражданской комиссии от 7 июня 1771 г., *«за разными... обстоятельствами не токмо от сношения по сему плану отказался, но и никакого мнения об оном дать не благоволил»* [Омельченко 1988: 86].

Епископа Феодосия следователи, констатировав наличие его острой «*контроверзии*» с губернатором, признали виновным. Однако, обрета покровителя в лице Г.Г. Орлова, тот смог получить прощение, а дело 14 февраля 1773 г. было закрыто [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 264. Л. 2, 3, 11–11об.].

В целом следствие, как и ряд других аналогичных следствий после очередного военного разбора 1774 г., подчеркнуло принципиальный характер сохранявшегося в абсолютистском государстве противоречия. Идеалом «просвещенной» монархии выглядел наделенный личными правами класс духовных служащих, встроены в вождельный «средний род» городских обывателей. В интересах же церкви было сохранить наследственный характер духовного сословия, его широкий состав, подвижную границу, что она и делала, пользуясь влиянием епископата в делах назначения клириков на вакансии, открытые духовными штатами государства.

Уложенная комиссия, обозначив соответствующую коллизию, оставила ее неразрешенной в рамках права. Это обусловило новый этап церковных реформ в 1780-е гг. [Ряжев 2004: 146, 147, 150]. Он связывался, в частности, с планами упразднения монашества и имел особое значение для малороссийского духовенства и южных областей государства.

Источники

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. (ПСЗРИ-1). Т. XVII. 1765–1766. СПб.: Тип[ография] II Отделения Е.И.В. канцелярии, 1830. 1032+46 с.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (ПСПиР). Серия III. Царствование государыни императрицы Екатерины II. Т. 1. 1762–1772. СПб.: Синодальная типография, 1910. VIII+832+62 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Сборник Императорского Русского Исторического общества (Сб. РИО). Т. 36. [Исторические сведения о Екатерининской Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения / Д. Поленов]. Ч. 5. СПб.: Типография и Хромолитография А. Траншеля, 1882. XIV+435+[1]+IV с.

Литература

Благовидов Ф.И. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX столетия. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1899. 450 с.

Григорович Н.И. Обзор общих законоположений о содержании православного приходского духовенства в России со времени введения штатов по Духовному ведомству (1764–1863 гг.). Сост. Н. Григорович. СПб.: Синодальная типография, 1867. [2]+II+114+33 с.

Ден В.Э. Податные элементы среди духовенства России в XVIII в. Пг.: Типография Российской Академии Наук, 1918. 1400 стлб.

Ряжев А.С. Духовенство юга и юго-востока России в правовой политике Екатерины II: дело тамбовского епископа Феодосия (1769–1773 гг.)

Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г. М.: Наука, 1990. 190 с.

Крылов В.В. Екатерининская комиссия по вопросу о расколе // Вера и Разум. 1893. № 16. С. 207–222.

Крылов В.В. Екатерининская комиссия в ее отношении к духовенству как сословию // Вера и Разум. 1903. № 8. С. 467–483; № 9. С. 553–584; № 10. С. 622–639; № 11. С. 695–723; № 12. С. 758–771.

Омельченко О.А. Церковь в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. Сб. науч. трудов. М.: Всесоюзный заочный юридический институт, 1988. С. 24–92.

Покровский И.М. Екатерининская комиссия о составлении проекта нового Уложения и церковные вопросы в ней (1766–1771 г.). Казань: Центральная типография, 1910. 136 с.

Ряжев А.С. Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии // Отечественная история. 2004. № 2. С. 143–155.

Ряжев А.С. Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки: историографический вестник. 2005. М.: Наука, 2006. С. 84–126.

Титлинов Б.В. Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Его жизнь в связи с важнейшими событиями своего времени. Пг.: Типография М. Меркушева, 1916. XIV+1270 с.

Freeze G.L. The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1977. XV+320 p.

DOI 10.22162/2541-9749-2018-5-1-44-60

УДК 94(470)+281.93

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Кринко Е.Ф.¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: krinko@mail.ru

Аннотация. С началом Великой Отечественной войны руководство Русской православной церкви, несмотря на осуществлявшуюся прежде антирелигиозную и антицерковную политику, выступило с патриотических позиций, призвав советских граждан на борьбу с врагом. В экстремальных условиях военного времени развитие религиозной жизни получило новые стимулы, особенно на захваченной противником территории юга страны. Советское руководство пошло на компромисс с церковью, разрешив выборы патриарха и деятельность большинства храмов, восстановленных в период оккупации. Хотя этот компромисс в значительной степени носил декларативный характер, назначение архиереев Русской православной церкви в епархии южнороссийских краев и областей привело к включению в их состав большинства обновленческих приходов и священнослужителей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Русская православная церковь, юг России, обновленчество, Совет по делам Русской православной церкви.

Проблемы истории Русской православной церкви и ее взаимоотношений с Советским государством в годы Великой Отечественной войны в последнее время активно разрабатываются многими исследователями. В первую очередь, выделяются монографии М.И. Одинцова [Одинцов 1994], О.В. Васильевой [Васильева 1999], Т.А. Чумаченко [Чумаченко 1999], В.Н. Якунина [Якунин 2001], М.В. Шкаровского [Шкаровский 2005, 2007, 2010], обобщающие труды Д.В. Поспеловского [Поспеловский 1995], В.А. Цыпина [Цыпин 1997] и других авторов. По данной теме защищены кандидатские и докторские диссертации [Шимон 1995; Гущина 1996 и др.], ей посвящены специальные документальные публикации [Религиозные организации 1995; Русская Православная Церковь 1995; Политика

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

Третьего рейха 2003; Русская Православная Церковь 2009 и др.]. Все больше исследований характеризует советскую религиозную политику в отдельных регионах, в том числе на юге страны. Следует особенно отметить статьи Л.В. Табунщиковой и А.В. Шадринной [Табунщикова 2010; 2016; Табунщикова, Шадринна 2015; Шадринна 2017; 2018 и др.], выполненные на материалах Ростовской области, О.Ю. Редькиной и С.В. Мордвинова – Сталинградской (в настоящее время – Волгоградской) [Редькина 2003; 2012; Редькина, Мордвинов 2014], обобщающие очерки по истории Православной церкви на Кубани [Дело мира и любви 2009], монографию С.С. Белоусова о религиозной политике в Калмыкии [Белоусов 2017], ряд кандидатских диссертаций [Фефилин 2002; Сомова 2004; Гиеова 2005; Макарова 2008; Мордвинов 2014] и другие работы [Пантюхин 2014 и др.]. Немало внимания уделяется возрождению религиозной жизни на оккупированной противником территории юга страны [Кринко 2000; Линец 2003; Журавлев 2006; Ковалев 2009; Мордвинов 2013 и др.], появились первые работы о стратегиях выживания православного духовенства [Шадринна 2018]. Тем не менее, создание обобщающей картины взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви на юге страны в 1941–1945 гг. все еще остается перспективной исследовательской задачей. Ее реализация требует привлечения широкого комплекса различных исторических источников. Среди них не только официальные документы, в первую очередь, материалы Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР и его уполномоченных из фондов федеральных [ГАРФ. Ф. Р-6991] и региональных архивов [ГАРО. Ф. Р-4173 и др.], а также документы епархиальных архивов, но и различные источники личного происхождения.

Необходимо отметить, что в первые десятилетия советской власти в России осуществлялась откровенно антирелигиозная и антицерковная политика. Главным объектом антирелигиозных кампаний выступала Русская православная церковь, занимавшая господствовавшие позиции в Российской империи, имевшая самое многочисленное духовенство и наиболее значительное количество последователей. Она пережила ряд организованных властью расколов, под влиянием которой выделились обновленческое, григорианское и другие движения.

Как и по всей стране, на юге России подавляющее большинство церквей было закрыты, тысячи священнослужителей репрессированы. К началу Великой Отечественной войны в Краснодарском крае действовали всего 7 православных церквей, из них 4 обновленческих и 3 патриарших. В Сталинградской области оставались 2 церкви в сельских районах [Мордвинов 2013: 20] (по другим данным, и они уже не действовали [Редькина, Мордвинов 2014: 81]), в Орджоникидзевском крае – 10 церквей в городских и районных центрах [Линец 2003: 395]. В Ростовской области по официальным данным продолжала действовать лишь церковь в с. Обуховка Азовского района. Однако богослужения продолжались еще в 5 храмах (из почти 1 000, насчитывавшихся в Области войска Донского до революции) [Табунщикова, Шадринна 2015: 167]. На территории Калмыцкой АССР не осталось ни одной действующей церкви [Белоусов 2017: 113].

В 1936 г. был арестован архиепископ Ростовский и Таганрогский Дионисий (Прозоровский), в 1937 г. – архиепископ Кубанский Софроний (Арефьев) (обоих расстреляли в 1937 г.). В 1936 г. арестовали епископа Сталинградского Антония (Романовского), ранее считавшегося епископом Ставропольским и Донским. После этого архиереи Русской православной церкви на юге страны более не назначались, а епархии к началу войны подчинялись непосредственно местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию (Старгородскому). Обновленческая церковь сохраняла на юге России более сильные позиции: ее епархии возглавляли иерархи, которые могли осуществлять необходимые функции. С 1936 г. обновленческим митрополитом Северо-Кавказским и Ставропольским являлся Василий (Кожин), в 1937 г. ненадолго подвергшийся аресту. Кубанскую епархию с 1933 г. возглавлял епископ (с 1936 г. – архиепископ) Владимир (Иванов).

Часть советских руководителей предлагала полностью ликвидировать церковь и религию в СССР, однако этого не произошло. Многие советские граждане сохраняли религиозные убеждения и продолжали соблюдать церковные обряды. Особенно сильным оставалось влияние религии в сельской местности [Кринко 2015: 98]. В станицах, селах и деревнях продолжали отмечать религиозные праздники, прежде всего Пасху, во время которой на работу в отдельных населенных пунктах не выходило до половины колхозников. На последнюю предвоенную Пасху 20–21 апреля 1941 г. в церкви Новоселицкого района Орджоникидзевского края собралось свыше тысячи верующих, включая, как отмечалось в партийных документах, *«значительное количество молодежи и школьников»*. На работу не вышло свыше 2 тыс. человек в колхозах «Садовод», «Красный воин» и других хозяйствах. В колхозе «Восход» Шелковского района Орджоникидзевского края *«более половины колхозников не вышло на работу, пьянствовали»*. В колхозах «Вперед», «Красный Восток», «Красный Молот», имени Крупской Кизлярского района и в других хозяйствах в пасхальные дни не работало до половины колхозников [Советская повседневность 2003: 403, 405].

Даже отдельные коммунисты, в том числе занимавшие ответственные руководящие должности, продолжали соблюдать обряды и сохранять в домах иконы. В Новоселицком районе Орджоникидзевского края бывший руководитель районного отдела здравоохранения Гончаров, секретарь партийной организации колхоза имени Буденного Ефимов, заведующий военным отделом райкома ВКП(б) Матвеев, инструктор райкома ВКП(б) Дружинин, председатель сельсовета Гуржуенко окрестили своих детей, а когда от них потребовали объяснения, *«то они всю вину стали относить на своих жен и матерей»* [Советская повседневность 2003: 403, 405]. Вероятно, многие коммунисты и ответственные работников разделяли религиозные убеждения своих домашних, а для других они, напротив, становились причинами семейных конфликтов.

В условиях жестких запретов немало религиозных общин продолжали свою деятельность на нелегальной основе, собираясь на богослужения.

жения и после закрытия храмов. Тайно совершал богослужения, иерейские хиротонии и монашеские постриги бывший епископ Таганрогский, а затем Донской и Новочеркасский Иосиф (Чернов), вернувшийся в Азов после 5 лет, проведенных в Ухто-Ижемском лагере Коми АССР [Табунщикова 2016: 486].

Несмотря на осуществлявшиеся против церкви репрессии, ее руководство с первых дней войны заняло патриотическую позицию. Патриарший местоблюститель митрополит Сергей в первый же день войны 22 июня 1941 г., пришедшийся на православный праздник – день памяти всех Святых, в земле Российской просиявших, обратился с посланием к «Пастырям и пасомым Христовой православной церкви». В нем говорилось о том, что *«не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой, и выходили победителями»*. Митрополит призвал православных русских людей защитить Отечество, послужив ему *«в тяжкий час испытания всем, чем каждый может»* [Правда о религии в России 1942: 15–17].

Позицию митрополита Сергея разделяло большинство православных иерархов и приходского духовенства. В посланиях главы обновленческого направления митрополита Александра (Введенского), распространявшихся в августе 1942 г. на Северном Кавказе, также звучал призыв ко всем православным, *«от священства и до малейшего мирянина»*, не только молиться, но и действовать: *«С мечом в руках, с огнем веры в сердце пусть верующие исполнят свой великий воинский долг. Те, кто работает в тылу, пусть самоотверженно, с полным напряжением сил исполняют свои обязанности перед Родиной»* [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 21].

В свою очередь, советское руководство пошло на смягчение прежней антирелигиозной политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены общецерковные сборы средств; сняты ограничения на некультовую деятельность, проведение массовых богослужений и церемоний; стали открываться молитвенные здания; расширился выпуск церковной литературы. В сентябре 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников», в апреле 1942 г. дано разрешение на проведение пасхальных крестных ходов вокруг храмов. Также был снят ряд ограничений на внебогослужебную деятельность и на проведение массовых религиозных церемоний.

В Ростовской области в 1941 г. по инициативе верующих были открыты еще 3 храма, к служению вернулось 5 священников [Шадрина 2018: 79]. Однако в целом на юге страны серьезных перемен в положении церкви в первый год войны фактически не произошло. Уже попавшие в поле зрения правоохранительных органов религиозные активисты и рядовые верующие продолжали подвергаться репрессиям. Так, в августе 1942 г. С.А. Терзиян, 1886 г.р., проживавший в колхозе имени Свердлова Адлерского района Краснодарского края, обвинялся в *«читке религиозных книг*

– библии, из которой контрреволюционные измышления пораженческого характера, направленные против Советской власти... высказывает в кругу своего знакомства». В результате он попал в число лиц, подлежащих отселению с территории Краснодарского края в условиях наступления вермахта [ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 403. Л. 144–150].

Все это не позволяло Русской православной церкви удовлетворять возросшие потребности населения в духовной поддержке в связи с ухудшением материального положения, опасениями за судьбу призванных на фронт родных и близких. В условиях сохранявшихся фактических запретов на развитие «организованной» религии широкое распространение получило «народное христианство», выразившееся в настоящем всплеске различных суеверий и мистицизма, массовой вере в гадалок и прорицателей. В сентябре 1941 г. краснодарская краевая прокуратура докладывала о появлении в станицах Апшеронского, Лабинского и других районов большого количества листовок религиозного содержания, в которых сообщалось о «голосе спасителя в городе Иерусалиме», призывавшем молиться. Верующим предлагалось переписать 9 раз текст полученной записки и раздать его окружающим: «...через два дня получите радость, а напишите "спаси меня, господи, силою честного и животворящего креста твоего, Господи"» [ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–3]. Подобные листовки обнаружили в Яшалтинском улусе, а также в хуторе Карантин Приютненского улуса Калмыцкой АССР [Белоусов 2017: 154]. Отмечалось также появление многочисленных гадалыщиков-ворожей, определявших при помощи карт, колец, стука стула живы ли родственники, служившие в рядах Красной армии. Бывший коммунист Попов с 1 по 15 ноября 1941 г. гадал 30 гражданам, на вопрос о смерти родственников нескольким гражданам дал утвердительный ответ, «чем заставил их плакать и волноваться». Определенной платы не взимал, брал столько, сколько давали. Все гадалыщики привлекались к уголовной ответственности по статье 58-10 за «распространение контрреволюционной агитации и пропаганды» [ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 31–34].

Нацистские руководители еще до войны обсуждали необходимость возрождения церковной жизни на оккупированных территориях СССР в качестве одного из средств, призванных способствовать ликвидации советского строя. 1 сентября 1941 г. был утвержден специальный циркуляр Главного управления имперской безопасности «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза». В нем ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения, как враждебного большевизму, дробление его на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях. А. Гитлер 11 апреля 1942 г. указал на необходимость «избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была собственная секта со своими представлениями о боге» [Пикер 1993: 198].

На захваченной территории СССР поощрялось возрождение религиозной деятельности. С разрешения немецких властей в 1942 г. были восстановлены епархиальные управления Русской православной церкви на юге страны. В Ростове-на-Дону епархиальное управление возглавил архиепископ Николай (Амасийский) (руководивший Ростовской епархией до своего ареста в 1935 г.), в Таганроге – епископ Иосиф (Чернов). В начале 1943 г. Николай (Амасийский) получил титул митрополита Ростовского и Северокавказского [Галкин 2008: 66].

Обновленческий митрополит Северо-Кавказский и Ставропольский Василий сумел эвакуироваться в Грозный и не имел связи с приходами на захваченной территории. В Пятигорске находился обновленческий архиепископ Николай (Автономов), но у исследователей *«нет оснований утверждать, что ему подчинялись обновленческие приходы в оккупации, несмотря на разрешение немецких властей совершать богослужения архиерейским чином»* [Пантюхин 2014: 165]. Иная ситуация сложилась на Кубани: архиепископ Краснодарский Владимир «гостеприимно» встретил немцев и продолжал управлять приходами [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 165. Л. 26]. Он имел право рукополагать священников, в то время как в Краснодарской епархии патриаршей церкви не было канонического православного архиерея. Благодаря этому обновленцы сумели на Кубани в значительной степени сохранить свои позиции, хоть и нередко считались нацистами «агентами НКВД».

Документы свидетельствуют о том, что в период оккупации усилилась борьба между обновленцами и сторонниками патриаршей церкви. В сообщении германских спецслужб от 18 декабря 1942 г. говорилось: *«В Краснодаре как религиозном центре Кубанской области бурно сталкиваются между собой обновленцы и тихоновцы. Обе стороны хотят уклониться от контроля городской администрации и создать свое собственное церковное управление»*. Наиболее острый спор вызывала принадлежность Свято-Екатерининского собора. С согласия местной комендатуры его все же получила патриаршая церковь [Шкаровский 2007: 384–385]. Тем не менее, из почти 200 церквей и молитвенных домов, открытых на Кубани в период оккупации, 100 принадлежало сторонникам тихоновского, а 92 – обновленческого направления [ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4об.].

Своего епископа решил направить на Кубань синод Украинской автономной церкви. 31 августа 1942 г. в Почаевской лавре был возведен в сан епископа Краснодарского Никодим (Гонтаренко). В конце 1942 г. архиепископ Николай (Амасийский) также вошел в состав Украинской автономной церкви. Стремился распространить свое влияние на Ростовскую область и Патриарх Румынской православной церкви Никодим, вступив по этому поводу в переписку с архиепископом Николаем.

Оккупационные власти запрещали работать в дни церковных праздников, а за соблюдение религиозных обрядов предоставляли льготы и привилегии. В программы начальных школ было включено изучение Закона Божьего, печатались молитвенники и другая религиозная литература, а в календарях для жителей указывались православные церковные празд-

ники [НАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]. Немало молитвенных домов в Сталинградской и Ростовской областях, Краснодарском крае и Калмыцкой АССР было открыто по инициативе румынских полковых священников [Мордвинов 2013; Пантюхин 2014; Белоусов 2017 и др.].

В целом, за время оккупации в Ростовской области было открыто около 200 церквей [Табунщикова, Шадрина 2015: 166–176]. В Кабардино-Балкарской АССР открылись молитвенный дом в Нальчике и церковь в станице Солдатской. В Калмыцкой АССР – молитвенные дома в Элисте и селе Приютном, церкви в селах Троицком, Садовом, Уманцево, Соленом и поселке Оргадык [Белоусов 2017: 118–120]. В то же время в Северо-Осетинской АССР, где в ходе кровопролитных боев было остановлено продвижение вермахта, новые храмы не открывались. Напротив, за сопротивление жителей при наступлении вермахта был разрушен действовавший храм в станице Павлодольской. После чего на территории автономии продолжал действовать только один обновленческий храм в Орджоникидзе [Пантюхин 2014: 167]. А согласно приводимым М.В. Шкаровским сведениям, на оккупированной территории Краснодарского края действовало 229, Ростовской области – 243, Орджоникидзевского края – 127, Крымской АССР – 70 церквей [Шкаровский 2010: 190].

Поскольку значительная часть прежних церковных зданий была разрушена или обезображена, в церкви переоборудовали клубы и дома культуры. В станице Крымской Краснодарского края церковь открыли в здании электролечебницы, ранее представлявшем собой религиозное помещение. В ней регулярно производились богослужения, которые посещали «в большинстве случаев женщины престарелого возраста» [Кубань 2000: 605]. Но даже с привлечением уже отошедших от дел духовных лиц крайне не хватало священнослужителей. Партизанская разведка докладывала, например, что в станице Старонижестеблиевской «*попом служит бывший фотограф и он же бухгалтер райпотребсоюза*». Бывший фотограф организовал сбор денег для ремонта церкви, восстановленной в бывшем доме культуры, и выступил «*при открытии храма с контрреволюционной речью, обвиняя советскую власть в зажиме религии и восхваляя фашизм*» [Кубань 2000: 562].

В местной печати отмечалось, что «*после многолетних тяжких преследований*» религиозные общины, «*обрадованные разрешением совершать святые богослужения, во многих местах, не проверяя своих будущих пастырей, допустили к богослужению людей порочных и отрекавшихся при советской власти от Бога и от Св. Церкви*». В станице Дондуковской Краснодарского края священником назвался Нарыжный, ранее отрекшийся от своего сана, в Тульской – «*некто Ромащенко, предавший церковь в ст. Севастопольской*», в Гиагинской – Вертоградский, «*отрекшийся от правильного церковного пути*». В станице Ханской «*некто Щербань, не имея соответствующих документов, допущен общиной верующих к священнослужению*» [Церковь 1942]. Однако сам факт, что указанные лица смогли стать священнослужителями, свидетельствует о массовой потребности в исполнении религиозных обрядов.

Немало жителей, прежде всего, старшего возраста, добровольно трудилось над восстановлением церквей: строили, штукатурили, красили, белили, бесплатно выполняли другие работы, а затем приносили в дар уцелевшие иконы и богослужебные книги. На частные пожертвования прихожан была отремонтирована кладбищенская церковь в станице Славянской, а в храме села Калинино построили иконостас и приобрели колокол. По воспоминаниям Б. Сергеля, первоначально убранство церкви Успения Пресвятой Богородицы в Новороссийске было скромным: *«В алтаре стоял домашний стол, накрытый простой белой скатертью с распятием. У икон теплились разноцветные лампы, а сами иконы укрыты светлыми рушниками, тщательно выстиранными и отглаженными. Уже потом появились шитые золотом скатерти, дорожки, ковры и коврики – все это достали из заветных сундуков и отдали в дар церкви простые прихожане, в первую очередь пожилые женщины. Это они скоблили, отмывали стены, полы, что-то шили, раскладывали и развешивали»* [Сергаль 2005: 10].

В то же время оккупанты стремились использовать религиозную деятельность в собственных интересах. Священники на оккупированной территории нередко служили молебны во славу победоносной германской «освободительной» армии, призывали прихожан молиться за здоровье немецких солдат, организовали сбор средств в фонд вермахта. Уже 9 августа 1942 г., в день вступления оккупантов в Краснодар, в их честь был отслужен молебен в Дмитриевской церкви. Прибывшие немецкие офицеры поблагодарили присутствовавших *«за теплую встречу»* [Кубань 2000: 459]. 11 октября 1942 г. состоялась панихида в Александро-Невской церкви в Майкопе по *«убиенным, замученным и погибшим в застенках и лагерях православным христианам, а также воинам, жизнь свою положившим за освобождение нашей Родины от большевистского ига»*. Перед ее началом протоиерей Петр (Космодемьянский) произнес проповедь, в которой напомнил присутствовавшим *«о страшных гонениях и ужасах террора, которыми жиды и коммунисты мучили нашу Родину»*. Затем городской голова Н.В. Палибин призвал молиться за тех, кто *«за нас проливает кровь, за наших братьев-германцев»* [Вселенская панихида 1942]. Подобные молебны проводились во многих других городах, селах, станицах.

Разумеется, не все священники являлись сторонниками «нового порядка». Часть священников, ожидая возвращения Красной армии и опасаясь возможных обвинений в сотрудничестве с оккупантами, не стала возвращаться к церковной службе. Отказался от участия в пропагандистских акциях нацистов и продолжал поминать на богослужениях митрополита Сергия (Страгородского) епископ Таганрогский Иосиф (Чернов) [Табунщикова 2016: 486–487]. Были и те, кто прямо участвовал в сопротивлении оккупантам. Так, в здании отделения Государственного банка в станице Северной Краснодарского края в период оккупации был открыт молитвенный дом, где служил пострадавший от советской власти бывший священник Иоанн (в миру – Иван Павлович Авдеев). Его сын Леонид

находится в партизанском отряде «Мститель», и священник передавал за линию фронта сведения о противнике [Суворова 2005: 4]. В Пятигорске оккупанты в 1942 г. за сотрудничество с партизанами расстреляли протоиерея Гегеля, немца по национальности [Пантюхин 2014: 167].

После освобождения советской территории Красной армией многие церкви вновь были закрыты. Часть духовенства, опасаясь репрессий со стороны советской власти, ушла вместе с отступавшими войсками противника. В числе эвакуировавшихся был Николай (Амасийский), позже оказавшийся в Румынии и принявший юрисдикцию Румынской православной церкви. Еще до этого, 20 марта 1943 г. местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей особым посланием осудил его за связь с оккупантами [Шкаровский 2007: 383–384]. Священники, служившие на оккупированной территории, подвергались проверке органов государственной безопасности, по итогам которой некоторые были привлечены к юридической ответственности по обвинению в сотрудничестве с противником. Так, в Майкопе были арестованы П. Космодемьянский и П. Ливонов *«как активные организаторы подрывной деятельности против советской власти»*. Для новых приходов на освобожденной территории были введены новые ограничения, в частности, запрещен колокольный звон. Священникам запрещалось окормлять более одного прихода. В результате значительная часть религиозных общин вновь перешла на полуполюгальное существование, некоторые из-за отсутствия священников вообще распались, количество богослужений сократилось до минимума.

Однако и органы власти находились в определенном замешательстве, не имея четких указаний из центра о том, как вести себя с церковью, уже не считавшейся идеологическим противником. Ряд местных руководителей и пропагандистов продолжал осуществлять антирелигиозные меры и вести антицерковную пропаганду. Так, в Ильинском районе Краснодарского края председатель райисполкома в апреле 1943 г. дал указание закрыть церковь, открытую в период оккупации в бывшей церковной сторожке. После того, как в райком партии пришла группа верующих в 20 человек, секретарь райкома ВКП(б) отменил это указание. Вскоре от напуганных жителей поступила заявка за подписью 157 человек с просьбой *«забронировать священника Успенской церкви»*.

18 июля состоялось краевое совещание заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов ВКП(б) сельских районов Краснодарского края. В указаниях пропагандистам и агитаторам крайком партии подчеркивал, что при проведении агитационно-массовой работы нужно *«отказаться от старой антирелигиозной тематики – проводить только естественнонаучные лекции, ни в коем случае не затрагивая религиозных чувств верующих»* [Кубань 2003: 307–308, 435]. Несмотря на эти указания, активисты в некоторых районах пытались возродить «научно-просветительскую пропаганду» антирелигиозной тематики. Все тот же Ильинский райком ВКП(б) в августе 1943 г. организовал для населения серию лекций на тему: «Церковь на службе империализма и фашизма».

Однако изменившаяся ситуация позволила назначить церковных архиереев на давно пустовавшие кафедры. 8 июля 1943 г. Сталинградская епархия была вверена Саратовскому архиепископу Григорию (Чукову). Он стал именоваться архиепископом Саратовским и Сталинградским. Вплоть до конца 1943 г. архиепископ Григорий также управлял Астраханской епархией. 25 декабря 1943 г. по просьбе верующих астраханским архиепископом был утвержден Филипп (Ставицкий), уже занимавший этот пост в конце 1920-х гг. А после переезда архиепископа Григория в Псков 26 июня 1944 г. Сталинградскую область также передали в состав Астраханской епархии.

15 июля 1943 г. Патриарший местоблюститель митрополит Сергей решил направить в Краснодарскую епархию протоиерея московской Николо-Кузнецкой церкви Александра (Смирнова) *«для ознакомления с состоянием в ней церковных дел и для возможной организации там благочиннических советов и временного епархиального управления впредь до прибытия в Краснодар архиерея по назначению от Патриархии»* [Галкин 2008: 97]. До этого, в апреле 1943 г. протоиерей Александр уже побывал с инспекцией по поручению Патриархии в Ростовской области. Учитывая сильные позиции обновленцев на Кубани, Сергей предписал Александру священнослужителям, *«запятнавшим себя общением с неправославными»*, предлагать подавать *«заявления о желании быть в общении с нами и о раскаянии в совершенном грехе отступления от Церкви»*. 24 июля 1943 г. епископом Кубанским и Краснодарским был назначен Фотий (Тапиро), за два дня до этого отрекшийся от григорианского раскола. Протоиерею Александру было дано поручение сопровождать нового епископа и *«быть ему помощником по ознакомлению с состоянием епархии и по организации в ней епархиального управления»* [Галкин 2008: 99]. 10 августа был хиротонисан в епископа Ростовского и Таганрогского Елевферий (Воронцов), прибывший в епархию только в начале октября. 14 сентября 1943 г. архиепископом Ставропольским и Пятигорским был назначен Антоний (Романовский).

За десять дней до этого, 4 сентября состоялась встреча И.В. Сталина с высшими иерархами Русской православной церкви, после которой власть разрешила избрание патриарха и открытие церквей. Несмотря на то, что данное событие носило в значительной степени декларативный характер, его можно считать поворотным моментом в истории взаимоотношений советской власти и Церкви. В то же время религиозная деятельность ставилась под контроль специально созданной структуры – Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР, председателем которого был назначен полковник (с 1945 г. – генерал-майор) госбезопасности Г.Г. Карпов, возглавлявший соответствующий церковный отдел НКВД, и его уполномоченных на местах. Уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Краснодарскому краю был назначен И.И. Кириллов, по Ставропольскому краю – Н.А. Чудин, по Ростовской области – Г.Д. Амарантов, по Сталинградской области – С.Б. Косицын, по Астраханской области – П.В. Кулемин, по Северо-Осетинской АССР – Г.С. Филонов.

Но ряд советских руководителей продолжал выступать против снятия ограничений на открытие храмов, монастырей и других религиозных заведений. 13 октября 1943 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов заявил полковнику госбезопасности Г.Г. Карпову, что пока открывать храмы не надо, а ходатайства верующих следует отсылать местным властям на их окончательное заключение. Только там, где просьбы верующих носили наиболее настоятельный характер, а местные руководители не могли найти причин отказать им, были открыты новые молитвенные дома. В результате многие религиозные общины, испытывавшие недоверие к власти, не желали легализоваться [Фефилин 2002].

В итоге власти пошли на определенный компромисс. В 1944 г. специальным правительственным распоряжением религиозным объединениям было дозволено с санкции государственных советских органов арендовать, строить, покупать помещения, иметь специальные духовные школы, готовящие кадры священнослужителей, издавать религиозную литературу и журналы [Королева, Королев 2010: 31]. 1 декабря СНК СССР предписал местным властям воздерживаться от дальнейших закрытий храмов, не препятствовать ремонту зданий, а в случае настойчивых просьб населения разрешать открывать церкви не более двух-трех на район. Районные исполкомы стали заключать с религиозными общинами типовые договоры о передаче каменных церковных зданий вместе с имуществом в бессрочное бесплатное использование для удовлетворения религиозных потребностей верующих [Екатеринодар – Краснодар 1993: 616–617].

В Краснодарском крае количество церквей к лету 1943 г. сократилось в полтора раза по сравнению с периодом оккупации – до 148 храмов. К началу 1945 г. оно вновь выросло до 229 церквей, превысив их численность в период оккупации [Власть и церковь 2003]. В Ростовской области в 1944 г. не было открыто ни одного храма, а в 1945 г. возобновили работу 2 церкви [Табунщикова, Шадрин 2015: 166–176]. В конце войны здесь действовали 228 храмов Русской православной церкви и 2 незарегистрированных храма обновленцев. В Сталинградской области в 1944 г. насчитывалось 17 патриарших и 1 обновленческий приход [Редькина, Мордвинов 2014: 82].

В то же время во многих населенных пунктах власти не разрешили открытие приходов. В Северо-Осетинской АССР численность храмов возросла только за счет присоединения к ней новых районов в 1944 г. после депортации чеченцев, ингушей и балкарцев (см. табл. 1). В открытии церквей и молитвенных домов в станице Вознесенской Малгобекского района и станице Сунженской Пригородного района верующим было отказано вследствие того, что их заявления *«были составлены небрежно, без указания требуемых данных»*, а в открытии церкви в станице Архонской Орджоникидзевского района – в связи с отсутствием здания. Обращает на себя внимание тот факт, что количество церквей на оккупированных и затем освобожденных территориях значительно превосходило их численность в регионах, являвшихся тыловыми и прифронтовыми.

Численность православных храмов в Северо-Осетинской АССР в октябре 1944 г. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 8. Л. 10]

№ п/п	Районы	Действующие		Недействующие	
		Патриаршная	Обновленческая	Всего	Занято для хозяйственных и культурных нужд
1	г. Дзауджикау	—	1	4	4
2	Моздокский	1	1	5	2
3	Алагирский	—	—	2	2
4	Махчешский	—	—	2	2
5	Садонский	—	—	4	4
6	Ардонский	—	—	1	1
7	Гизельдонский	—	—	2	2
8	Коста-Хетагуровский	—	1	1	—
9	Пригородный	—	—	1	1
	Всего	1	3	22	18

Достижению компромисса между властью и церковью во многом способствовало то, что во время всей войны и в особенности на ее завершающем этапе религиозные организации не раз выступали с различными патриотическими инициативами. Русская православная церковь внесла в фонд обороны в годы войны до 300 млн руб., построила танковую колонну имени Дмитрия Донского, эскадрилью имени Александра Невского. Только в освобожденной Ростовской области духовенством и верующими с апреля 1943 г. до июня 1944 г. было собрано свыше 3 млн руб. [Редькина 2012: 118–121]. По инициативе протоиерея г. Шахты И. Васильева были собраны средства и построен танк «имени Православных Дона» [Шадрин 2018: 83]. В Краснодарском крае к 1 июля 1944 г. православными церквями было собрано почти 9,4 млн руб. Верующие Северо-Осетинского благочиния собрали 351,5 тыс. руб., в том числе 50 тыс. руб. на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского было внесено одновременно [Гиева 2005]. Отдельные священнослужители даже принимали участие в боевых действиях с противником в составе Красной армии. Священник В. Соколов прошел в рядах действующей армии всю войну в качестве медицинского статиста и был награжден 4 медалями. Священник И. Семенов служил разведчиком. Воевал в действующей армии и обновленческий священник И. Рождественский, лишь после ранения в 1943 г. вернувшийся к исполнению священнических обязанностей [Шадрин 2018: 79].

На завершающем этапе войны начался массовый переход обновленцев в патриаршую церковь. К этому времени на юге страны позиции обновленцев все еще оставались сильными. Более половины всех приходов обновленцев, 86 из 147 в августе 1944 г. находились в Краснодарском крае. В Ставропольском крае из 145 православных храмов 42 принад-

лежало обновленцам [Пантюхин 2014: 168]. В первое время после освобождения отдельные местные начальники, не разобравшись в изменении политики руководства страны, были склонны поддерживать обновленцев, считая, по традиции, тихоновцев непримиримыми реакционерами. 31 марта 1943 г. руководители Адыгейской автономной области докладывали в Краснодарский крайком ВКП(б) о том, что им удалось перевести 2 майкопские церкви, Александро-Невскую и Кладбищенскую, *«на лояльную советской власти новообновленческую ориентацию»* [ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 729. Л. 1об., 2]. Обновленческий митрополит Василий после изгнания противника с Северного Кавказа стремился объединить под своим контролем все открытые при оккупантах приходы, как обновленческие, так и канонические, а также принадлежавшие «карловацкой» и «катакомбной» юрисдикциям [Пантюхин 2014: 168]. В результате его епархия стала насчитывать 68 приходов – в пять раз больше, чем до нацистской оккупации [Шишкин 2015: 108–109].

Однако назначение новых иерархов Русской православной церкви усилило ее позиции. Особенно активную борьбу против обновленцев повел архиепископ Ставропольский и Пятигорский Антоний (Романовский), значительно в ней преуспевший [Шишкин 2006]. В Краснодарском крае за полгода управления епархией епископом Фотием к патриаршей церкви перешли 10 обновленческих приходов и 14 священнослужителей [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 78–78об.]. Тем не менее, позиции обновленческого архиепископа Владимира оставались еще достаточно сильными, сам он демонстрировал высокую степень лояльности к власти, в то время как популярность епископа Фотия у верующих была не слишком высока. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Краснодарскому краю И.И. Кириллов в отчете по итогам работы с февраля по июль 1944 г. предлагал: *«В связи со специфическими обстоятельствами, сложившимися на Кубани, переход обновленцев в патриаршую церковь целесообразно провести всей обновленческой епархией в целом, во главе с епископом Владимиром, причем в качестве Управляющего епархией желательно иметь Владимира с одновременным переводом епископа Фотия в другую епархию»* [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 17]. Этот вариант в итоге и реализовался. 27 декабря 1944 г. в Патриархию было направлено письмо от духовенства Краснодарской епархии с покаянием и просьбой принять епархию вместе с архипастырем в каноническое общение. На следующий день Синод принял постановление о принятии Владимира в сане священника и его назначении епископом Краснодарским и Кубанским по пострижении в монашество с именем Флавиан [Катаев 2006: 71–80].

В 1945 г. после полученных указаний от уполномоченного по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Ставропольскому краю принес покаяние и был принят в общение с Московской Патриархией в сане протоиерея Василий (Кожин). Он был назначен настоятелем церкви архангела Михаила в Грозном и благочинным церковью Грозненской области. Вместе с ним к Ставропольской епархии Московского Патри-

архата присоединилось 50 приходов Северокавказской обновленческой митрополии.

В целом, в годы Великой Отечественной войны существенно изменились условия для развития религиозной жизни в СССР. От политики гонений и систематических преследований за веру Советское государство перешло к своеобразному компромиссу с церковью, направленному на максимальную концентрацию всех сил и средств для достижения победы над противником. В значительной степени это было обусловлено патриотической позицией, занятой руководством Русской православной церкви и ряда других религиозных организаций. Значительно активизировалась религиозная жизнь и на захваченной советской территории. Наконец, изменение отношения к религии и церкви было важным пропагандистским фактором во взаимоотношениях с союзниками по антигитлеровской коалиции.

Источники

- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Государственный архив Ростовской области (ГАРО).
Екатеринодар – Краснодар. 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Кн. изд-во, 1993. 798 с.
Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн. 1.: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар: Советская Кубань, 2000. 816 с.
Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. Краснодар: Советская Кубань, 2003. 896 с.
Национальный архив Республики Адыгея (НАРА).
Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. И.В. Розанова. Смоленск: Русич, 1993. 485 с.
Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг.: сб. документов / Сост. М.В. Шкаровский. М.: Грааль, Общество любителей церковной истории, 2003. 368 с.
Правда о религии в России. М.: Московская Патриархия, 1942. 456 с.
Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938 – 1943 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 37–67; № 3. С. 41–70.
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов / Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 2009. 766 с.
Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М.: ПроPILEI, 1995. 400 с.
Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 471 с.
Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).

Литература

Белоусов С.С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917 – 1991 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 342 с.

Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 212 с.

Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 (Дискуссионные аспекты). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 380 с.

Вселенская панихида // Майкопская жизнь. 1942. 15 октября.

Галкин А.К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 57–118.

Гюева И.А. Русская Православная Церковь в истории Северной Осетии: XX – нач. XXI в.: дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005. 172 с.

Гущина А.В. Эволюция отношений государства и русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996. 140 с.

Дело мира и любви. Очерки истории и культуры Православия на Кубани. Краснодар: Традиция, Православный Краснодар, 2009. 304 с.

Журавлев Е.И. Коллаборационизм на юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2006. 229 с.

Катаев А.М. Последние годы обновленчества в контексте государственно-церковных отношений в 1943–1945 гг. // Приход. Православный экономический вестник. 2006. № 5. С. 71–80.

Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ, 2009. 372 с.

Королева Л.А., Королев А.А. Власть и мусульмане в СССР в Великой Отечественной войне (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (13). С. 30–34.

Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. 242 с.

Кринко Е.Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 1. С. 98–112.

Линец С.И. Северный Кавказ накануне и во время немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2003. 564 с.

Макарова Е.А. Взаимоотношения государственных органов власти и Русской православной церкви в 1940-е – 1960-е гг. XX века: на материалах Ставропольского края: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 279 с.

Мордвинов С.В. Православное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1942–1943 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2013. № 1 (23). С. 20–25.

Мордвинов С.В. Русская православная церковь на Нижней Волге и Дону в 1941–1953 гг.: возрождение социокультурных традиций: дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. 308 с.

Кринко Е.Ф. Взаимоотношения Русской православной церкви и Советского государства на юге России в годы Великой Отечественной войны

Одинцов М.И. Государство и церковь в России, XX в. М.: Луч, 1994. 171 с.
Пантюхин А.М. Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья и Терека). Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2014. 280 с.

Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

Редькина О.Ю. Сталинградские благочиния в годы Великой Отечественной войны и восстановительного периода // Очерки по истории Волгоградской епархии Русской православной церкви. Волгоград: Издатель, 2003. С. 245–286.

Редькина О.Ю. Власть и Церковь в 1943–1951 гг.: проблема церковной патриотической благотворительности (на материалах Нижней Волги и Дона) // Власть. 2012. № 4. С. 118–121.

Редькина О.Ю., Мордвинов С.В. Православное духовенство Нижней Волги и Дона в 1940–1953 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2014. № 6 (30). С. 81–90.

Сергель Б. Пасха Христова в Новороссийске в 1943 году // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 9–14.

Сомова И.Ю. Культурные и религиозные учреждения Ставропольского края в период Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 190 с.

Суворова Н. Молитва за Отечество // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 3–8.

Табунщикова Л.В. Религиозная политика государства в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 3. С. 86–90.

Табунщикова Л.В. Епископ Иосиф (Чернов): служение в оккупированном Таганроге в годы Великой Отечественной войны // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 485–492.

Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Статистика открытых в годы Великой Отечественной войны православных храмов и молитвенных домов на территории Ростовской области // Россия в мировых войнах. Сб. научных статей / отв. ред. А.И. Нарезный. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. С. 166–176.

Фефилин С.В. Взаимоотношения государства и религиозных организаций в 40-х – середине 50-х гг. XX в. (на материалах Краснодарского края). Дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2002. 235 с.

Церковь должна быть свята и непорочна // Майкопская жизнь. 1942. 11 октября.

Цытин В. История Русской Церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.

Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 248 с.

Шадрина А.В. Документы о деятельности органов государственного управления и контроля в религиозной сфере в Ростовской области в 1943–1991 гг.: состояние и возможности архивного фонда // Русский архив. 2017. № 5 (2). С. 125–141.

Шадрина А.В. Стратегии выживания православного духовенства Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2018. Т. 23. № 1. С. 77–87.

Шимон И.Я. Отношение Советского государства к Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 427 с.

Шишкин Е.Н. Кавказский священноисповедник митрополит Антоний (Романовский): жизнеописание. Ставрополь: Ставропольсервисшкола; Изд. центр Ставропольской православной духовной семинарии, 2006. 200 с.

Шишкин Е.Н. «Маршал воинствующих обновленцев»: деятельность митрополита Василия Кожина на Северном Кавказе после освобождения региона от гитлеровцев (февраль 1943 – февраль 1945 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). История. Вып. 62. С. 108–116.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 2005. 400 с.

Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.

Якунин В.Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Изд-во Самарского университета, 2001. 400 с.

История и этнография
Калмыкии

DOI 10.22162/2541-9749-2018-5-1-62-69

УДК 94(47)

КАБАРДИНСКИЙ ВОПРОС В КАЛМЫЦКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ЗИМОЙ 1720/1721 ГГ.*

Тепкеев В.Т.¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: vt75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения калмыков с кабардинцами зимой 1720/1721 г. Наступление крымско-кубанского войска на Кабарду, где вспыхнула внутренняя междоусобица двух партий, резко обострил «кабардинский вопрос» в калмыцко-крымских отношениях. Обращает на себя тот факт, что вмешательство калмыков в кабардинские дела не носило одностороннего характера, поскольку хан Аюка и его старший сын Чагдорджаб пытались воздействовать на обе враждующие партии. Автор приходит к выводу, что присутствие калмыцкого войска на Северном Кавказе сдерживало наступление крымско-кубанских сил на Кабарду, однако попытка примирить кабардинцев не имела окончательного успеха.

Ключевые слова: кубанские ногайцы, калмыки, кабардинцы, Калмыцкое ханство, Кубанская орда, Крымское ханство, Кабарда

Кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях XVIII в. имел особое значение, так как в Кабарде правители обоих кочевых государств традиционно имели большое военно-политическое влияние. Время от времени возникавшие конфликты внутри кабардинского общества создавали условия для новых военных вмешательств извне. В данной статье автор ставит своей целью подробное освещение одной из таких страниц калмыцко-крымского противостояния на кабардинской земле, которое отчетливо иллюстрирует всю сложность этого вопроса.

Междоусобица между членами княжеских фамилий Большой Кабарды вспыхнула в результате борьбы за земельные владения, главным образом по р. Баксан [Гарданов 1967: 142]. В Кабарде враждовали две

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII века» (№ госрегистрации АААА-А16-116053010036-2).

партии: одна в лице Арсланбека Кайтукина и Бековичей действовала в интересах России и неоднократно обращалась к русским за помощью [Пальмов 1932: 50]. Другая партия в лице Мисостовых и Атажукиных через ханского сына Салих-Гирея, находившегося у кабардинских родственников, обратилась за военной помощью к хану Саадет-Гирею [Кабардино-русские отношения 1957: 25].

В начале 1720 г. крымский хан испросил у Порты разрешения организовать набег на Кабарду, и правительство Ахмеда III санкционировало этот поход, разрешив для этого использовать и турецкие отряды, дислоцированные в Крыму [Смирнов 2004: 34]. Для крымского хана борьба с кабардинцами была особенно важна, так как они долгое время поддерживали Бахта-Гирея и провоцировали смуту в Кубанской орде. В конце мая авангард османско-крымских войск вступил на закубанские земли Кабарды. Мисостовы и Атажукины попытались руками крымцев уничтожить своих противников.

15 сентября 1720 г. в Астрахань прибыл посланец Аюки – зайсанг Олдоксон с письмом, в котором хан извещал о просьбе кабардинцев оказать помощь войсками. Калмыцкая сторона интересовалась у российской администрации: возможно ли предоставление ими такой военной помощи. С другой стороны, сохранялась опасность набега кубанцев на калмыцкие кочевья, поэтому Аюка просил прислать отряд Д.Е. Бахметева из Саратова для охраны улусов. Аюке ответили, что он вправе самостоятельно решать вопрос о помощи кабардинцам, а для обеспечения безопасности улусов калмыкам предлагалось кочевать под защитой астраханского гарнизона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 96–98].

В октябре Аюка отправил в разведку на Кубань людей из улуса дербетовского нойона Четера, которые захватили «языков» и табуны. По их данным, крымский хан, участвовавший в кабардинском походе, отбыл в Крым. Мятежный Бахта-Гирей снова просил у калмыков войска, чтобы пойти на кубанцев. Аюка склонялся уже к тому, чтобы оказать такую военную помощь, но саратовский комендант Д.Е. Бахметев срочно отправил к нему своего сына Ивана с категорическим запретом отправлять калмыцкое войско на Кубань и ссориться с турецкими подданными [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 49].

В ноябре майор И.Д. Бахметев прибыл в ставку калмыцкого хана в урочище Сасыколь, но лично встретиться с ним так и не смог – Аюка был сильно болен. Хотя И.Д. Бахметеву передали, что Аюка не поддерживает каких-либо отношений с Бахта-Гиреем, но до него дошли сведения о переходе калмыцкого войска под командой Чагдорджаба и Церен-Дондука (сыновей Аюки-хана) на правый берег Волги. Как оказалось, кабардинцы трижды в течение этого года отправляли посланцев к калмыкам с просьбой прислать военную помощь. По мнению калмыцкой стороны, кабардинцы, как и калмыки, являлись царскими под-

данными, и на этом основании хан Аюка и его наследник Чагдорджаб решили оказать им военную поддержку. В последний раз в калмыцкие улусы приезжал Эль-мирза Черкасский, и свою просьбу о помощи он аргументировал существованием государева указа, разрешающего калмыкам выдвинуться в Кабарду. Именно после этой информации калмыцкое войско и выступило на Северный Кавказ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 56]. По сообщению калмыцкого посланца Шарапа в Астрахани, 13 ноября калмыки перешли Волгу, *«понеже тот день по их вере [был] праздничной и к походам счастливой»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 119].

Некоторые подробности калмыцко-кабардинских переговоров становятся известны из сообщения посланца Аюки – Асана Шалеева, прибывшего 14 декабря в Астрахань. По его словам, осенью этого года кабардинские посланцы просили калмыцкого хана о помощи, а в случае отказа даже угрожали: *«ежели ты нам помощи не подашь, а нас де крымцы возьмут, то уже де мы, кабардинцы, с ними, крымцы, соединяясь, и будем де вас, Аюку хана и с калмыки, воевать»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 130]. Действительно, положение кабардинцев было критическим. Еще 2 ноября Аюка писал в Астрахань, что кабардинцы *«едва в целости сидят в осаде от крымские орды»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 118].

Однако наступление крымских сил на Кабарду, по всей видимости, не имело серьезного успеха, что вызвало сильное недовольство турецкого султана Ахмеда III. 20 ноября с письменным извещением от Чагдорджаба в Астрахань прибыл Бархагар. В это время его посланец, зайсанг Билютка, находился в крымских владениях, откуда прислал два письма с сообщением, что он задержан крымским ханом, который кочевал на Кубани и собирается там зимовать [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 130]. Турецкий султан прислал к Саадет-Гирею двух послов с ультиматумом: *«Послал я тебя для взятья кабардинских черкес, и велел я тебе это дело управитца в дватцать день, а ты не можешь управить и в два года. И ныне ты это дело в дватцать день управь тотчас, а ежели де в дватцать день не управишься, то де увидишь за это какую я тебе сделаю беду»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 124–125].

По другим данным, Чагдорджаб выдвинулся на Кубань по призыву Бахта-Гирея, который предлагал объединить силы и выступить против крымского хана. В обмен на поддержку он якобы обещал отдать калмыкам всех кубанских ногайцев. Осенью 1720 г. калмыцкое войско выступило в поход, и чтобы ускорить его движение Бахта-Гирей отправил к ханскому наследнику посланца Сарсага-агу. Чагдорджаб отправил вперед авангардный тысячный отряд под командой своего сына Дондук-Даши, но, достигнув Кубани, он по приказу своего отца не стал переходить реку, дожидаясь приезда Бахта-Гирея. Отправив к султану посланца За-

галдая, Чагдорджаб назначил встречу в урочище Табун-Улу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 123].

9 января 1721 г. в Астрахань прибыл посланец Аюки – Лузан-Дорджи с сообщением, что войска Чагдорджаба и Церен-Дондука соединились и стоят на левом берегу р. Кумы. В Кабарде в это время разгорелась междоусобица. По данным калмыцкой стороны, вражда у кабардинцев началась после того, как Арсланбек «не поддался» крымскому хану. Чагдорджаб выступал за силовое решение кабардинского вопроса и предлагал оказать военную помощь пророссийской партии Арсланбека Кайтукина. Аюка же был сторонником проведения осторожной политики в кабардинских делах: не принимать окончательно чью-либо сторону и решать конфликт путем мирных переговоров. Вместе с тем он хорошо понимал, что не имеет большого влияния на старшего сына, в том числе и по кабардинскому вопросу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 2].

С целью примирить враждующие партии в начале декабря 1720 г. в Кабарду от Аюки прибыл калмыцкий посланник Занба. В соответствии с тайным предписанием, полученным им от А.П. Вольнского, он должен был также собрать информацию о внутривосточном положении кабардинских земель [Рахаев 2012: 108]. В первую очередь калмыцкий посланник прибыл в ставку Хатокшоко Мисостовича, где собрались сторонники крымцев, и лично встретился с султанами Салих-Гиреем и Абаз-Гиреем – сыновьями крымского хана Саадет-Гирея. В ходе переговоров султаны предложили посланнику сделку: обманом захватить в плен Арсланбека Кайтукина и передать им, а в награду обещали ему 30 ясырей и 30 панцирей. Занба «для вида» согласился, но предупредил, что Хайсун (брат Арсланбека) и Чагдорджаб с калмыцким войском идут в Кабарду. Для поимки Арсланбека и Хайсуна калмыцкому посланнику Хатокшоко Мисостович выделил своего сына Магмета и еще 25 человек. Но Занба тайно известил Арсланбека о готовящемся против него заговоре, предложив ему воспользоваться моментом и совершить внезапное нападение на своих оппонентов. Когда Магмет прибыл в ставку Чагдорджаба на р. Кума и попросил военной помощи против Арсланбека, то тайша, уже зная все от калмыцкого посланца, ничего ему не ответил. Магмет, разгадав хитросплетения Занбы, решил вернуться обратно, но было уже поздно, так как Арсланбек внезапно для Мисостовых совершил на них нападение [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 116–117].

В январе 1721 г. две враждующие кабардинские партии сошлись в сражении на р. Нальчик, в котором верх одержали сторонники Арсланбека Кайтукина. Мисостовы потеряли 300 человек убитыми и ранеными, султаны бежали к отцу на Кубань, где располагались главные силы крымских войск [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 116]. Кайтукины

сразу отправили весть о победе Чагдорджабу, который вместе с Церен-Дондуком располагался лагерем на р. Кума. Нойон Бату (старший сын Чагдорджаба), стоявший с отрядом на заставе, после получения известия двинулся к месту сражения [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 8. Л. 2].

Чагдорджаб отправил к Арсланбеку и его братьям посланца с указанием, чтобы они приехали к нему в ставку. Аналогичное приглашение прибыть к тайше получили и Мисостовы с Атажукиными, которые вместе с крымцами желали продолжить войну. К ним в лагерь были отправлены Яман, Декерет-Норма и Хара-Батур. Противоборствующие кабардинские стороны отозвались на приглашение калмыцкого посредника и прибыли к нему в ставку. Со стороны Мисостовых и Атажукиных представителями прибыли Исламбек Мисостов, Мухамед Кургокин, Касай и Магмет Атажукины, Карамурза Алиев – все они остановились в лагерях Досанга (наследника Чагдорджаба) и Дондук-Омбо (внука Аюки). На другой день Чагдорджаб примирил Арсланбека и Исламбека и *«присяги у них побрал, чтоб им меж себя быть по прежнему в дружбе и любви, а крымцом не служить и к себе их не пускать и за них не стоять»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 118–119].

Однако неприязнь между кабардинскими князьями была настолько сильной, что уже после официального примирения Арсланбек тайно просил Чагдорджаба позволить ему схватить Исламбека и его людей. По его словам, они *«миром обманывают и подлинно де с крымском ханом каждой день пересылки имеют к соединению»*. Узнав об этом, Чагдорджаб устроил совет с братом Церен-Дондуком, сыновьями Досангом и Баксадай-Дорджи, племянником Дондук-Омбо, дербетовским нойоном Четером, эркетеневским правителем Яманом и другими калмыцкими владельцами. В итоге он приказал Досангу и Дондук-Омбо охранять пятерых кабардинских князей во главе с Исламбеком и никому их не выдавать. После этого они решили отправить к Аюке представителей двух кабардинских партий: Джамбулата, брата Арсланбека, и двух князей от Исламбека. За отправку кабардинцев в калмыцкие улусы отвечал Баксадай-Дорджи и Яман [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 119–120].

Однако Дондук-Омбо ослушался приказа Чагдорджаба и отпустил от себя Магмета и Касая Атажукиных. Они вернулись к себе в лагерь, собрали людей и убили ехавшего по дороге брата Арсланбека – Ханабая, а другого брата – Татархана – ранили. Узнав о вероломном нападении, Арсланбек обратился к Чагдорджабу с просьбой разрешить ему убить трех оставшихся князей во главе с Исламбеком, на что получил одобрение. В одну из ночей Арсланбек, собрав сотню кабардинцев и калмыков, напал на лагерь Досанга, но последний, узнав о готовящемся нападении, спрятал Исламбека и других у себя в кибитке. Через брата Нитар-Дорджи он передал Арсланбеку, что его подопечные кабардинские князья

уехали к себе домой, чем спас им жизни [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 120–121]. Как сообщал кабардинский князь Эндар в Астрахани, Досанг перед тем как отпустить, взял у Исламбека панцирь. По мнению Эндара, *«все оное дело испортили»* Досанг и Дондук-Омбо [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 127].

Ситуация на Кубани тем временем резко изменилась. Бахта-Гирей, проведя трехдневные переговоры, помирился с крымским ханом Саадет-Гиреем, который признал его «названным сыном». Они объединили свои силы против кабардинской партии Арсланбека, выступавшего против Крыма. Теперь нахождение калмыцкого войска в регионе уже не отвечало интересам султана. Загалдай вернулся к Чагдорджабу в урочище Табун-Улу и передал слова Бахта-Гирея, чтобы калмыки возвращались в свои улусы и перестали поддерживать кабардинцев, а Чагдорджаб с немногими людьми дождался его. В противном случае султан угрожал калмыцкому тайше начать против него войну. Дондук-Даши, так и не дождавшись султана, вернулся к отцу в лагерь [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 123].

Но Чагдорджаб не желал так просто возвращаться домой, не встретившись с Бахта-Гиреем, ради которого он привел калмыцкое войско на Кавказ и который обещал ему отдать всех ногайцев. С требованием встречи он повторно отправил посланца к султану – эркетеневского зайсанга Генджина, через которого они долгое время поддерживали связь. Аюка прислал к старшему сыну человека с предупреждением, чтобы тот не встречался с Бахта-Гиреем, *«понеже де он человек непостоянной и хочет де тебя, Чагдоржаса, обмануть»*. Калмыцкий хан поделился со своим наследником информацией, что якобы Бахта-Гирей во время переговоров планировал захватить в плен Чагдорджаба, а затем двинуться на Волгу и соединиться с местными ногайцами, чтобы разгромить Аюку. Однако тайша не поверил отцу и призвал его не доверять ногайцам [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 124–125].

В это время крымское войско располагалось на границе с Кабардой: хан Саадет-Гирей стоял на р. Лаба, его брат-калга – на р. Уруп, а брат-нуреддин с Бахта-Гиреем – в устье Кубани. От вторжения в Кабарду крымцев удерживало только калмыцкое войско, стоявшее на р. Кума. Саадет-Гирей прислал к Чагдорджабу посланца Джаншина с призывом вернуться домой, а кабардинцев оставить ему для наказания. Крымский хан откровенно намекнул калмыцкому владельцу, что подвластные калмыкам ногайские едисаны уже трижды присылали к нему посланцев с просьбой прийти самому или прислать Бахта-Гирея на Волгу и увести их на Кубань, а крымские ногайцы, наоборот, желают уйти к калмыкам на Волгу. Саадет-Гирей сделал предложение Чагдорджабу: *«и мы де с тобою для их ссоритца не будем, ты де владей своими татары, а я де буду владеть своими, но токмо де не стой за кабардинцов»*. Но он готов

был решить вопрос и силовым путем: *«а ежели де хочешь с нами, крымцы, воеватца, то де укажи место, и мы де с вами воеватца готовы»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 121–122].

Калмыки были в курсе того, что Бахта-Гирей помирился с крымским ханом, и это не могло не беспокоить их, как и российскую администрацию. Аюка, зная о контактах калмыцких ногайцев с крымцами, 12 февраля поинтересовался у астраханских властей: сможет ли он рассчитывать на военную поддержку в количестве 7–10 тыс. человек в случае прихода крымско-кубанских войск на Волгу или ему следует рассчитывать только на свои силы. В пример он привел поступок А. Бековича-Черкасского, который в 1715 г. также обещал дать войско против кубанцев, но так его и не предоставил [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 100–101].

В ответ Чагдорджаб отправил к Саадет-Гирею своего посланца с требованием, чтобы тот не трогал кабардинцев, и только в этом случае он готов был вернуться на Волгу. После того как калмыцкое войско вернулось домой, в марте по призыву Мисостовых и Атажукиных крымцы вторглись в Кабарду, и Арсланбек снова оказался в сложном положении. Как сообщал аудитор И.В. Кикин из Астрахани в Петербург в марте 1721 г., *«от калмык де им, кабардинским князьям Арсланбеку, пользы не учинено, но токмо де происходили пакости»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 122].

Наступление крымских сил на Кубань остановило известие об отправке астраханским губернатором А.П. Вольнским донских казаков на р. Куму, но последним было запрещено выходить за нее, *«дабы тем не подать туркам причины к нарушению мирных трактатов»* [Кабардино-русские отношения 1957: 25]. 5 ноября 1720 г. российский посол А. Дашков и верховный визир Ибрагим-паша заключили Константинопольский трактат о вечном мире, который, таким образом, заменил Адрианопольский мирный договор 1713 г.

Действия Бахта-Гирея на стороне крымских сил против кабардинцев очень сильно уронили его авторитет в глазах калмыков. Так, калмыцкий посланец Денджин, прибывший в Астрахань 16 февраля 1721 г., давал такую оценку отношению калмыцких владельцев к Бахта-Гирею: *«сердечного дружелюбия не имеют, кроме слов прелестных чрез своих людей, которые живут при нем, Бакты Гирее»*. При этом Денджин обосновал такое отношение к кубанскому султану: во-первых, *«в прямом миру быть невозможно, понеже де он человек превратной и непостоянной»*; во-вторых, *«покинул отечество свое»*; в-третьих, *«отпал от веры своей и с черкесы помирился»*; в-четвертых, *«за миром тех черкес и доныне воюет»*. Подытоживая сказанное, калмыцкий посланец задавался риторическим вопросом: *«И такому человеку можно верить?»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 104].

Тепкеев В.Т. Кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях зимой 1720/1721 гг.

Таким образом, кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях зимой 1720/1721 гг. не был решен окончательно. Калмыцкое вмешательство в кабардинские дела не имело положительного результата, поскольку противостояние между местными князьями сильно ожесточилось, к тому же оказалось осложнено кровной мстостью. Попытки Аюки и Чагдорджаба защитить кабардинцев от крымского вторжения и выступить в роли миротворцев закончились провалом. Не последнюю роль в этом сыграла и позиция Бахта-Гирея, который был союзником кабардинцев и калмыков. Одновременно он желал заручиться поддержкой крымского хана и заполучить титул кубанского правителя. Именно такая двойственная позиция в кабардинском вопросе очень сильно ударила по его авторитету в глазах калмыков, которые, несмотря на все перипетии в Кабарде, продолжали его поддерживать, рассчитывая на его лояльность.

Источники

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 424 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.

Пальмов Н.Н. Этюды по истории волжских калмыков. Ч. III–IV: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калм. обл. исполн. ком-т, 1932. 391 с.

Рахаев Дж.Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 годов. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 784 с.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2 т. Т. 2. М.: Рубежи XXI, 2005. 314 с.

DOI 10.22162/2541-9749-2018-5-1-70-76

УДК 321.74:9

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРТИЙНЫХ ЯЧЕЕК В РЕМОТНЕНСКОМ УЕЗДЕ КАЛМЫЦКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1921–1925 гг.*

Сартикова Е.В.¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов Национального архива Республики Калмыкия анализируется возникновение партийных ячеек в Ремонтненском уезде Калмыцкой автономной области в 1921–1925 гг. Установлено, что первая партийная ячейка Ремонтненского уезда была организована в с. Заветное еще 16 мая 1918 г. В ее составе числился 31 человек (25 членов РКП(б) и 6 кандидатов). К 1925 г. на учете в партийной организации уезда состояли уже 204 коммуниста, объединенные в 17 ячеек. Профсоюзная и комсомольская, агитационно-пропагандистская работа, работа среди женщин, советская и кооперативная работа – все эти направления осуществлялись под руководством уездного комитета партии. Недостатки в ячейковой партработе объяснялись нехваткой профессиональных партийных работников, отсутствием технических средств и транспорта для выезда в села.

Ключевые слова: Калмыкия, партийное строительство, учредительная партийная конференция, Ремонтненский уездный комитет РКП(б), численность, агитационно-пропагандистская работа.

Ядром советской политической системы, государственных и общественных организаций нашей страны являлась большевистская (коммунистическая) партия. Профессор А.Б. Безбородов совершенно справедливо указывал, что «КПСС в советский период никогда не представляла собой партию в классическом понимании этого термина, а была по существу партийно-государственной структурой, играла важную роль в мире и в судьбе многонациональной России» [Безбородов 2014: 556]. Поэтому ее разнообразный опыт партийного и государственного строительства не следует выбрасывать на «свалку

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

Сартикова Е.В. Возникновение партийных ячеек в Ремонтненском уезде Калмыцкой автономной области в 1921–1925 гг.

истории», а необходимо осмыслить для возможного применения в будущем.

Партийному строительству советская власть всегда уделяла серьезное внимание. Для решения этой задачи создавались партийные организации во всех регионах страны, в том числе и в Калмыкии. Как только закончились военные действия на территории Калмыцкой степи, после образования Калмыцкой автономной области (1920 г.) большевики приступили к оформлению партийной организации [Сартикова 2017б]. Сразу после I учредительной партконференции (1921 г.) Калмыцкий обком РКП(б) приступил к созданию улусных комитетов партии (улускомов). Предполагалась организация восьми улускомов соответственно числу улусов, но после изучения обстановки на местах из-за нехватки кадров и в целях укрепления отдельных организаций было решено в двух улусах (в Яндыко-Мочажном и Эркетеневском) пока создать один улуском. К августу 1921 г. в Калмыкии действовали 7 улускомов и один горрайком. Областной комитет партии стремился создать работоспособный партийный аппарат в улусных комитетах, укрепить его подготовленными кадрами.

Большая часть документов по истории Калмыцкой партийной организации хранится в фонде П-1 «Калмыцкий обком КПСС» Национального архива Республики Калмыкия. Документы фонда областного комитета партии, улускомов зафиксировали историю создания первых партийных ячеек Калмыцкого уездного комитета РКП(б) в январе 1920 г. Астраханским губкомом партии. В материалах областных партийных конференций, протоколах заседаний бюро обкома, улускомов РКП(б), докладных записках 1921–1925 гг. отражены деятельность партийной организации по переводу кочевников на оседлый образ жизни, мобилизации коммунистов и населения на борьбу с бандитизмом и с последствиями неурожая 1921 г., когда число голодающих достигло 97 % населения, и т. д. Изучив документы, можно получить представление о формах и методах организационной и идеологической работы партийных органов, узнать обо всех основных событиях истории республики. Обширный материал о деятельности улусных партийных организаций отложился в фондах улусных комитетов партии [Сартикова 2017а].

В 1921–1925 гг. в состав Калмыцкой автономной области входил Ремонтненский уезд, образованный постановлением ЦИК Калмыцкой области от 22 февраля 1921 г. в составе сел: Ремонтное, Большое Ремонтное, Валуевка, Киша, Кресты, Кормовое, Приютное, Богородское. В конце 1922 г. в состав Ремонтненского уезда включили Элистинскую волость. Постановлением Президиума ВЦИК от 25 мая 1925 г. Ремонтненский уезд Калмыцкой области был ликвидирован. Села Обильное, Заветное, Торговое, Валуевка, Ремонтное, Большое Ремонтное, Киша, Кресты, Кормовое и Богородское были переданы в состав Сальского округа Северо-Кавказ-

ского края, села Троицкое, Элиста, Вознесеновка, Бислюрта, Приютное — в Манычский улус, а Садовое, Уманцево, хутор Толочкова — в Малодербетовский улус Калмыцкой автономной области.

Образование в составе Калмыцкой области Ремонтненского уезда должно было упорядочить структуру землепользования. Район с населением 49 524 чел. охватывал территорию площадью 650 692 десятины. Однако население уезда пользовалось не только землями в его границах, но и оброчными, арендными и иными участками земли, находившимися за границей уезда, например, в соседней Донской области. Это осложняло национально-земельные отношения. Кроме того, Манычский улусный исполнительный комитет произвел в 1922 г. «уравнительную» раскладку налога по 150 тыс. руб. на каждую волость, забыв, что Элистинская волость имела примерно столько же скота, сколько все пять калмыцких волостей (аймаков). Это вызывало недовольство среди населения Калмыцкой области. Как отмечалось в информационном докладе Ремонтненского уездного комитета (укома) ВКП(б) за 2-й кв. 1925 г., *«отношение граждан к советской власти и партии удовлетворительное, за исключением части северных сел, таких как Садовое, Обильное, Уманцево и отчасти Киселевки, в которых наблюдалось верховенство кулаков, директивы власти проходили очень трудно. Например, граждане с. Обильного постановили ликвидировать крестьянские общества взаимопомощи (ККОВ). В Садовом кулаки тормозили создание фонда ККОВ»* [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 74]. Как следует из документов, *«антисоветских группировок и организованного бандитизма в уезде не было, но особого внимания заслуживали полубандитские, уголовно-бандитские элементы. Их необходимо ликвидировать, в первую очередь милиции, которой совершенно в уезде не достаточно»* [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 78].

В докладе о работе Заветнинской ячейки Ремонтненского уезда отмечалось, что *«она была организована еще 16 мая 1918 г. В ее составе числился 31 человек (25 членов РКП(б) и 6 кандидатов). Члены ячейки проводили только лекции на политические и общественно-воспитательные темы»* [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 90]. За период с 1923 по 1925 гг. в Ремонтненском уезде было переведено из кандидатов в члены партии 7 человек, принято 6 новых кандидатов, из них — 4 женщины. Вместе с этим имелась убыль по разным причинам (перемещение, откомандирование в другие места и т. д.). Кроме того, проверочная комиссия исключила 5 чел., из которых потом 3 были восстановлены [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 79]. К 1925 г. на учете в партийной организации уезда уже состояли 204 коммуниста: 133 члена РКП(б) (126 мужчин и 7 женщин) и 71 кандидат (65 мужчин и 6 женщин) [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 33], которые распределялись по 17 ячейкам. Список ячеек и фамилии их секретарей приведены в табл. 1.

**Сартикова Е.В. Возникновение партийных ячеек в Ремонтненском уезде
Калмыцкой автономной области в 1921–1925 гг.**

Таблица 1

№	Ячейка	Ф.И.О. секретаря ячейки
1.	с. Кормовое	Паськов Федор Яковлевич
2.	с. Кресты	Матыченко Ефим Митрофанович
3.	с. Приятное	Пасечников Алексей Павлович
4.	с. Ремонтное	Ермалаев Петр Кузьмич
5.	с. Валуевка	Завгородний Антон Иванович
6.	с. Элиста	Трофименко Фенит. Васильевич
7.	с. Троицкое	Чавычалов Александр Андреевич
8.	с. Вознесеновка	Куликов Никита Тихонович
9.	с. Богородское	Синарев Яков Кузьмич
10.	с. Заветное	Вишигурский Андрей Иванович
11.	с. Федосеевка	Антонов Никифор Ефимович
12.	с. Торговое	Герасименко Семен Харитонович
13.	хутора Сухота	Герасименко Василий Кар.
14.	с. Киселевка	Лешешко Прокофий Иванович
15.	с. Обильное	Пащенко Федор Тихонович
16.	с. Садовое	Хренов Егор Петрович
17.	с. Кичкино	Рамащенко Пантелей Павлович

Аппарат Ремонтненского укома РКП(б) состоял из организационного отдела, агитационно-пропагандистского и женотдела. Орготдел обеспечивался инструкторами, в женотдел была назначена новая заведующая — женщина с достаточной практической подготовкой. Обращает на себя внимание функциональный принцип строения управленческого аппарата и его социальная направленность. Отделы «социального» характера (женский, отдел деревни, агитации и пропаганды, национальных меньшинств) лишь начинали работу среди молодежи, женщин, крестьянства [Красовицкая 2014: 163].

Работа укома РКП(б) за 1925 г. характеризовалась следующими данными: проведено 10 заседаний уездного комитета партии, на которых рассматривались 3 политических, 9 хозяйственных и 90 организационных вопросов [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 81]. Большинство вопросов носило организационный характер: назначение, перемещение членов партии, создание организации, укрепление организации и т. д.; среди хозяйственных вопросов были урегулирование дел и положение в кооперации, улаживание конфликтов в волостных и сельских исполкомах. Из политических вопросов главное внимание обращалось на борьбу с бандитизмом.

Состояние и работу сельских ячеек в общей сложности считались удовлетворительными. Недостатки в ячейковой работе объяснялись нехваткой профессиональных партийных работников, отсутствием технических средств и транспорта для выезда в села. Уездный комитет партии

руководил ячейками методом письменных директив, путем командирования на места инструкторов, заслушивания докладов об их работе. Уком принимал меры по укреплению сельских ячеек. Секретарей сельских ячеек подбирали из лучших кандидатов, прибывавших красноармейцев-курсантов [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 83].

Профсоюзная и комсомольская, агитационно-пропагандистская работа, работа среди женщин, советская и кооперативная работа, – все эти направления осуществлялись под руководством уездного комитета партии. Под его руководством организовали профбюро с секциями советских служащих, работников земли и леса. Уездное профбюро состояло из председателя и секретаря. Работа в профорганизациях протекала слабо. Это объяснялось отсутствием специальных профработников. Работе среди бедноты уком уделял максимум внимания, правда она ограничивалась проведением собраний, которые проводились в связи с переборами крестьянских обществ взаимопомощи, кооперативных организаций, уполномоченного Рабземлеса. А работа по заключению коллективных договоров проводилась как важнейшая хозяйственно-политическая кампания [Сартикова 2015: 506]. Со стороны уездного комитета партии давались соответствующие указания ячейкам по работе среди бедноты. Таким образом, под руководством укома организация групп бедноты начинала принимать систематический характер.

Слабо прививалось в уезде кооперативное движение. Члены укома выступали агитаторами и организаторами кооперативных ячеек, записывались в члены кооперативов. В день кооперации вступили в кооперативы до 110 новых членов [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 23об.].

Работа среди женщин не велась из-за нехватки сотрудников. Уком нашел только одну женщину с достаточной практической подготовкой, которая стала зав. женским отделом. Она проводила собрания по воскресеньям, выступая с докладами о значении женщин в сельсоветах, кооперации и т. п. В результате работа среди женщин осуществлялась неравномерно. Например, в с. Ремонтном было проведено несколько делегатских бесед, а в некоторых селах только готовилась почва для участия женщин в перевыборах в сельсоветы [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 85]. Уком постоянно оказывал содействие в организации делегатских собраний женщин.

В организации РЛКСМ на 1 июля 1925 г. числилось 400 человек [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 86]. Но работа уездного комитета комсомола проходила так же, как и в женотделе, слишком плохо из-за слабого аппарата, который не мог организовать работу. В уезд прибыл только один курсант, член партии, опытный в организации комсомола, которого уком сразу назначил секретарем комсомольской организации уезда. В 1924 г. планировалось проведение конференции РКСМ, но она не состоялась [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 46. Л. 49]. В отчете ответственного се-

Сартикова Е.В. Возникновение партийных ячеек в Ремонтненском уезде Калмыцкой автономной области в 1921–1925 гг.

кретаря укома РКП(б) Линченко отмечалось, что в уезде насчитывалось 6 официальных отрядов юных пионеров и было организовано 4 детком-группы [НАРК. Ф. П-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 87]. Всего было 400 юных пионеров, с которыми иногда проводились спортивные занятия или работы в сельском хозяйстве (на огородах, бахчах, в садах и т. п.).

Агитационно-пропагандистская работа уездного комитета партии проходила через волостные комитеты (волкомы). Некоторые волкомы принимали меры к ликвидации политической неграмотности членов и кандидатов в соответствии с программой укома. Работа осложнялась из-за отсутствия соответствующих лекторов, поэтому к этой работе привлекали учителей. Уездный комитет партии принимал меры, чтобы в сельских клубах и читальнях имелось достаточно литературы по крестьянским вопросам, чтобы крестьяне могли получить любую справку в клубе или избе-читальне. Некоторые ячейки организовали справочные столы при избах-читальнях. Кормовской волостной комитет собрал 100 руб. и выписал необходимые справочники, географические карты, плакаты, журналы и газеты. Школы в уезде были переполнены учениками, т. к. граждане с желанием отдавали детей учиться. Помимо этого, имелось много фактов выплаты учителям зарплаты за счет населения. Характерно, что школы ремонтировались за счет населения. Учителя пользовались авторитетом среди крестьян, вступали в ряды РКП(б), активно участвовали в собраниях крестьян, где выступали с докладами. Всех учителей уездный исполнительный комитет командировал на политкурсы по переподготовке.

Кроме того, уком принимал устные и письменные отчеты фракций уиков, упрофбюро, волкомов и ячеек РКП(б), инструкторов учреждений и организаций, которые попутно еще проводили и советскую партийную работу.

Таким образом, Ремонтненский уездный комитет РКП(б) проводил общественно-политическую работу в деревне, обращал внимание на деятельность кооперативных объединений, комитетов крестьянской взаимопомощи, руководил профсоюзной и комсомольской организациями, работой среди женщин. Однако эта работа была еще слабой. Причина заключалась в нехватке опытных партийных руководителей, в политической отсталости населения, отсутствии агитационной литературы на калмыцком языке, технических средств и транспорта для выезда в села.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Литература

Безбородов А.Б. Введение // История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 5–9.

Красовицкая Т.Ю. Трансформация партийной структуры и кадровых механизмов: 1921–1928 гг. // История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 161–204.

Сартикова Е.В. Деятельность местных комитетов профсоюзов по заключению коллективных договоров в 1963–1973 гг. (на материалах Калмыкии) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 113. С. 502–512.

Сартикова Е.В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.) // Magna adsurgit: historia studiorum. 2017а. № 2. С. 22–37.

Сартикова Е.В. Организационное оформление Калмыцкой областной партийной организации // Genesis: исторические исследования. 2017б. № 8. С. 52–64.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920–1930-х гг.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА*

Бадмаева Е.Н. ¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время термин «повседневность» приобретает особую актуальность в исторических исследованиях. На основе широкого круга научных исследований, изучающих как отдельные аспекты истории повседневности, так и теоретические проблемы данной проблематики, нами изучена историография истории повседневной жизни российских крестьян в 1920–1930-х гг. Особое внимание обращено на современные исследования по историографии истории повседневности крестьян Юга России в указанный период.

Ключевые слова: крестьянство, история повседневности, историография, Юг России, национальные автономии.

Большой и важный пласт в отечественной историографии составляют исследования, изучающие историю крестьянства в 1920–1930-е гг. Это не случайно, так как крестьянство в указанное время составляло более двух третей населения страны и, безусловно, не могло остаться вне поля зрения советской исторической науки, как в первые послеоктябрьские десятилетия, так и на протяжении всего послевоенного периода. В работах историков эпохи социализма в соответствии с господствовавшей в советской историографии официальной концепции изучения истории и общества доминировало изучение «большой истории», «жизни замечательных людей». Нормативный историографический канон предписывал взгляд на историю советской страны как на историю славных побед и достижений, а на человека в истории как «винтика», по словам И.В. Сталина, «великого государственного механизма». Практически все работы историков написаны в полном соответствии с положениями марксизма, выступавшего в качестве теоретического фундамента общественных наук в СССР.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

Большинство исследований историков-аграрников советской эпохи посвящены изучению тех или иных аспектов социально-экономических и социально-политических процессов на селе. Исследования чаще всего касались вопросов восстановления сельского хозяйства, его отраслей, классового расслоения деревни, имущественной дифференциации крестьянства, борьбы с «кулачеством» под руководством партии большевиков, развития «социалистических» форм хозяйствования, коллективизации. Ученые обращали внимание на материальное положение крестьянства, расширение сети образования, здравоохранения, культуры на селе и т. п., которые рассматривались сквозь призму значительных успехов советского государства под руководством партии большевиков, несмотря на драматизм и трагизм этих событий, вызванных аграрными реформами советской власти, накал страстей в деревне. Письма, жалобы, обращения крестьян, сводки и донесения о настроениях в обществе, материалы проверок, чисток контрольных комиссий и т. д. свидетельствовали о действительном состоянии советского общества, но не могли в полной мере использоваться в советской исторической науке как источники: господствовавшая идеология не позволяла «испортить» общую картину «улучшающейся жизни» советской деревни.

В работах историков по большому счету не было реального отображения социальной картины истории, тем более предметного исследования повседневной жизни сельских жителей. Все же и в таких «приглаженных» исследованиях историков находилось место некоторым сюжетам повседневности российского крестьянства, в частности, в отдельных аспектах рассматривались семья, быт, одежда, труд, отдых, обычаи и т. п. Часть историков и обществоведов уже в период застоя понимала узость и однобокость подобного подхода в изучении советской истории, который не раскрывал многомерности и всей полноты исторического процесса.

В условиях перестройки в конце 1980-х гг. произошли общая переориентация самого исследовательского мышления и изменение ракурса изучения исторического прошлого и методов его постижения. Академик Ю.А. Поляков справедливо подчеркивал: *«Чтобы понять исторические события и явления, надо решить двуединую задачу – показать и человека, и обстановку»*, изучить *«самого человека, как такового, его жизни, какой она была и какой стала»* [Поляков 2000: 125]. Появилось новое научное направление, изучающее человека в его историческом времени, которое в постсоветской историографии стало называться «историей повседневности». Оно соответствовало поискам самой исторической науки, учитывало новые веяния западной гуманитарной мысли. Рассуждая о расширении поля научного поиска исследователей, Н.Л. Пушкарева подчеркивала: *«Речь идет не только и не столько о внесении нового ракурса в научную картину прошлого, сколько о принципиально ином подходе к его реконструкции»* [Пушкарева 2010].

Принципиально новый подход к «реконструкции» прошлого потребовал разработки различных междисциплинарных теоретико-методологических подходов, связей с этнологией, социологией, психологией, предназначенных для разностороннего изучения особенностей обыденной жизнедеятельности человека [Репина 1998; Соколов 1999; Поляков 2000; Сенявский 2001; Пушкарева 2005; Пушкарева 2008; Орлов 2008]. Не обошлось, конечно, без споров и дискуссий: о самом понятии и термине «повседневность», методологических подходах к изучению советского прошлого и т. д. Так, например, острую дискуссию вызвали работы Н.Б. Лебиной, посвященные формированию советской повседневности. Она предложила использовать в качестве методологического подхода к изучению советской повседневности дихотомию «норма – аномалия», которая, как она считает, не только существует в сфере обыденной жизни, но и применяется как метод построения разнообразных научных конструктов. Автор, используя эту дихотомию, продемонстрировала на материалах советской действительности 1920–1950-х гг. трансформацию политики большевиков в сфере питания и жилья, моды и досуга, религиозности и сексуальности, а также смену отношения к традиционным девиациям – пьянству, самоубийствам, проституции [Лебина 2015: 3–4]. А.С. Сенявский подверг критике этот подход, поскольку посчитал, что попытка «свести все многообразие городской жизни к социально ущербным, маргинальным или патологическим проявлениям», на его взгляд, не корректна [Сенявский 2001: 29]. В.С. Тяжелникова также выступила категорически против построения «исследовательской стратегии в русле дихотомии „нормально-ненормально“», которая создает, по ее мнению, «прокрустово ложе» предложенной модели и «упрощенные обобщения» [Тяжелникова 2002: 85].

Надо сказать, что исследователи до настоящего времени так и не пришли к общему мнению, что следует понимать под содержанием термина «повседневность». Различные ученые трактуют данное понятие по-разному. Автор склоняется к определению категории повседневности, разработанному Н.Л. Пушкаревой и С.В. Любичанковским. Она включает, по их мнению, «событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей» [Пушкарева, Любичанковский 2014: 9]. В то же время, как замечает С.В. Журавлев, в исследовании повседневности прошлого главным предметом изучения должно стать соотношение социальной истории, истории повседневности и истории быта. В качестве одной из основных и перспективных задач исто-

рической науки он обозначил «*изучение... взаимодействия общества и власти как единой системы*», т. е. соотношения воли государственных властей и поступков «маленького человека» [Журавлев 2000: 5].

История повседневности в российской историографии выдвигает на передний план исследование индивидуализированной повседневной жизни «простого человека», сферы его переживаний, конкретно-исторических аспектов человеческого бытия. В историографии стало больше научных работ, где присутствует аналитическое изучение историко-психологических, историко-демографических, историко-культурных сюжетов, психологии и социального поведения, образа жизни людей, их быта и ментальности, «малого жизненного мира», жизненных проблем рядовых, обычных, незаметных людей, оставшихся по большому счету «безымянными» в истории. «Простой», «рядовой» человек, в понимании историков повседневности, может быть не героем, но он не безмолвный статист в истории, а непосредственный «субъект» повседневной жизни. И в этом плане исследователям важно рассмотреть и проанализировать реакцию и отношение «простых людей», не всегда выраженные в открытой форме, к историческому факту, событию, явлению, обществу, государству, настоящему, прошлому и будущему. Научное направление «история повседневности» поставило задачу восстановления истории в ее всеохватности и целостности, не ограничиваясь одной лишь политико-событийной, чисто социально-экономической, военной, культурной и иной стороной.

Дискуссионным в исторической науке является вопрос, может ли повседневность быть семейной, трудовой, рабочей, производственной, городской, сельской, региональной, этнической, военной или революционной. Исследовательские работы российских ученых, появившиеся в разных уголках страны, самими названиями утвердительно отвечают на этот вопрос. Так, например, на материалах 1920–1950-х гг. изучается городская и рабочая повседневность [Соловьева 2013; Корноухова 2004; Панин 2002]. Слово отвечая на вопрос: может ли быть повседневность трудовой, М.А. Гадицкая и В.А. Бондарев симптоматично назвали свою монографию «Трудовая повседневность колхозной деревни: складывание новых производственных отношений в селах и станицах Юга России 1930-х годов» [Гадицкая, Бондарев 2014]. Авторы монографии подчеркнули, что *«профессиональной деятельности, составляющей весьма значительную часть человеческой жизни, также присуща собственная повседневность, которая, с одной стороны, формируется в процессе производства, а, с другой, – оказывает на этот процесс непосредственное (и, нередко – очень существенное) влияние... Дополнительную важность исследованию производственной (так же, как и непроизводственной) исторической повседневности придает то обстоятельство, что разносторонняя информация о ней позволяет расширить и углу-*

бить наши представления не только о быте, но и о менталитете, общественных настроениях того или иного социума на конкретном этапе его истории» [Гадицкая, Бондарев 2014: 12].

Для историков-аграрников постсоветского периода характерно стремление к более широкому и детальному освещению исторической повседневности крестьянства. В своих работах они творчески используют историографические наработки своих предшественников вкупе с новыми архивными материалами, открывшимися в постперестроечное время. В качестве источников ученые используют статьи, воспоминания и мемуары непосредственных участников социалистического строительства, крестьянские письма из глубинки, различные устные истории, данные статистики и т. п. Благодаря увеличению количества новых используемых источников, усовершенствованию методики исторических исследований, история повседневности советского крестьянства стала одним из перспективных направлений современной российской историографии. Расширяется и география исследований. История повседневности изучается на материалах крестьянства центральных областей России [Мухина 2012], Поволжья [Садырова 2010], Урала [Воробьева 2008], Сибири [Татарникова 2018], Северного Кавказа [Казиев, Карпиев 2003; Кринко, Хлынина 2009] и южнороссийских регионов [Багдасарян, Скорик 2012; Бадмаева 2014; Гадицкая, Бондарев 2014].

История повседневности советского времени большинством современных историков исследуется с точки зрения традиций и новаторства в быте крестьянства, борьбы старого и нового в советской деревне. И.В. Гончарова, исследователь крестьянской повседневности Центрального Черноземья в 1920-х гг., анализируя крестьянскую ментальность этого периода, приходит к выводу, что, несмотря на усиленную пропаганду советской власти, *«Крестьянская ментальность отторгала элементы нового быта, чуждые ее общинному духу, или же воспринимала символику новой идеологии сквозь призму традиционных религиозных воззрений... представляла собой сложный сплав старых религиозных патриархальных представлений и обрывков новых идей»* [Гончарова 2010: 369].

Л. Лебедева, поставившая перед собой задачу исследовать традиции и перемены в региональной повседневной жизни пензенской деревни в 1920-е гг., изучила материальную культуру крестьян: хозяйственные постройки и сельскохозяйственные орудия, жилище, питание и посуда, одежда крестьян. Она рассмотрела основные тенденции развития обыденного мировоззрения, религиозность сельского населения, способы социализации крестьян. Касаясь преломления новаций в традиционном крестьянском обществе, сознании исследователь отмечает: *«Видоизменение традиций происходило в результате внутренних потребностей социума или воздействий извне. Если новшества соотносились с поступательным*

развитием крестьянской ментальности, то принимались и адаптировались к реалиям российской деревни. Другие не находили понимания и поддержки, воспринимались настороженно» [Лебедева 2009: 85].

Партийно-советские структуры РСФСР и СССР в первые послеоктябрьские десятилетия активно участвовали в преобразовании повседневной жизни российского крестьянства в соответствии с коммунистической доктриной. Российская деревня приняла не все новации и мероприятия советской власти, сообразно своей ментальности и своей хозяйственной, иногда сиюминутной, выгоды. Так было в середине 1920-х гг., когда сложная социально-экономическая ситуация в деревне, неустроенность собственного быта и оживление частного капитала вызвали недовольство части крестьянства. Их позиция и действия, как считает И. Гатауллина, *«оказали деструктивное воздействие на утверждение новой экономической политики в качестве долговременного принципиального курса, способствуя возвращению советско-партийного государства к «военно-коммунистической» идеологии и основанной на насилии политике в области аграрных отношений»* [Гатауллина 2008: 156]. Другим ярственным примером неприятия политики большевистской партии и советского государства можно назвать открытое и пассивное сопротивление части крестьянского социума насильственной коллективизации, закончившееся победой власти и окончательным закабалением крестьянства.

Еще одной важнейшей проблематикой истории повседневности стало исследование вопросов социокультурных изменений в жизни и ментальности людей, стратегии выживания в сложное время общественно-политических и социально-экономических перемен. Одним из самых тяжелых испытаний, особенно для сельских жителей, стал голод 1921 г. Бедствие охватило более 31 млн человек в Поволжье, на Северном Кавказе, Юге России и Украины и стало острой общегосударственной проблемой. По мнению И.Б. Орлова, голод начала 1920-х гг. изменил психику и поведение населения, стал причиной не только нравственной и социальной деградации, но и сломил дух нации, сделав ее неспособной к сопротивлению режиму [Орлов 2010: 114].

Голодное бедствие коснулось и населения Калмыкии. Калмыки, несмотря на невероятные лишения и страдания, без особого надрыва перенесли голод в соответствии со своей ментальностью, сформировавшейся под влиянием многих факторов, в первую очередь, буддизма. Степной народ воспринимал голод как предопределенность судьбы сверху («заян»), как неизбежность. То, что должно произойти в жизни, как веровали калмыки, не зависит от желания людей. *«Судьба в сознании монгольских народов, – отмечает Г.Ц. Пюрбеев, – в их мифологии, фольклоре, религии (шаманство и буддизм в форме ламаизма), традиционной культуре в целом воспринимается фаталистически как категория, отражающая представление о сверхъестественных, божественных*

силах, предопределяющих все события в жизни людей» [Пюрбеев 1999: 212]. Все испытания, предопределенные судьбой, человек должен пройти посредством преодоления страдания, не причиняя никому и ничему вреда. Исходя из такой концепции жизни, калмыки встретили и перенесли голодное бедствие спокойно, покорившись судьбе, терпя и стоически преодолевая страдания.

Очень точно подметил некоторые черты ментальности калмыков писатель И.А. Бунин: *«Как известно, калмыки – буддисты, жили они, кочуя, скотоводством. Когда пришла наша великая и “бескровная революция” и вся Россия потонула в повальном грабеже, одни только калмыки остались совершенно непричастны ему. Являются к ним агитаторы с самым настойчивым призывом “грабь нагребленное” – калмыки только головами трясут: “Бог этого не велит!” Их объявляют контрреволюционерами, хватают, заточают – они не сдаются. Публикуются свирепейшие декреты: “За распространение среди калмыцкого народа лозунгов, противодействующих проведению в жизнь революционной борьбы, семьи виновных будут истреблены поголовно, начиная с семилетнего возраста!” – калмыки не сдаются и тут. Революционное крестьянство захватывает земли, отведенные некогда царским правительством для их пастбищ – калмыки принуждены двигаться, куда глаза глядят для спасения скота от голодной смерти... рогатый скот и отары их захватываются и пожираются красноармейцами, косяки лошадей отнимаются для нужд Красной армии»* [Бунин 1998: 91–92].

Калмыки жили по заповедям буддизма, десяти добродетелей, первая из которых гласит: «не убивай, но спасай чужую жизнь». Они сформировали особую ментальность народа, сыграли важную роль в стратегии выживания калмыцкого этноса. Этим, а также обостренным чувством ответственности за свой род объясняется то обстоятельство, что у калмыков практически не было нищих. Сородичи не могли позволить себе, чтобы один из них бедствовал, просил подаяния. Не последнюю, может быть, даже решающую роль в сохранении этноса в голодные годы начала 1920-х гг., в преодолении голодного бедствия 1933 г. сыграли государственная поддержка и помощь международных организаций.

Проблематикой голода в советской России занимались такие авторитетные специалисты в области крестьяноведения, как В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин [Данилов 1979; Зеленин 1989; Ивницкий 2009; Кондрашин 2008]. обстоятельно исследовал голодное бедствие на Юге России и Северном Кавказе в 1933 г. донской историк-аграрник Е.Н. Осколков [Осколков 1991]. Современные ученые-историки исследуют голод не только как драматическое событие прошлого, главным предметом их внимания становится людская память о страшном бедствии народа. В сборнике материалов научно-практической конференции «Историческая память населения Юга России о голо-

де 1932–1933 гг.» поставлены проблемы методологического обеспечения исторической памяти о голоде 1932–1933 гг., вопросы источниковедения и историографии, а также представлены работы, непосредственно обращенные к истории трагедии, антропологии голода, исследующие стратегии выживания людей, психологическое восприятие голодного бедствия [Историческая память 2009].

Одним из важнейших источников исторической памяти народа является устная история. Как обоснованно утверждала известный российский историк Т.П. Хлынина: *«На сегодняшний день устная история – сформировавшееся и признанное направление исследовательского поиска, где воспоминания о пережитом, увиденном, да и просто некогда слышанном получают надежную дисциплинарную прописку»* [Хлынина 2009: 33]. Исследователь, говоря о возможностях устной истории как полноправного исторического источника, отмечала, что они сводятся к следующим ипостасям: дополнение архивных документов и, тем самым, расширение наших представлений о прошлом; выявление особенностей человеческой памяти и определение ее «места» в потоке «большой» истории; поиск обновленной стратегии постижения исторической реальности и выработка принципиально иного типа нарративных практик. Устная история, по словам Т.П. Хлыниной, продемонстрировала главное – нерасторжимость в исследовании прошлого теории и метода, их взаимосвязь и предопределенность [Хлынина 2009: 33, 35, 39].

Другой исследователь – Е.Ф. Кринко полагает, что к настоящему времени: *«Устная история приобрела статус самостоятельного исследовательского направления с присущими ему источниками, предметом и методами изучения»* и ее использование *«раздвигает исследовательские горизонты исторической науки, выводя ее на изучение новых проблем»* [Кринко 2009: 43, 45]. Однако исследователь категорически выступает против рассмотрения устной истории в качестве альтернативы традиционной историографии, по его мнению, устная история обречена на все более тесное взаимодействие с ней, при сохранении своей относительной самостоятельности [Кринко 2009: 48]. Мы также считаем, что академическая история, основанная на письменных и архивных источниках, играет важную роль для создания истории повседневности. По нашему глубокому убеждению, макро- и микроуровень исследования позволяет создать определенное представление о материальной и бытовой жизни людей, а также сделать выводы о некоторой индивидуальности и «самости» людских жизненных историй.

В своей статье «Устная история народов Калмыкии о голоде 1933 г.» мы также использовали *«такой тип источника, как опрос непосредственных участников событий, живых свидетелей своего времени, т. е. устных исторических источников, создаваемых путем интервьюирования, опроса участников и очевидцев изучаемых исторических событий»*

и явлений» [Бадмаева 2014: 131]. Это дало нам возможность исследовать трагическую страницу в истории Калмыкии – голод в калмыцкой деревне 1930-х гг. сквозь призму исторической памяти [Бадмаева 2014: 131]. Нами также была сделана попытка рассмотреть события 1932–1933 гг. в судьбах калмыцкого крестьянства в основном на материалах калмыцкой деревни [Бадмаева 2012], исследовать причины и социально-экономические последствия голода 1921 г. и 1933 г. в Нижне-Волжском крае [Бадмаева 2010]. Аналогичная попытка сравнительно-исторического анализа голодных бедствий 1921 г. и 1933 г., но уже на материале крестьянства Юга России сделана Р.Г. Тикиджьяном и Т.В. Панковой-Козочкиной [Тикиджьян, Панкова-Козочкина 2009].

Также непосредственно повседневной жизни крестьянского населения Юга России посвящены работа Ж.О. Абреговой, где осмысливается процесс трансформаций сельской повседневности на Кубани в конце XIX – первой трети XX вв. [Абрегова 2010], и совместная монография Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой, Т.П. Хлыниной, в которой рассматриваются важные аспекты исторической повседневности южно-российского крестьянства 1920–1940 гг. [Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011]. В последней монографии анализируются практики удовлетворения основных жизненных потребностей, особенности труда, военной службы, отдыха и досуга советских граждан, восприятия ими времени и пространства, а также основные стратегии выживания населения (в том числе крестьянства) СССР в условиях социальных трансформаций. *«В процессе работы с различного рода документальными свидетельствами выяснилось, что повседневность как раз и оказалась той сферой человеческого существования, где внешний контроль и регламентация порядка действий спокойно уживались с устоявшимся и привычным образом жизни. Нередко замещая и компенсируя друг друга, они в конечном итоге стали той стратегией выживания, которая помогла людям разного достатка и убеждений переносить им материальные трудности и идейные разочарования эпохи... Сознательно отказавшись от сюжетов, связанных с выживанием голодавших деревень, спецпоселений и нацистских концлагерей, отражавших наиболее критические моменты существования советского человека, мы получили возможность рассмотреть нормальное состояние советского общества, воспринимавшееся непосредственными очевидцами периодом некоего исторического замешательства, соединившего в себе идеалы социальной справедливости и неприглядности существования подавляющего большинства населения. Работая над книгой, пытаясь понять мотивы и логику действий людей того времени, мы научились главному: мерить советскую эпоху аршином тотальной несвободы или всеобщего равенства бессмысленно. Она гораздо разнообразнее и интереснее в своих проявлениях»* [Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011: 337].

Т.П. Хлынина написала интересную и содержательную статью, посвященную организации и основным формам досуговой деятельности населения Адыгейской автономной области в 1920-е гг. [Хлынина 2011]. Данная работа не единственная в современной историографии Юга России, в которой изучается культурную жизнь, особенности досуга и развлечений крестьянства южно-российских регионов.

С.Д. Багдасарян и А.П. Скорик в своей работе «Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы» раскрыли трансформацию досуга и праздничной культуры в русле осуществления новой экономической политики, начиная с момента установления политического господства партии большевиков и вплоть до отказа от базовых принципов нэпа в традиционно аграрных регионах – селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья. В южно-российской деревне досуг и праздник, как и труд, представляли собой непременную часть повседневной жизни. Крестьяне отмечали революционные торжественные даты наряду с церковными праздниками. На протяжении эпохи нэпа культурно-бытовые новации в советской доколхозной деревне множились, хотя и не превалировали над традиционными элементами жизни и деятельности крестьянства. Советская модернизация, несмотря на присущий ей радикализм, как отмечают исследователи, оказалась не способна полностью изменить сферу культуры и быта (в частности, досуга) [Багдасарян, Скорик 2012].

В поле зрения историков повседневности постоянно находится изучение бытовых практик советского времени. Крестьянская повседневность 20–30-х гг. прошлого века характеризовалась наличием целого ряда девиаций и асоциальных явлений (преступность, алкоголизм, хулиганство, проституция), получивших довольно широкое распространение в деревне. Безусловно, эти девиации и асоциальные явления крестьянской, да и не только крестьянской, повседневности не могли не привлечь внимания историков. Девиантные формы досуга и в целом досуговые практики первых послеоктябрьских лет, российскими исследователями зачастую рассматриваются отдельно, как бы «сюжетно», и нам представляется необходимым сложить их в единое исследовательское поле в рамках социальной истории или истории повседневности.

Советская власть не только боролась с асоциальными явлениями, но на первых порах пыталась внедрить в повседневную жизнь крестьян несвойственные сельской общине обновленные межполовые отношения и тем самым разрушить моральные устои традиционной крестьянской семьи. С. Багдасарян на материалах истории повседневности Дона, Кубани, Ставрополья привела примеры новой политики большевистской власти, которая декларировала оформление свободы половых отношений от патриархальных пережитков старины. На основе проведенного анализа исследователь считает, что изменения в области семьи и брака

(равноправие супругов, устранение родительского диктата по отношению к детям, легкость расторжения брака и т. п.) значительно повлияли на начавшиеся процессы распада крестьянской большой семьи, характерные в тот период для регионов Юга России [Багдасарян 2017].

Немаловажным событием стало проведение Всероссийской научной конференции на Юге России в сентябре 2018 г., где исследовательское внимание сосредоточилось и на проблемах повседневной жизни общества, в том числе и повседневности советских земледельцев [Социальное противостояние 2018]. В историографии Северного Кавказа наблюдается повышенный интерес к переломным моментам российской истории 1920–1930-х гг., где главный акцент делается на значении и влиянии общественно-политических и социально-экономических изменений на деревенского жителя. Статья Е.Н. Стрекаловой «Влияние эпохи «Великого перелома» на повседневность интеллигенции Северного Кавказа в 1930-е гг.» посвящена анализу повседневной жизни отечественной провинциальной интеллигенции 1930-х гг. по материалам Ставрополя и Северного Кавказа. Рассматривается влияние сталинской эпохи «великого перелома», мобилизационной экономики и репрессивной политики на повседневную жизнь интеллигенции, показаны причины взаимодействия и конфронтации власти и интеллигенции [Стрекалова 2016]. Рассмотрению в российской историографии истории Северного Кавказа в 1920–1940-е гг. посвящена монография Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной. В ней анализируются механизмы создания исторических образов советского прошлого региона, особенности региональной и общероссийской историографий, природа и характер возникновения наиболее острых и дискуссионных историографических сюжетов [Кринко, Хлынина 2009].

Кроме того, можно отметить таких ученых-историков, как М.А. Поливина, Я.С. Смирнова, А.П. Скорик, Т.А. Невская, М.А. Гадицкая, М.А. Рыблова, концентрирующих свое внимание на различных вопросах повседневной жизни северокавказского региона [Поливина 2009; Смирнова 1983; Скорик 2009; Невская 2012; Гадицкая 2018; Рыблова 2018].

В общем, историки, как представленные, так и не представленные в настоящем историографическом обзоре, пытаются, изучая советскую повседневность, посмотреть на историю событий глазами самого человека-современника, чего практически не было в исторических исследованиях. Благодаря новому взгляду на историческое прошлое, введению в научный оборот новых архивных документов, широкому использованию устных источников, критическому подходу к имеющимся историческим источникам, историкам-аграрникам, изучающим северокавказский и южно-российские регионы, удалось изучить слабоизученные аспекты повседневной жизни сельского населения и в целом реконструировать более правдивую историю крестьянства.

Литература

Абрегова Ж.О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX – первая треть XX вв.). Майкоп: Полиграф Юг, 2010. 149 с.

Багдасарян С.Д. Попытки разрушения традиционной крестьянской семьи в 1920-х гг. (на примере Юга России) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). В 2 ч. Ч. 1. С. 22–25.

Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2012. 239 с.

Бадмаева Е.Н. «Устная история» народов Калмыкии о голоде 1933 г. // Монгольские народы: традиционная культура и современные социокультурные процессы. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 131–141.

Бадмаева Е.Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 47–59.

Бадмаева Е.Н. События 1932–1933 гг. в судьбах калмыцкого крестьянства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 105–108.

Бунин И.А. Записная книжка (о калмыках) // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. С. 91–92.

Воробьева А.Л. Истории повседневности как подход для изучения мировоззрения социальных групп: опыт конкретно исторического исследования (на примере изучения мировоззрения крестьян Урала 1920-х гг.) // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Книга вторая: мат-лы докл. и сообщ. Всеросс. научн. конф., посвящ. 75-летию проф. В.Г. Чуфарова (Екатеринбург, 22 февраля 2008 г.). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. С. 251–256.

Гадицкая М.А. Очередь как микровариант социального конфликта в колхозной повседневности // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики). Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2018. С. 464–468.

Гадицкая М.А., Бондарев В.А. Трудовая повседневность колхозной деревни: складывание новых производственных отношений в селах и станицах Юга России 1930-х годов. Новочеркасск: Лик, 2014. 284 с.

Гатауллина И.А. Крестьянская повседневность: быт средневожской деревни в 1920-е годы // Записки Казанского государственного университета. Т. 150. Кн. 1. Гуманитарные науки. 2008. С. 156–162.

Гончарова И.В. Крестьянская повседневность Центрального Черноземья в 1920-х гг. // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 362–371.

Давыдов Д.В. Культура крестьянской повседневности 1920-х годов (по материалам ТАССР). Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2012. 497 с.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.

Журавлев С.В. «Микроскоп» и «скальпель» в руках исследователя: новые подходы и инструментарий социальной истории // Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставода в советском обществе 1920-х –30-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5–25.

Бадмаева Е.Н. Повседневность российского крестьянства в 1920–1930-х гг.: историография вопроса

Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 16–17.

Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь. Урал. М.: Собрание, 2009. 286 с.

Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Мат-лы науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во «Традиция»; Тип. «Плехановец», 2009. 454 с.

Казиев Ш.М., Каргиев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Мол. гвардия, 2003. 452 с.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.

Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг.: На материалах Астраханской области. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 197 с.

Кринко Е.Ф. Устная история в России: вчера, сегодня, завтра 1933 г. // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. Мат-лы науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во «Традиция»; Тип. «Плехановец», 2009. С. 40–48.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М.: РОССПЭН, 2009. 182 с.

Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. М.: изд-во Аггау Литагент «НЛЮ», 2015. 530 с.

Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. 299 с.

Невская Т.А. Северный Кавказ в начале XX века. Очерки истории. Ставрополь: СКФУ, 2012. 216 с.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторические и социальные аспекты становления. М.: изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008 [электронный ресурс] // URL: <http://www.hse.ru/data/261/449/1233/1> (дата обращения: 21.01.2013).

Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-н/Д.: изд-во Рост. ун-та, 1991. 91 с.

Панин С.Е. Повседневная жизнь советских городов – пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг. (На материалах Пензенской губернии). Дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 319 с.

Поливина М.А. Повседневная жизнь населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны 1917–1920 гг.: (по материалам региональной периодики). Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ, 2009. 140 с.

Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000б. № 3. С. 125–132.

Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М.: РОССПЭН, 2005. 463 с.

Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [электронный ресурс] // URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения 11.06.2018).

Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник. 2007. М.: РОССПЭН, 2008. 368 с.

Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 4. История. С. 7–21.

Пурбеев Г.Ц. Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Общее и восточное языкознание. М.: Соврем. писатель, 1999. С. 211–219.

Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 7–39.

Рыблова М.А. Массовая коллективизация в устных рассказах донских казаков // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики). Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.). Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2018. С. 477–484.

Садырова М.Ю. Вера и неверие: религия в повседневной жизни российского крестьянства в 1920-е гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Вестник СамГУ. 2010. № 3. С. 75–78.

Сенявский А.С. Повседневность как методологическая проблема микро и макро-исторических исследований (на материалах российской истории XX в.) // История в XXI в.: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества: Мат-лы науч. интернет-конф., 1–5 декабря 2001 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf> (дата обращения: 15.03.2018).

Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов-н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 508 с.

Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983. 265 с.

Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998–99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39–76.

Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского города: изменения в системе школьного и профессионально-технического образования в 1920–1930-е гг. (на примере г. Саратова) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 4. С. 97–101.

Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики). Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.). Ростов-н/Д.: ЮНЦ РАН, 2018. 548 с.

Бадмаева Е.Н. Повседневность российского крестьянства в 1920–1930-х гг.: историография вопроса

Стрекалова Е.Н. Влияние эпохи «Великого перелома» на повседневность интеллигенции Северного Кавказа в 1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 133–138.

Татарникова Р.Г. Повседневная жизнь крестьян в экстремальных условиях переселения в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) // Генезис: исторические исследования. 2018. № 9. С. 1–13.

Тикиджьян Р.Г., Панкова-Козочкина Т.В. Голод 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг. на Юге России: Сравнительно-исторический анализ // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. Мат-лы науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во «Традиция»; Тип. «Плехановец», 2009. С. 80–88.

Тяжельникова В.С. Повседневность и революционные преобразования советской власти // Россия в XX в. Реформы и революции. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 84–101.

Хлынина Т.П. Устная история: между теорией и методом // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. Мат-лы науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во «Традиция»; Тип. «Плехановец», 2009. С. 33–40.

DOI 10.22162/2541-9749-2018-5-1-92-98

УДК 745.5

ВОЙЛОК ОЙРАТОВ МОНГОЛИИ В МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ КАЛМНЦ РАН КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКОВ*

Батырева С.Г.¹

¹ доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация. Одним из направлений многоаспектной деятельности Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН является систематизированный учет культурного наследия, собираемого и хранимого в процессе комплектования фондов. В данной статье рассматриваются войлочные изделия ойратов Монголии из коллекции этого музея как источник для изучения традиционной культуры калмыцкого народа.

Ключевые слова: ойраты, культурное наследие, музей, узорный войлок, орнамент, народное декоративно-прикладное искусство Калмыкии.

В работе музея, который должен, с одной стороны, осуществлять комплектование, учет и хранение фондов, с другой стороны, проводить экспозиционно-выставочную деятельность, большое значение может иметь наличие открытого каталога музейного собрания, включающего в себя сведения об экспонатах: наименование, размеры, материал, техника и время изготовления, данные об авторе, сохранность и другие параметры описания. Подчеркнем, что систематизированная электронная база данных, доступная пользователю, в определенной степени решает проблему открытых фондов музея с целью общего ознакомления (для широкого посетителя) и более детального изучения (для исследователей) без опасности для их сохранности. Музей, таким образом, соединяет в себе взаимосвязанные функции: фиксирующую учетно-хранительскую (охранную), как необходимую основу научного исследования, и коммуникативно-просветительную, то есть транслирующую. Неудивительно, что музейная ра-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование этнических культур монголоязычных народов в условиях социокультурного взаимодействия» (№ госрегистрации 115062510041).

Батырева С.Г. Войлок ойратов Монголии в музейной коллекции КалмНЦ РАН как источник по изучению традиционной культуры калмыков

бота по охране и изучению культурного наследия народов России [Батырева 2004] представляет собой задачу государственной значимости.

В собрании Музея имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН особый научный интерес представляет материал декоративно-прикладного творчества монгольских народов, в сфере которого выделяются художественные ремесла. Одним из таких ремесел является искусство войлоковаления. Целью данной статьи является ввод в научный оборот сравнительно небольшой, но достаточно разнообразной коллекции войлочных изделий из музейного фонда КалмНЦ РАН. В анализе материала используются также экспонаты войлочной коллекции Национального музея имени Н.Н. Пальмова Республики Калмыкия. Отметим, что искусство номадов также представлено в музеях Санкт-Петербурга (Государственный Эрмитаж, Российский этнографический музей, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) и Москвы (Государственный музей Востока).

Музейный фонд традиционной культуры Калмыкии начал формироваться в 1920-е гг., в период становления национальной автономии. Первые попытки изучения наследия, предпринятые Н.Н. Пальмовым, внесшим большой вклад в создание краеведческого музея в Астрахани, определили этнокультурное направление исследований истории калмыков [Пальмов 1929]. Был создан каталог экспонатов, в который входили предметы традиционного быта и религиозного культа калмыков.

В последующие годы появились исследования художественного наследия калмыцкой традиционной культуры: Н.В. Кочешкова [Кочешков 1979], И.И. Трошина [Трошин 1967], Д.В. Сычева [Сычев 1967; 1970], И.Г. Ковалева [Ковалев 1970], Д.Б. Пюрвеева [Пюрвеев 1975]. Предметом исследования автора явились калмыцкое декоративно-прикладное искусство, обусловленное кочевым укладом хозяйства [Батырева 2006], и буддийское изобразительное искусство в системе традиционной культуры калмыков [Батырева 2011]. В этих работах автор выявил историческую преемственность традиций калмыцкой художественной культуры. В ходе исследований народного декоративно-прикладного искусства монголоязычных номадов был осуществлен поиск и изучение материалов в архивах и музейных собраниях Республики Калмыкия, России и Монголии. В процессе комплектования Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты решались многие проблемы сохранения, изучения и теоретического обобщения материала культурного наследия кочевников России и Монголии [Батырева 2007; Батырева 2009; Батырева 2010; Батырева 2013; Батырева, Батырева, Манхадыхова 2016; Батырева, Батырева 2017].

Достаточно обширна описательная база традиционного художественного промысла ойратов и монголов [Амгалан 2000; Батчуулун 1999; Erdenetsetseg 2014]. Ремесло войлоковаления до сих пор бытует и развивается в условиях сохранения кочевого уклада животноводческого

хозяйства ойратов Монголии. Их самобытному культурному наследию посвящены исследовательские работы о прикладном искусстве [Цултэм 1988; Баатархуу, Одсурэн 2015]. Большинство из указанных работ посвящены всему спектру художественных ремесел кочевников, однако монография Л. Батчулуун полностью посвящена войлоковалянию и художественной обработке войлока у монголов [Батчулуун 1999]. Несомненный интерес для нашего исследования представляют работы, посвященные материальной культуре ойратов, проживающих в западном регионе страны [Баасанхуу 2006; Амгалан 2000; Эрдэнэцэцэг 2005]. Богатейшую орнаментальную культуру монголов, ее архаическую основу рассматривали такие исследователи, как В. Батсух и Ч. Баярмаа [Batsukh 2008; Баярмаа 2010]. В работе также была использована статья Д. Гантулги, посвященная художественной выразительности орнамента войлочных ковров из раскопок Ноин-Улы [Гантулга 2017].

Изделия ойратов Западной Монголии (Улангом, Ховд, Булган) и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая дают хорошие возможности для предварительного анализа их войлочного искусства. В музейном фонде КалмНИЦ РАН хорошо представлена валяная обувь, детали конского снаряжения, поступившие по линии сотрудничества музея с обществом «Тод номин герл». Среди валяных из шерсти чулок «*өөмсн*» встречается «*тооку*», обувь торгутов Западной Монголии и Китая, снабженная кожаной подошвой и витыми шнурами для обвязки голенищ. Особый интерес для исследования представляют узорные войлочные циновки калмыков и ойратов, хранящиеся в Музее имени Зая-пандиты [Батырева 2017].

Войлоки ойратов Монголии (монг. *ширмэл*) в коллекции, как правило, двухслойные (лицевой слой изготовлен из белой, оборотный сбит из серой шерсти) и плотные в технике валяния. Всего в коллекции представлено пять таких циновок:

1) Инв. № ПР-339/0857 ОФ. Шерсть, валяние, стежка. 190 x 83 см. Циновка прямоугольной формы. Стеганный декор представляет собой геометрическую композицию из трех квадратов, заполненных узором, акцентированным фломастером оранжевого цвета: срединная часть центрирована трехслойной окружностью (нитями коричневого и синего цвета) стилизованного цветка с четырьмя листьями-лепестками, многократно простеганными параллельными линиями; от него отходят два квадрата, поделенных четырьмя многослойными треугольниками с вершинами по направлению к центру. Композиция дополнена справа и слева рядами из четырехлепестковых цветков, перемежаемых крестообразным узором стежков оранжевой и синей нитью. Обрамляет рисунок кайма, орнаментированная узором «*гулз*», разделяемая в углах сложным рогообразным орнаментом стеганой нитью синего цвета. Внешнее обрамление циновки составляет «Г»-образный меандр в подчеркнутом движении слева направо, окаймленный витым шнуром коричневого цвета.

**Батырева С.Г. Войлок ойратов Монголии в музейной коллекции КалмНЦ РАН
как источник по изучению традиционной культуры калмыков**

2) Инв. № ПР-341/0861 ОФ. Шерсть, валяние, стежка. 190 x 83 см. Циновка двухслойная (тонкий лицевой слой дублируется толстым слоем), изготовлена из светло-серого войлока. Стежкой дана трехчастная композиция из квадратов, поделенных на четыре сегмента в обрамлении Г-образного меандра (стеганного зелеными и розовыми нитями) в движении слева направо. Поля квадратов заполнены стеганым П-образным меандром в сочетании с треугольными формами, прорисованными карандашом. Композицию окаймляет Т-образный меандр, прошитый розовым шнуром и акцентированный узорной чередой «гулз», в углах – рогообразным орнаментом, стеганным черными нитями. Внешняя кайма изделия образована Т-образным меандром, стеганным синими и зелеными нитями в обрамлении черного витого шнура. Цветной нитью выделены центральные фигуры, внутреннее угловое и внешнее оформление узорной композиции.

3) Инв. № ПР-415/1059 ОФ. Шерсть, валяние, цветная стежка. 176 x 86 см (Внутренняя Монголия, КНР). Циновка двухслойная прямоугольной формы из светло-серого войлока. Трехчастная композиция состоит из квадратов, расчлененных на треугольники с рогообразным навершием. Справа и слева от них столбцы, образуемые стеганным орнаментом «бетк зег» темно-красного цвета. Оформление состоит из узора петлеобразной формы, сменяемой в линейной череде угловыми треугольниками. Внешняя кайма образована орнаментальным рядом «гулз» оранжевой нити в обрамлении сине-зеленой в цвете стежки и витого темно-коричневого шнура. Легкая и подвижная орнаментальная композиция дана сплошной линией стежков, отсутствие интервалов создает подчеркнутую линейную выразительность плоскостного рисунка.

4) Инв. № ПР-334/0852 ОФ. Шерсть, валяние, аппликация и обшивка шнуром. 68 x 60 см (Западная Монголия). Циновка двухслойная, квадратной формы несет узор из четырех орнитозооморфных фигур, объединенных в центре крестом в целостную декоративную композицию. Изображение, созданное накладным слоем коричневого войлока в обшивке шнуром цвета «бордо», четко выделяется на сером фоне войлочной основы. Внешняя и внутренняя прошивка узора светло-коричневой нитью придает рельефную выразительность композиции, окаймленной по краю витым шнуром цвета «бордо».

5) Инв. № ПР-295/0763 ОФ. Шерсть, валяние, стежка, оконтуривание цветным фломастером. 77 x 160 см (Западная Монголия). Циновка из двух слоев белого и темно-серого цвета. Лицевая сторона прямоугольного изделия несет стеганный серой нитью рисунок из трех частей: центральной четырехлепестковой цветочной композиции и боковых, прошитых треугольными формами. Все это оформлено слоями цветочного ряда «гулз» и Г-образного меандра, по краю изображение обрамлено двухцветным витым шнуром. Орнаментальный декор прочерчен фломастером розового цвета.

Отметим, во всех композициях войлочных изделий ойратов присутствует меандр, древний узор, фиксирующий пограничные зоны окультуренного орнаментом пространства. Декор неразрывно слит с геометризованной формой Т- или Г-образного, треугольного или многоугольного орнамента, пришедшего из глубокой древности. Могу предположить, что в самобытной стеганой «письменности» кочевников орнамент (калм. «зег») выступает архетипом художественного познания мира, образно воспроизводящим подвижный уклад бытия скотоводов. В символической системе отображения мира, каковым выступает стеганый узор, всегда фиксирован центр композиции, как правило, трехчастной в изображении квадратов, состоящих из треугольных форм декора. В многослойном обрамлении центра помимо геометрического используется растительный орнамент. Выразительность монохромной узорной стежки с интервалом (войлок Западной Монголии) усиливается прорисовкой фрагментов цветным фломастером или сплошным простегиванием (войлок Внутренней Монголии) цветной шерстяной нитью.

В случае детализации изображения одна и та же композиция ойратов Монголии обретает различные вариации, выступающие историко-культурным источником в осмыслении традиции декора и его взаимоотношений с пространством. Мировидению кочевников свойственно выражать оппозиции «центр–периферия» в архаике бинарного членения и троичной системы (более поздней по времени) в пространственном построении изображения. Средствами орнамента формируется иерархия культурных смыслов, структурирующих традиционное миропредставление этноса. Стеганый орнамент в воспроизведении художественной традиции составляет декор войлочных изделий, его информационную и эстетическую выразительность.

Содержательное наполнение пространства по-разному трактуется и акцентируется цветом. Геометризованная форма многоугольного орнамента «зег» в начертании изображает пошаговое отмеривание «пути» кочевника в ритмическом повторении цикла «восхождение-нисхождение». Орнаментальное обрамление в рельефной структуре многовариантного меандра, акцентированного цветом нити или фломастера, в образной форме выражает исторический опыт кочевников. Взаимообусловленное единство мира объемлет раппорт меандра, воспроизводимого в композиции под разным ракурсом. Мышление, оперирующее параметрами пространства, воплощено в эстетическом преобразовании бытового предмета, каковым является войлочная циновка с ее конкретным бытовым предназначением. Орнамент, изначально вводимый как знаковый носитель информации, придает изделию статус произведения искусства.

В процессе изучения прикладного народного творчества мы исходим из того, что проецируемое в орнаментальном декоре этническое мировидение измеряется категориями пространства и времени [Гуревич 1972;

Батырева С.Г. Войлок ойратов Монголии в музейной коллекции КалмНЦ РАН как источник по изучению традиционной культуры калмыков

Жуковская 1988; Топоров 1992]. Оно обусловлено средой и историческим опытом адаптации, реализуемым в преемственности художественных традиций и способности культуры воспринимать инновации в парадигме развития. Многозначно выражение традиции, бытующей в современной этнической культуре [Этнографическое изучение 1989] декора ойратов. Прикладное творчество во многом обусловлено ритмом кочевого бытия, уходящего корнями в архаику мироощущения номадов. Единение с окружающей природой выражается в образной полноте ее форм и разновидностей в орнаментальном декоре войлока. Знаковая функциональная общность произведений народного ремесла обретает художественную значимость, привносимую орнаментальным декором. Систему его нанесения правомерно рассматривать моделью освоенного, то есть окультуренного пространства бытия народа. В приемах и технике исполнения декора воплощена идея культурного подобия макро- и микрокосмоса, что позволяет признать искусство выразителем эстетики тождества формы, содержания и функции [Батырева 2011]. Культурное наследие родственных этнических сообществ – ойратов Монголии и калмыков России, – единое в истоках происхождения, в народном декоративно-прикладном искусстве Калмыкии имеет самобытное продолжение. Собранная коллекция Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН дает возможности для дальнейшего сравнения основных характеристик и декора войлочных изделий на отечественном и зарубежном материале.

Литература

Батырева С.Г. Из опыта создания Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН // Альманах-2002. Музеи Российской Академии наук. М.: Научный мир, 2004. С. 165–172.

Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 160 с.

Батырева С.Г. Музей традиционной культуры в системе науки и образования. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 184 с.

Батырева С.Г. Бег блестящей нити // Сокровища культуры Калмыкии. М.: НИИЦентр, 2009. С. 153–155.

Батырева С.Г. Калмыцкий народный орнамент // Калмыцкий народный орнамент. Элиста: «Герел». 2010. С. 11–22.

Батырева С.Г. Традиционное изобразительное искусство Калмыкии XIX – нач. XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. Saarbruchen: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 428 с.

Батырева С.Г. Войлок в калмыцком быту и его художественная обработка // Искусство войлока в тюркском мире: история и современность. Материалы Международного симпозиума (Казань, 29–30 января 2009 г.). Казань: Изд-во «Заман», 2013. С. 99–103.

Батырева С.Г. Войлок в системе комплектования музейного фонда // Бюллетень КалмНЦ РАН. 2017. Вып. 1. С. 164–168.

Батырева С.Г., Батырева К.П. Культурное наследие и туризм: войлок в современной художественной практике // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 3. С. 18–25.

Батырева С.Г., Батырева К.П., Манхадыкова Е.Н. Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты. Путеводитель. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 108 с.

Гантулга Д. Художественная выразительность в орнаменте войлочных ковров // Искусство Евразии. 2017. № 3. С. 16–19.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 320 с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука; Гл. ред. восточной литературы, 1988. 196 с.

Ковалев И.Г. Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 137 с.

Кочешков Н.В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX вв. М.: Наука, 1979. 206 с.

Пальмов Н.Н. О калмыцких ремеслах // Калмыцкая степь. 1929. № 4–6. С. 64–75.

Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 187 с.

Сычев Д.В. Заметки о калмыцком орнаменте // О калмыцком прикладном искусстве. Волгоград: Н.-Волж. кн. изд-во, 1967. С. 36–52.

Сычев Д.В. Хальмг улсин эрдм. Альбом. Элиста: Мин-во культуры Калм. АССР, 1970. 111 с.

Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 340–342.

Трошин И.И. О калмыцком народном искусстве // О калмыцком прикладном искусстве. Волгоград: Волгоградская правда, 1967. С. 10–35.

Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. 297 с.

Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар: Монсудар, 2000. 210 с.

Баасанхуу Б.А. Монгол Алтайн бус нутгийн ард түмний эдийн соел. Material culture of Mongol Altai region. Улаанбаатар: Монгол Алтай Судлалын Хурээлэн, 2006. 228 с.

Баатархуу Б., Одсурэн Д. Монгол гэр. Тайлбар толь. Encyklopedia of ger / The dwelling house of mongols. Улаанбаатар: Адмон Принт, 2015. 282 с.

Батчулуун Лунтенгийн. Монгол эсгий ширмэлийн урлаг. Улаанбаатар: Интерпресс, 1999. 499 с.

Баярмаа Ч. Монгол ардын хээ угалз. Өлзий хээ угалз. Mongolian national ornament. Улаанбаатар, 2010. 96 х.

Цултэм Н. Монгол уран зургийн хөгжиж ирсэн тойм. Улан-Батор: б. м., 1988. 16 с.

Эрдэнэцэцэг Ш. Баядын хуримлах ёсон. Улаанбаатар: «Бемби сан» хэвлэлийн газар, 2005. 189 с.

Batsukh Bold. Mongolian national ornament. Beijing, 2008. 273 p.

Erdenetsetseg B. Mongolian traditional methods of felt-making. Third edition. Ulaanbaatar, 2014. 28 p.

Красная армия в сражениях на Юге России

DOI 10.22162/2541-9749-2018-5-1-100-110

УДК 94 (47).084.3

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ В ЭЛИСТИНСКОЙ ДИВИЗИИ В 1918 г.*

Белоусов С.С.¹

¹ кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории, археологии,
этнографии Калмыцкого научного центра Российской академии наук
(г. Элиста).

старший научный сотрудник отдела научно-исследовательских
работ и прикладных исследований Южного научного центра
Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из малоизвестных страниц в истории Гражданской войны на Юге России – антибольшевистскому восстанию в декабре 1918 г. в Элистинской советской дивизии. Рассмотрены обстоятельства возникновения восстания, подробно описан его ход, показаны состав участников и цели восставших. Введение в научный оборот нового документа позволило реконструировать картину восстания и определить роль основных его участников. Автор приходит к выводу о том, что восстание в дивизии было вызвано усилением бремени налогообложения в отношении жителей Элистинского уезда и реквизициями властей, вмешательством партийных властей в дела управления уездом, попыткой командующего Степным фронтом И.В. Тулака сместить командование дивизией и превратить ее в регулярную воинскую часть РККА.

Ключевые слова: Элистинская советская дивизия, антибольшевистское восстание, Гражданская война, 1918 год, Астраханская губерния, Калмыкия, И.В. Тулак, П.А. Анацкий.

В истории Гражданской войны в России, несмотря на ее обширную историографию, остается еще много «белых пятен», к которым можно отнести и антибольшевистское восстание в декабре 1918 г. в Элистинской советской дивизии. Данная тема затрагивалась в исследованиях историков Гражданской войны Н.И. Иванько, А.И. Наберухина, И.И. Орехова [Иванько, Наберухин, Орехов 1968], И.С. Немичева [Немичев 1974], У.Б. Очирова [Очиров 2006] и др., однако крайняя скудость источников по этому событию не позволила им осветить его со всею

* Статья выполнена в рамках проекта РНФ 17- 18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология».

полнотой. В настоящее время в результате поисков в архивах были обнаружены новые документы, которые позволили значительно дополнить и расширить наши знания по истории восстания. Опираясь на введенные ранее в научный оборот документы и недавно выявленные новые материалы в Национальном архиве Республике Калмыкия, автор попытался воссоздать в динамике всю картину произошедшего 100 лет назад в Элистинской советской дивизии восстания, а также показать его причины, ход и последствия.

Элистинская советская дивизия начала формироваться в июле 1918 г. на территории Элистинского уезда Астраханской губернии. Необходимо отметить, что Элистинский округ, преобразованный позже в уезд, был учрежден в марте 1918 г. представителями русского населения 13 сел южных Ергеней и калмыцкого населения Манычского улуса. В него вошли Элистинская, Ремонтненская, Приютненская, Богородская, Крестовская, Кормовская, Валуевская, Торговская, Федосеевская волости, а также все аймаки и поселки Манычского улуса. Поскольку округ был создан сепаратным путем – несанкционированным выделением русских сел из Черноярского уезда и Манычского улуса из состава Калмыцкой степи, то власти Астраханской губернии первоначально отказались признать самовольно возникшую административно-территориальную единицу. Однако в конце лета 1918 г. они под давлением ряда обстоятельств вынуждены были пересмотреть свою позицию и легализовать этот уезд.

В июле 1918 г. началось первое наступление Донской армии атамана П.Н. Краснова на г. Царицын, и военная обстановка на сопредельных с Астраханской губернией территориях серьезно обострилась. Элистинский округ, расположенный на стыке Астраханской губернии со Ставропольской и Донской области, превратился в прифронтовую зону, возникла опасность вторжения белых на его территорию. Кроме того, округ пересекал Царицынско-Ставропольский тракт, по которому осуществлялись грузовые перевозки с Поволжья на Северный Кавказ и обратно. Значение тракта резко возросло после того, как белоказаки перерезали железную дорогу Тихорецкая – Царицын.

Командование Рабоче-Крестьянской Красной армии (далее – РККА) не имело в этом районе достаточного количества сил, поэтому вынуждено было опереться на местные людские ресурсы, формируя из них войска, в том числе и в Элистинском уезде. В этом им большую помощь оказывали местные органы власти, а руководство нового уезда всячески уверяло губернские власти в лояльном отношении местного населения к советской власти и решимости защищать ее от белогвардейцев с оружием в руках.

Созданная из жителей Элистинского уезда дивизия по существу представляла собой территориальное воинское формирование, которое

по психологии, характеру взаимоотношений между военнослужащими и другим параметрам было весьма характерным для войск того времени. Она комплектовалась из местных русских крестьян: сначала на добровольной основе, затем путем мобилизации. В ней служили односельчане и родственники, что придавало дивизии сплоченность, но в то же время оказывало негативное влияние на дисциплину ее личного состава. Солдаты не всегда исполняли приказы командиров, устраивали митинги, отказывались воевать за пределами своего уезда, с большим неудовольствием воспринимали назначение на командные должности в дивизию неместных жителей. Они доверяли в основном только командирам из местных уроженцев, которые выдвинулись и завоевали свой авторитет в результате предшествующих боев.

Еще на стадии формирования дивизии в ней произошли волнения на почве недовольства военнослужащих назначением на руководящие посты неместных уроженцев. В частности, возмущение у элистинцев вызвало назначения руководством Северо-Кавказского военного округа А. Финькова (командиром Элистинско-Ремонтненского гражданского социалистического советского полка) и И.Н. Терехова (командующим южным участком Степного фронта – от Маныча до с. Заветного). Оба командира являлись уроженцами Черноярского уезда и у элистинцев возникли подозрения в том, что они будут проводить линию руководства Черноярского уезда на подчинение Элистинского округа. Словно в подтверждение их подозрений И.Н. Терехов в конце августа 1918 г. издал приказ о переименовании Элистинско-Ремонтненского полка во 2-й Черноярский полк, что сразу же вызвало открытое возмущение среди личного состава полка. 28 августа 1918 г. фронтовики создали в с. Кормовом свой съезд, на котором Элистинско-Ремонтненский полк был переименован в Элистинский советский полк, а его командиром вместо А. Финькова избран П.А. Анацкий [Немичев 1974: 63]. За день до этого события Астраханский губернский исполком на своем заседании утвердил уездный исполнительный комитет, придав тем самым существованию Элистинского уезда правовые основания.

К середине ноября 1918 г. в составе Элистинской дивизии имелось два пехотных полка и один кавалерийский. Начальником соединения был назначен уроженец с. Приютного П.А. Анацкий, ветеран русско-японской и Первой мировой войн, награжденный 4 солдатскими Георгиевскими крестами. Во главе полков стояли также местные уроженцы: 1-м Элистинским пехотным полком командовал М.П. Коростылев, 2-м – П.Г. Марченко, кавалерийским – П. Плетнев. На 2 декабря 1918 г. в Элистинской советской дивизии числилось 1 646 военнослужащих, в том числе 131 представитель командного состава, 1 262 пехотинца и 253 кавалериста [Установление 1973: 242].

Власти уезда, безусловно, преувеличивали степень лояльности местных крестьян к советской власти. Понятно, что они делали это для того, чтобы убедить губернские власти в необходимости узаконить выделение Элистинского уезда. В действительности же все было не столь однозначно. Крестьяне поддерживали большевистские лозунги о наделении их землей и передачи ее в трудовое пользование, идеи народоправства и ряд других, но в то же время многое в политике большевистской партии им не нравилось. Так, черноморские инструкторы, работавшие в селах Элистинского уезда летом и осенью 1918 г. с целью подготовки земельной реформы, в своих отчетах писали, что местные крестьяне сожалеют о несостоявшемся Учредительном собрании и отсутствии «твердой» власти, отрицательно относятся к комиссарам и красноармейцам, требуют отложить земельную реформу до окончания гражданской войны.

15 сентября 1918 г. заведующий земельным отделом Черноморского Совета депутатов В.П. Кульченко, резюмируя итоги поездок земельных инструкторов по селам Элистинского округа, докладывал исполкому Совета Черноморского уезда: *«Ораторы высказывались за Учредительное собрание и говорили, что Народные комиссары не есть избранные народа, и от всех инструкторов идут такие же самые жалобы и такие же мотивированные заключения. Население тоскует по Учредительному собранию и по твердой власти, да и не удивительно, села Элистинского округа есть самые богатые в Астраханском крае»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 4]. Кульченко подчеркнул, что в отдельных селах крестьяне вели себя на сходах очень агрессивно по отношению к представителям советской власти: в с. Троицком в инструктора Шмика швырнули палку, а в с. Улан-Эрге его вообще хотели убить, *«говоря, что он красноармеец, а всех красноармейцев нужно уничтожить»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 4].

Отношение к советской власти еще более ухудшилось, когда в конце лета в уезд для работы в советских учреждениях начали прибывать совработники, назначаемые из Астрахани и Ставрополя. С их помощью губернские власти надеялись укрепить позиции советской власти в Элистинском уезде, эти же люди стали проводниками непопулярных у крестьян мер. В 1919 г., вспоминая те дни, заместитель председателя Элистинского исполкома Совета Анищенко говорил: *«Когда на территории уезда развернулись боевые действия, то стали прибывать из центра и других мест некоторые безответственные личности, которые, не считаясь с психологией местного населения, пользуясь реальной силой и неопытностью молодых советских работников, третируя власть Уездного Исполкома, стали зачастую предъявлять к населению такие требования, что в народе стали возмущаться их действиями, ненависть от них переходила и на Уезд-*

ный исполком, который в действительности не имел возможности предотвратить произвольные действия этих буйнов – отдельных безответственных личностей, ибо не имел никакой реальной силы» [НАРК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 8. Л. 24об.].

Главным оплотом проведения в Элистинском уезде политики центральных властей стал уездный военный комиссариат, укомплектованный преимущественно приезжими лицами. Между ним и уездным исполкомом Совета возникли весьма напряженные отношения.

В сентябре 1918 г. политработники военкомата учредили в с. Элиста коммунистическую ячейку и приступили к созданию комитетов бедноты (комбедов) в уезде. 8 октября 1918 г. в Элисте было созвано собрание местных граждан по вопросу обложения принудительным государственным денежным займом зажиточных крестьян. На нем коммунисты и их немногочисленные сторонники попытались навязать крестьянам принудительные займы, однако данное предложение не поддержал исполком Совета и многие участники собрания. После этого коммунисты занялись так называемой «чисткой» местных Советов с целью вытеснить из них зажиточные элементы, заменив их бедняками. В середине октября 1918 г. был созван II уездный съезд Советов, к которому коммунисты заранее тщательно подготовились и на котором им удалось добиться переизбрания прежнего состава Совета, введя в исполком своих сторонников [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 94]. Важно отметить, что зачистка Советов от неугодных властям людей предполагала использование не только процедуры переизбрания, но и военной силы: еще в июле 1918 г. штабом советских революционных сил, находившемся в с. Заветное Черноярского уезда, в целях очищения местных Советов Элистинского уезда от кулачества был сформирован карательный Черноярский экспедиционный отряд [Установление 1973: 348].

Действия большевиков и их сторонников, не считавшихся с интересами и мнением большинства населения Элистинского уезда, вызывали у крестьян раздражение и, безусловно, влияли на настроения военнослужащих Элистинской советской дивизии, состоявшей из местных уроженцев. Обстановка накалилась еще больше и стала взрывоопасной после того, как 25 ноября 1918 г. на съезде комбедов в Элисте его участники разработали план мероприятий по учету и обложению нетрудовых хозяйств [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 94]. Все это совпало с развернувшейся в ноябре 1918 г. кампанией по усилению большевистского влияния и укреплению дисциплины в войсках. 18 ноября 1918 г. командующим Степным фронтом, в состав которого входила Элистинская советская дивизия, был назначен видный деятель коммунистической партии на юге России И.В. Тулак. Он сыграл большую роль в организации красногвардейских отрядов и установлении советской власти в Донской области и Царицыне, вой-

ска под его руководством одержали несколько побед над белыми. Тулак обладал волевым и жестким характером. Современники отмечали у него жестокость, которую он проявлял не только по отношению к врагу, но и к своим подчиненным.

В конце ноября 1918 г. И.В. Тулак с уполномоченными Революционного военного совета 10-й армии И.И. Кучиным, Т.П. Кузьминым и группой коммунистов выехал в Элистинский уезд для проведения инспекции и принятия мер по укреплению дисциплины среди военнослужащих Элистинской советской дивизии. Прибыв в Элисту, он оставил там для работы в военкомате Кучина, Кузьмина и других коммунистов, а сам с военным комиссаром Элистинского уездного военкомата А.М. Пастушковым и отрядом из 30–40 красноармейцев отправился в штаб дивизии в с. Крестовое для того, чтобы отстранить от командования *«антисоветски настроенных командиров и самого Анацкого и создать на базе дивизии регулярную часть Красной Армии»* [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 346].

Вскоре после приезда Тулака в с. Крестовом вспыхнуло восстание. Об этом событии известно очень мало. В работах по истории Гражданской войны кратко указывается, что восстание началось 4 декабря 1918 г., охватило несколько подразделений дивизии и затем перекинулось на села Элиста, Улан-Эрге, Троицкое и Чилгир. Восстание подняли подстрекаемые кулаками солдаты дивизии, однако оно быстро было подавлено, а виновники наказаны. Столь скудная информация о восстании в Элистинской советской дивизии во многом объясняется отсутствием в распоряжении исследователей необходимых источников, позволяющих подробно осветить обстоятельства и ход восстания.

Автор этих строк обнаружил в Национальном архиве Республики Калмыкия интересный документ, проливающий свет на события, произошедшие в период восстания. Он находится в одном из дел, посвященных реабилитации жертв политических репрессий в Калмыкии. Документ посвящен неудачной попытке реабилитации в 1991 г. бывших военнослужащих Элистинской советской дивизии: Г.А. Корниенко, Н.Я. Корниенко, А.Ф. Ткачева, С.К. Малиева, Н.Е. Куликова, К.Г. Сердюкова, осужденных в 1941 г. по делу об организации в 1918 г. восстания и убийстве Тулака и Пастушкова. Все вышеперечисленные лица, за исключением оправданного К.Г. Сердюкова, по приговору Верховного Суда Калмыцкой АССР от 20–23 августа 1941 г. были приговорены к расстрелу. 15 сентября 1941 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР заменила им расстрел 10-летними сроками заключения с частичной конфискацией имущества [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 346]. В 1991 г. старший помощник прокурора Калмыцкой ССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности и межнациональных отноше-

ний младший советник юстиции А.П. Коженбаев после ознакомления с делом не нашел оснований для его пересмотра, и реабилитация, таким образом, не состоялась.

Упомянутый документ ценен тем, что содержит стенограмму допроса в 1941 г. участников восстания в Элистинской дивизии, благодаря которой можно в определенной степени реконструировать события тех лет и узнать о многих его неизвестных фактах. Итак, картина восстания была следующей.

В последних числах ноября 1918 г. в село Крестовое прибыли представители крестьян Элисты и Троицкого, возглавляемые сыном троицкого торговца Н.Ф. Ефремова, который, по утверждению некоторых историков, являлся членом партии социалистов-революционеров (эсеров). Ефремов рассказал своим землякам о том, что *«пока они здесь воюют, коммунисты грабят их семьи и издеваются над богатыми людьми, налагают на них контрибуции и налоги»*, отбирают хлеб у крестьян [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 347]. Взволнованные тревожными вестями с родных сел, командиры пехотной роты Г.А. Корниенко и кавалерийского эскадрона Н.Я. Корниенко, в которых служили в основном жители Элисты и близлежащих к ней населенных пунктов, созвали собрания солдат, где выразили свое возмущение действиями коммунистов и потребовали наказать их. Командир пехотной роты Г.А. Корниенко заявил: *«терпению настал конец, и они не допустят, чтобы коммунисты грабили их хозяйства»* [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 350]. Солдаты и командный состав роты приняли обращение к И.В. Тулаку с просьбой прекратить изъятия хлеба у крестьян и отправили к нему своих делегатов, однако командующий фронтом сказал им, что через несколько дней он примет от Анацкого Элистинскую дивизию, а подписантов обращения накажет [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 350].

На допросе в 1941 г. Г.А. Корниенко показал, что после собраний солдат П.А. Анацкий пригласил к себе на совещание весь командный состав дивизии и наиболее недовольных солдат, на котором призвал убить Тулака, разоружить его отряд, затем выехать в Элисту и арестовать там всех коммунистов, советских работников и красноармейцев, взяв власть в свои руки. Чтобы отряд Тулака не выступил в его защиту, Анацкий предложил арестовать и расстрелять командующего, когда он выедет на прогулку за село. Присутствующие на совещании бойцы и командиры дивизии единодушно поддержали этот план, в то же время Анацкий посоветовал им еще раз поговорить с Тулаком о прекращении изъятия хлеба у населения. Переговоры с ним ни к чему не привели: Тулак заявил, что изъятия хлеба у крестьян проводятся правильно, а переговорщики должны сидеть на скамье подсудимых [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 350].

По существу показания Г.А. Корниенко свидетельствуют не просто о непосредственном участии П.А. Анацкого в восстании, но и о его руководящей роли в нем. До этого историками причастность Анацкого к восстанию обычно отрицалась, в вину ему и его командирам ставилось лишь то, что во время восстания они растерялись и не приняли своевременных мер к его прекращению. Можно, конечно, предположить, что Г.А. Корниенко, давая в 1941 г. следователю показания об участии в восстании Анацкого, которого давно уже не было в живых, стремился таким способом переложить часть вины на начдива и преуменьшить степень своего участия и других обвиняемых в данном событии, чтобы смягчить наказание. По мнению автора этих строк, показаниям Г.А. Корниенко следует доверять, и не только потому, что факт участия командира дивизии в восстании фактически подтвердили опрошенные по этому делу в качестве свидетелей более десятка бывших бойцов Элистинской дивизии, но и потому, что к этому подталкивала сама логика развития событий.

После неудачной попытки договориться с Тулаком о прекращении изъятий хлеба у местного населения и его угроз посадить переговорщиков на скамью подсудимых всем стало понятно, что не осталось другого пути, кроме как устранить его. Зная характер Тулака, не было никаких сомнений в том, что свои угрозы об аресте он приведет в исполнение. В устранении Тулака был непосредственно заинтересован и лично Анацкий, так как командующий фронтом не скрывал, что приехал с целью отстранить его от управления дивизией и превратить ее в регулярную часть Красной армии, ужесточить в дивизии дисциплину и заменить выборное начало командного состава системой назначений. Для Анацкого и участников переговоров фактически не оставалось другого выхода из создавшего положения, кроме как избавиться от Тулака.

Утром 4 декабря 1918 г. П.А. Анацкий созвал собрание и объявил о восстании. И.В. Тулака и военного комиссара Элистинского уездного военкомата А.М. Пастушкова, как людей, непосредственно руководившими действиями по конфискации хлеба у крестьян и взиманию с них налогов, и потому вызывавших наибольшую ненависть у населения, решено было расстрелять, охранявший их отряд – разоружить. После этого восставшие намеревались выехать в Элисту и арестовать там всех коммунистов, совработников и красноармейцев [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 350].

Командир кавалерийского взвода А.Ф. Ткачев, выполняя распоряжение командира эскадрона Н.Я. Корниенко, приказал своим бойцам арестовать и расстрелять Тулака, когда тот со своим ординарцем выедет прогуливаться на окраину с. Крестового. Кавалеристы С.К. Малиев, В. Сердюков, Денисенко разоружили Тулака и его ординарца,

спёшили их и погнали в село. По дороге они встретили выехавших к ним навстречу А.Ф. Ткачева с кавалеристами. Ткачев сказал конвоирам: *«что вы с ним возитесь, бейте его»*, после чего все присутствующие начали избивать Тулака. Командующий, чтобы уклониться от побоев, стал прятаться за лошадьми, и, улучив минуту, бросился бежать к ближайшему крестьянскому двору [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 348]. Вслед ему раздались выстрелы, которые его ранили, но Тулак сумел добежать до двора, где попросил у хозяина дома воды. Вскоре кавалеристы подъехали к двору и добились его [НАРК. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 1082. Л. 352].

Расправившись с командующим Степным фронтом, кавалеристы в присутствии командира дивизии П.А. Анацкого расстреляли военкома А.М. Пастушкова. Пока бойцы эскадрона Н.Я. Корниенко занимались карательными действиями, пехотинцы роты Г.А. Корниенко разоружили красноармейский отряд Тулака.

Вечером того же дня, по распоряжению Анацкого, эскадрон и рота братьев Корниенко выступили на Элисту, являвшуюся центром уезда. Скрытно, на рассвете, они оцепили Элисту, обезоружили охрану, арестовали всех советских служащих, коммунистов и красноармейцев, при этом был застрелен начальник снабжения Элистинского военкомата Горячев. Всех арестованных (по разным данным – от 100 до 200 чел.) разместили в помещении школы и в двух домах.

В полдень 5 декабря 1918 г. восставшие создали сход местных жителей и мобилизованных в Красную армию, на котором была избрана комиссия по разбору дел арестованных в количестве 7 членов и 1 секретаря. Комиссия заседала до вечера, результатом ее работы стало освобождение под поручительство нескольких арестованных. Военный комиссар Элистинского уезда Киричков, оказавшийся в числе арестованных, впоследствии вспоминал, что отношение к ним со стороны восставших и местных жителей было недоброжелательным, при этом отдельные лица радовались их аресту и выкрикивали слова: *«Долой коммунию и Красную Армию!»* [Астраханская беднота. 1919. 1 января]. В принципе политические настроения местного населения и бойцов Элистинской дивизии в то время не отличались от настроений большинства крестьянского населения России, которые в обобщенном виде можно выразить словами: *«За советскую власть, но без коммунистов»*.

Вечером того же дня большая часть бойцов, прибывших накануне в Элисту, вернулась в Крестовое к месту дислокации своих подразделений. На следующий день в Элисту приехал Анацкий и на сходе зачитал постановление командного состава Элистинской советской дивизии об освобождении арестованных, что было встречено многими с недоумением. *«Як же освободить, як воны коммунисты»*, – говорили они, на что

Анацкий ответил им в шуточной форме: «Хоть будь ты черт, лишь бы нес яйца» [Астраханская беднота. 1919. 1 января]. Вскоре все арестованные были освобождены и приступили к выполнению своих служебных обязанностей.

Своими действиями Анацкий дал всем понять, что он не собирается продолжать восстание и готов примириться с властями. Еще 4 декабря, после расправы с Тулаком и Пастушковым, он и его командиры неожиданно сложили с себя полномочия по управлению Элистинской дивизией, а последнюю во временное командование принял возвратившийся из краткосрочного отпуска военный комиссар штаба дивизии Белогорцев. В должности начальника дивизии он, однако, пробыл недолго. После переговоров с членом Реввоенсовета Кучиным, уездными руководителями Бражкиным и Овчаровым 5 декабря Анацкий и его командиры вернулись к управлению Элистинской дивизией [Уставление 1973: 243].

Быстрое и достаточно спокойное завершение восстания дает основание предположить о том, что у его участников не было заранее разработанного плана и продуманной программы действий. Все случилось неожиданно и спонтанно, восстание стало своего рода проявлением стихийной рефлексии бойцов Элистинской дивизии на политику большевистского руководства в отношении местного населения и дивизии. Восстание нельзя назвать контрреволюционным, ибо оно было направлено не против революционных завоеваний и не на слом системы советской власти, а против диктатуры коммунистической партии.

Командование 10-й армии РККА извлекло некоторые уроки из восстания: реорганизация Элистинской советской дивизии была приостановлена, а ее комсостав не был заменен и репрессирован. Власти ограничились наказанием небольшой группы активных участников, из которых 20 чел. было расстреляно по приговору революционного трибунала. Применить широкие репрессии против военнослужащих дивизии военные власти не решились, учитывая сложную обстановку на фронте. Более того, вместо Тулака командующим Степным фронтом был назначен П.А. Анацкий, которому, правда, пробыть на этой должности пришлось совсем недолго: 15 декабря 1918 г. он погиб в одном из боев с белогвардейцами.

В целом восстание имело отрицательные последствия для Элистинской дивизии и уезда. В марте 1919 г. дивизия была расформирована, а ее подразделения влиты в состав регулярных частей РККА. Элистинский уезд после восстания в глазах властей Астраханской губернии стал считаться контрреволюционным и ему было прекращено финансирование.

Источники

Астраханская беднота (газета).

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Установление и упрочение советской власти в Калмыкии (январь 1918 – апрель 1919 гг.). Сб. документов. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 352 с.

Литература

Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.

Немичев И.С. Формирование и боевые действия Первой Элистинской советской дивизии (июль 1918 – март 1919 гг.) // Ученые записки. Серия историческая. Вып. 10. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 58–73.

Очиров У.Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. 448 с.

292-Й КАВАЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК В БОЯХ НА МАЙКОПСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В АВГУСТЕ 1942 Г.*

Заярный С.А.¹, Очиров У.Б.²

¹ независимый исследователь (г. Москва)

E-mail: zajarnyj@mail.ru

² доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию завершающей фазы боевого пути 292-го кавалерийского полка (1-го формирования) 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. В конце июля 1942 г. командование отдало два противоречащих друг другу приказа, из-за чего 292-й кавполк (как и ряд других групп) отделился от основных сил 110-й кавдивизии и отошел в район Майкопа. Там он был включен в состав войск, обороняющих город. В дальнейшем 292-й кавполк участвовал в жестоких боях у отрогов Главного Кавказского хребта и понес значительные потери. Несмотря на большие потери и отсутствие снабжения, эта часть в этих боях показала себя с наилучшей стороны и была высоко отмечена командованием. В начале сентября 1942 г. остатки 292-го кавполка были обращены на доукомплектование 10-й гв. Кубанской казачьей кавдивизии 4-го гв. казачьего корпуса.

Ключевые слова: Красная армия, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Битва за Кавказ, 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, 292-й кавалерийский полк, Майкоп, оборона перевалов Кавказского хребта.

292-й кавалерийский полк (далее – кп) входил в состав 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии (далее – кд), которая начала формироваться согласно решению Государственного комитета обороны 13 ноября 1941 г. как национальное соединение. Первоначально оно было укомплектовано в основном из жителей Калмыкии, две трети из них являлись калмыками (в сабельных и пулеметных эскадронах 110-й кд процент калмыков оказался еще выше). В составе этого соединения три формирования носили указанный номер: 292-й кп (1-го форм.) входил в 110-ю кд с дека-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Участники Великой Отечественной войны – уроженцы Калмыкии: поиск, составление списков, анализ» (№ госрегистрации АААА-А16-116053010033-1).

бря 1941 г. по июль 1942 г., затем отделился от соединения и весь август действовал самостоятельно, пока его обратили на доукомплектование 10-й гв. Кубанской кд; 292-й кп (2-го форм.) был восстановлен в 110-й кд уже в середине августа, но в конце сентября с большей частью личного состава калмыцкого соединения его обратили на доукомплектование 30-й Краснознаменной кд; 292-й кп (3-го форм.) был сформирован на базе армейского кп 44-й армии в октябре 1942 г. и сражался в составе 110-й кд вплоть до ее расформирования в начале февраля 1943 г. Данная статья посвящена действиям 292-го кп (1-го форм.) в августе 1942 г. после его отделения от основных сил 110-й кд.

292-й кп (1-го форм.), как и другие части и подразделения 110-й кд, был сформирован в конце 1941 г. – начале 1942 г. практически «с нуля» из новобранцев со всех улусов Калмыкии, хотя 13 февраля 1942 г. ему формально присвоили наименование «Малодербетовский» [Калмыкия 2005: 156]. Жители республики, движимые патриотическими чувствами, с охотой записывались в национальное соединение, но абсолютное большинство из них не имели опыта военной службы. Дивизия была полностью укомплектована рядовым составом, но первоначально имела некомплект командно-начальствующего состава, особенно младшего (старшин и сержантов) [Очиров 2017: 58–65].

Полку очень повезло с командирами. В начальный период частью в отсутствие командира, занимавшегося вопросами формирования 110 и 111-й Калмыцких кд, руководил начальник штаба капитан А.И. Надточий, затем зам. командира полка капитан Я.К. Попов, которые сумели наладить процесс обучения бойцов, несмотря на отсутствие обмундирования, вооружения и др. Оба офицера, помимо того, что были неутомимыми и энергичными организаторами, отличными строевыми командирами и «с удивительным пониманием разбирались в лошадях» [НА КалмНЦ РАН: Воспоминания Н.В. Бадьминова], имели хороший опыт работы по обучению новобранцев. Надточий в начале 1930-х гг. служил в полковой школе прославленной 5-й Блиновской кд, где у него обучались многие калмыки-сержанты из национального Калмыцкого эскадрона. Неслучайно он, отлично понимая значение сержантов в обучении новобранцев, первым в дивизии организовал внештатную полковую сержантскую школу, куда отобрал наиболее грамотных и физически развитых новобранцев. Это решение было единственно верным, поскольку подготовка сержантов по национальному принципу не осуществлялась, а отбор калмыков из обычных школ был затруднен из-за отсутствия общеармейской системы учета младшего начальствующего состава. Выпуск сержантов из школы в конце апреля 1942 г. позволил решить проблему нехватки младшего начальствующего состава. Попов (ветеран боев с белогвардейцами, с басмачами и на КВЖД) в начале войны служил в 8-м запасном кп. Командир 292-го кп майор С.И. Ориночко, уже успевший принять участие в боях с немцами

Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.

и пройти ускоренный курс академии Генштаба, прибыл в полк в марте 1942 г. Он сумел не только поддержать налаженный уровень службы, но и заметно улучшить его. Неудивительно, что 292-й кп в этот период считался лучшим в 110-й кд.

В состав части входили следующие подразделения: 1, 2, 3, 4-й сабельные эскадроны (каждый из которых состоял из 4 сабельных взводов, взвода 50-м минометов и взвода ПТР), пулеметный эскадрон (16 станковых пулеметов), артиллерийская батарея (4 – 76-мм полковых и 4 – 45-мм противотанковых орудия), минометная батарея (6 – 82-мм минометов); отдельные взводы (ПВО, саперно-подрывной, связи, хозяйственный); а также мастерская боепитания, пункт медицинской помощи, полковой ветеринарный лазарет.

В июле 1942 г. 110-я кд, занимая оборону вдоль берега Дона на 58-километровом участке, вступила в свой первый бой и в течение нескольких дней отражала удары немецкой элитной моторизованной дивизии «Великая Германия», которая вскоре была усилена 16-й моторизованной дивизией (далее – мд), артиллерией и инженерными частями из резерва 1-й танковой армии вермахта. Первоначально 292-й кп оборонял переправу в районе станицы Багаевской, через которую в период с 17 по 25 июля было переправлено: около 300 000 чел., 1 200 орудий разного калибра, 4 000 автомашин и тракторов, 200 танков, 9 000 повозок, 20 000 лошадей, 1 500 голов рогатого скота [Заярный, Очиров 2017: 59]. Понимая значимость этой переправы, «великогерманцы» попытались захватить ее, но Ориночко сначала задержал противника на дальних подступах, а в разгар боя на переправе взорвал мост, после чего немцы утратили интерес к этому участку.

292-й кп передал свой участок 230-й стрелковой дивизии (далее – сд) и занял вторую линию обороны за основными силами 110-й кд в районе хутора Карповка, помогая другим частям отражать усилившиеся немецкие атаки в районе раздорской и мелиховской переправ. После прорыва немцев в тыл калмыцкого соединения 292-му кп пришлось вместе со штабом и артиллерийским дивизионом принять удар на себя, спасая основные силы 110-й кд, которые благодаря этому вырвались из окружения. Только получив соответствующий приказ, Ориночко начал отводить свою часть за Маныч. Еще до начала боя под Карповкой 4-й сабельный эскадрон 292-го кп был передан на усиление в соседний полк и обратно уже не вернулся. Командир пулеметного эскадрона в своих воспоминаниях утверждал, что 1-й сабельный эскадрон еще в боях за Багаевскую понес большие потери (особенно от люфтваффе) и был обращен на пополнение 4-го эскадрона [НА КалмНИЦ РАН: Воспоминания Н.В. Бадьминова]. Однако командир и комиссар полка в своих описаниях боя за Карповку неоднократно упоминали о действиях 1-го эскадрона [В боях за Дон 1969: 90–91, 108]. Как бы то ни было, к началу

следующего боя (под Майкопом) 1-й эскадрон в 292-м кп уже отсутствовал, а 3-й эскадрон именовался «сводным». В бою за Карповку были полностью уничтожены минометная батарея и пулеметный эскадрон 292-го кп, оставленный для прикрытия отхода самого полка [В боях за Дон 1969: 108; НА КалмНЦ РАН: Воспоминания Н.В. Бадьинова]. Фактически был истреблен и штаб 292-го кп. Из шести офицеров двое погибли, один был ранен еще до начала боев, зав. делопроизводством попал в плен, а два офицера-связиста отделились от основных сил полка (возможно, с взводом связи).

Вечером 26 июля остатки 292-го кп переправились за Маныч в 12 км к востоку от Манычской (в районе Тузлукова) и заняли позиции в 4 км от Веселого (видимо, в районе пос. Свобода). В ходе отступления некоторые тыловые подразделения (например, взвод связи) оторвались от полка и присоединились к основным силам 110-й кд, которые переправились через Маныч в другом месте и не имели локтевой связи с 292-м кп и другими группами, хотя знали о том, что они вырвались из ловушки «Великой Германии». 27 июля, во второй половине дня в штаб полка прибыл начальник 4-го отделения штаба 110-й кд старший лейтенант Н.Ф. Капранов, который передал устный приказ начдива: 292-му кп надлежало сдать свой участок обороны соседнему слева стрелковому полку и с наступлением темноты выступить на юг по маршруту Мечетинская – Тихорецкая – Архангельская – Выселки – Гиагинская – Майкоп с прибытием в последний до вечера 5 августа, где планировалось соединиться с основными силами 110-й кд. Эти силы должны были двигаться левее 292-го кп, по маршруту конзавод – Егорлыкская – Новороговская и далее на юг до Майкопа (по всей видимости, этот приказ был связан с возвратом соединения в состав Северо-Кавказского фронта, так как зам. командующего фронта генерал-полковник Я.Т. Черевиченко находился в это время в районе Мечетинской). Не исключая возможности ошибки при устной передаче приказа, Ориночко вызвал военкома 292-го кп батальонного комиссара П.А. Круглякова и оперуполномоченного Особого отдела 292-го кп лейтенанта госбезопасности Н.Е. Ордена и потребовал от Капранова повторить приказ начдива, после чего отпустил его и начал готовиться к маршу. Передав участок соседу (подошедшему полку 347-й сд), 292-й кп, сумевший собрать примерно 300 бойцов, 1 – 76-мм орудие, 1 – 45-мм противотанковую пушку, два станковых пулемета, две повозки и полевую кухню, вечером выступил по указанному маршруту [В боях за Дон 1969: 91–92].

Однако 28 июля Южный фронт (в который тогда входила 110-я кд) был упразднен, а его войска передали Северо-Кавказскому фронту, разделенного на Приморскую и Донскую оперативные группы. Эти группы прикрывали разные направления: Приморская группа – краснодарское, поэтому начала отход на юго-запад, Донская (в которую вошла 110-я кд)

Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.

– ставропольское, поэтому начала отход на юго-восток. На исходе дня 28 июля в 110-ю кд пришел приказ о немедленном отходе по направлению к Сальску. В результате этого основное ядро 110-й кд окончательно утратило контакт с другими группами своего соединения, которые выполняли приказ об отходе на Майкоп (292-й кп майора С.И. Ориночко, группы 311-го кп капитана А.К. Темирова, старшего лейтенанта М.М. Старцева и др.). Во время отхода эти группы продолжали считать себя частями и подразделениями 110-й Калмыцкой кд и не вливались в проходящие мимо соединения. Калмыцкий национальный состав и более чем полугодовое совместное обучение и сколачивание обусловили высокий корпоративный дух и спайку личного состава, который стремился вернуться именно в состав родной дивизии. Еще одна группа бойцов 110-й кд после отхода с Маныча попала в состав 30-й кд. В полосе действия Приморской группы оказалась часть 138-го кп 30-й кд, которая в ходе отступления вышла на участок 13-й кд. Впоследствии этот отряд был обращен на доукомплектование 23-го кп 12-й Кубанской кд.

В силу вышеизложенных причин действия этих групп на майкопском направлении в оперативных документах армий Приморской группы были отражены слабо. К сожалению, очень слабо в исторической литературе оказались отражены и сами бои на майкопском направлении. По крайней мере, 292-й кп в ней вообще не указан. В какой-то мере этот недостаток можно восполнить за счет воспоминаний, но их сохранилось немного, к тому же они имеют разную степень информативности. Конечно, наиболее информативными являются воспоминания командиров групп, поэтому, например, удалось реконструировать путь 292-го кп, благодаря подробным мемуарам С.И. Ориночко, написанным через 20 с небольшим лет после окончания войны, когда детали прошедших боев еще не выветрились из памяти [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73]. Но А.К. Темиров в годы депортации калмыцкого народа по вполне понятным причинам не писал воспоминаний, а ко времени возвращения в республику уже был парализован и ослеп. Воспоминания зам. политрука М.Х. Самбаева оказались весьма малоинформативными [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 45], поэтому путь группы А.К. Темирова мы можем только очертить предположительно. Воспоминания же П.З. Сорова, отступавшего в составе группы М.М. Старцева, затем вошедшей в 292-й кп, оказались не совсем точными, написанными уже много лет после окончания войны (в 1983 г. и 1996 г.) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 220 и 245]. Именно поэтому в описании этих боев наше основное внимание уделяется части С.И. Ориночко.

Всю ночь с 27 на 28 июля 292-й кп шел в южном направлении, ожидая представителя штаба дивизии с приказами на дальнейшие действия. Утром, не дождавшись представителя штаба, Ориночко выслал две конные группы в пункты предполагаемого маршрута 110-й кд: конза-

вод (восточнее хутора Пишванов) и Таганрогский (11 км севернее Егорлыкской), чтобы установить связь со штабом соединения и доложить о местонахождении полка. Однако к полудню разведчики вернулись и доложили, что никакие кавалерийские части через эти населенные пункты ни ночью, ни днем не проходили. Понимая всю опасность отрыва от дивизии, но имея ясный приказ на марш к Майкопу, Ориночко, выслав новые разведывательные группы, в ночь на 29 июля продолжил движение, преодолев с полком за ночь 45 км. На рассвете 29 июля были высланы разведгруппы в Егорлыкскую, Войнов и Новороговскую, которые также не зафиксировали прохождения кавалерийских частей. Перед командиром и комиссаром полка возник вопрос: «Что делать»? Прекращать движение и возвращаться назад без приказа было нельзя, а ожидать на месте не имело смысла. Посчитав, что соединение, видимо, было задержано на занимаемом рубеже, поэтому запаздывает с выходом на марш, Ориночко и Кругляков решили продолжить марш по ранее отданному приказу [В боях за Северный Кавказ 1973: 41]. Встречавшиеся отступающие части бывшего Южного фронта связи с командованием 37-й армии не имели и не могли помочь полку соединиться с дивизией.

Высылаемые в последующие дни поисковые группы также не находили следов дивизии. Только ночью 3 августа при прохождении через населенный пункт Выселки местный житель сообщил, что прошедшей ночью через село проходила группа кавалеристов калмыцкой национальности. Скорее всего, это была группа 311-го кп капитана А.К. Темирова (которая также получила приказ на отход к Майкопу, но не получила приказа об отходе к Сальску), однако Ориночко об этом не знал и предположил, что это отряд из основной части 110-й кд [В боях за Северный Кавказ 1973: 41].

292-й кп продолжил марш и поздним вечером 5 августа расположился в больших садах на юго-восточной окраине Майкопа. При подходе к городу вперед был выслан зам. командира полка капитан Я.К. Попов с заданием найти штаб и части 110-й кд. Он также не смог найти дивизию, но получил от дежурного в штабе майкопского гарнизона сведения о том, что ночью 3 августа в городе была группа из 250–300 кавалеристов-калмыков под командованием капитана А.К. Темирова, которая с рассветом убыла дальше [В боях за Дон 1969: 92]. Утром 6 августа майор Ориночко выслал конную группу под командованием парторга полка старшего политрука Б.М. Манджиева в населенные пункты Кужорская, Ярославская и близлежащие хутора для поиска штаба дивизии, а сам связался по телефону с председателем горисполкома Лабинска, который также не имел сведений о 110-й кд.

В городе к 292-му кп присоединилась группа 311-го кп старшего лейтенанта М.М. Старцева (пом. начальника штаба 311-го кп). Во время отхода к этой группе присоединились пулеметный взвод 311-го кп лейтенан-

**Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях
на майкопском направлении в августе 1942 г.**

та П.З. Скорова и начальник инженерной службы 110-й кд С.Г. Плоткин [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 245. Л. 6]. Видимо, эту группу влили в состав 3-го сводного эскадрона 292-го кп. Проведя два дня в Майкопе, командование полка установило связь с комендантом города полковником Филимоновым и его штабом. По совету коменданта ранним утром 8 августа Ориночко, Кругляков и Орден на автомашине выехали в станцию Белореченскую, где в то время располагался вспомогательный пункт управления штаба Северо-Кавказского фронта.

Майор Ориночко доложил начальнику оперативного отдела штаба Северо-Кавказского фронта генерал-майору В.Н. Разуваеву о прибытии полка, его составе и вооружении. Не дослушав доклада и не разобравшись в существе вопроса, генерал-майор набросился на командира полка и военкома с обидными словами: *«Вы трусы, паникеры и предатели, вы как трусы бросили ваш рубеж обороны и разбежались, кто куда попало. Вся ваша дивизия без приказа бросила свой участок обороны на Дону и разбежалась»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96*]. Сдерживая гнев, майор Ориночко ответил на незаслуженные обвинения: *«Ваши сведения о бегстве 110 кд с занимаемого рубежа обороны являются ложными, наша дивизия с честью и достоинством выполнила боевую задачу, поставленную ей командованием 37 армии. За все время многодневных ожесточенных боев на левом берегу р. Дон в дивизии и 292 кп не было случаев паникерства и бегства с поля боя... Товарищ генерал! Скажите, где Вы видели или слышали, чтобы командир и военком части, покинувшие без приказа свои позиции и бежавшие с поля боя, сами искали штаб фронта и докладывали о своих преступлениях?»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96].²

Однако генерал продолжал ругаться и грозил суровыми мерами вплоть до расстрела согласно приказу И.В. Сталина № 227, с которым С.И. Ориночко и П.А. Кругляков еще не были ознакомлены. На громкий разговор в комнату зашли двое работников НКВД с «ромбами». Генерал кратко сообщил им о прибытии полка, охарактеризовав его командира и военкома как трусов и паникеров, покинувших поля боя. Забрав Ориночко и Круглякова в соседнюю комнату, работники управления НКВД по охране тыла фронта в течение 40 минут допрашивали их о действиях полка и причинах отрыва от дивизии и, несмотря на правдивые ответы, вели дело к тому, чтобы жестоко наказать командование полка. В конце допроса Ориночко и Кругляков заявили, что если допрашивающие не верят командиру и комиссару части, то пусть допросят оперуполномоченного Особого отдела Н.Е. Ордена, который постоянно находился в полку и лично присутствовал при получении устного приказа на отход в сторону Майкопа. Вызванный в другую комнату «особист» Орден подтвердил коллегам правдивость показа-

* В этом деле отсутствует единая нумерация листов.

ний командования полка. Через 10–15 минут «энкаведешники» извинились перед Ориночко и Кругляковым и вновь направили их к генерал-майору Разуваеву. Теперь разговор шел в деловом русле, и через 30 минут майор Ориночко получил приказ о временном подчинении 292-го кп командующему обороной Майкопа полковнику Филимонову [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96].

Общее руководство войсками на майкопском направлении было возложено на инспектора кавалерии Северо-Кавказского фронта генерал-майора М.Ф. Малеева. Ему подчинялись майкопский гарнизон и Орловское танковое училище, которое в августе 1941 г. было переведено в Майкоп и на базе которого в июле 1942 г. была сформирована Орловская танковая бригада. Эта часть перекрыла шоссе Кужорская – Майкоп, закопав оставшиеся танки на огневых позициях у хутора Грозный. Непосредственной обороной Майкопа руководил начальник гарнизона полковник Филимонов. Небольшие подразделения майкопского гарнизона и отряды ополченцев заняли полукруговую оборону на северной окраине Майкопа, прикрывая отход частей 18-й армии на левый берег р. Белая.

292-й кп майора С.И. Ориночко получил задачу сосредоточиться на рассвете 9 августа в хуторе Красно-Октябрьском и занять оборону по левому берегу р. Курджипс. Он должен был быть готов в случае необходимости принять бой на Длинной горе, что южнее Майкопа, поддерживая связь с командованием по телефону и конными посыльными.

Со второй половины дня и до наступления темноты люфтваффе усиленно бомбило город. Укрытый под густыми деревьями сада на окраине города полк потерь от бомбардировок не понес. В 5.00 9 августа 292-й кп занял указанные оборонительные рубежи и приступил к окапыванию. Весь день через мост из Майкопа эвакуировались тылы воинских частей, госпитали, учреждения и большая масса гражданского населения, которые уходили в глубь лесов от бомбежки. В полдень полковник Филимонов в своей оперативной сводке сообщил, что 13-я Кубанская кд 17-го казачьего кавалерийского корпуса (далее – кк), оборонявшая станцию Келермесскую, подверглась жесточайшей бомбардировке с воздуха и атаке большого количества танков. Не выдержав мощного удара противника и понеся большие потери, 13-я кд начала отход в сторону станции Ханской [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73*], фактически открыв немцам дорогу на Майкоп с севера.

Противником наших войск на майкопском направлении были 13-я танковая дивизия (далее – тд) и 16-я мд 3-го танкового корпуса (далее – тк). В период с 31 июля по 2 августа они совершили бросок на юг из района Сальска в изгиб реки Кубань и рассекли Донскую опера-

* В этом деле имеется отдельная пагинация листов, поэтому ссылки на номера листов не даются.

Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.

тивную группу Р.Я. Малиновского, захватив плацдарм через р. Кубань в районе Прочноокопской. Преследуя отходящие войска 12-й армии, не давая им привести себя в порядок и закрепиться на оборонительных рубежах, танки и мотопехота за 9 дней прошли с боями 350 км. В ночь на 9 августа 13-я тд форсировала р. Лаба и вышла к Майкопу. 16-я мд, форсировав Лабу южнее, в районе станицы Зассовской, продвигалась по правому берегу р. Белая вниз по течению, охватывая не успевшие переправиться советские войска с юга.

Три штурмовые группы 13-й тд при поддержке 2-го батальона специального назначения «Бранденбург» в 15.00 ворвались в Майкоп. Группа «брандербуржцев», переодетых в советскую форму, захватила мост через реку Гиага, хотя и потеряла в бою своего командира – лейтенанта Прохазку. 9 бронетранспортеров (далее – БТР) 1-го батальона 66-го мотопехотного полка при поддержке батареи 13-го артиллерийского полка (из боевой группы В. Кризолли) развили успех и расширили плацдарм, нацеливаясь на Майкоп с севера. Боевая группа Х. Штольца, созданная на базе 43-го мотоциклетного батальона, пыталась прорваться в Майкоп с северо-запада, но была отброшена защитниками города. Боевая группа фон Й.-Д. фон Рацека, сформированная на базе 4-го танкового полка, воспользовавшись успехом группы Кризолли, прорвалась в город и захватила вокзал, но развить наступление дальше не смогла [Тике 2005: 74–75].

В 18.00 9 августа полковник Филимонов сообщил Ориночко по телефону о прорыве группы фон Рацека так: разведгруппа противника в количестве до 150 человек на БТР и автомашинах при поддержке 5 бронемашин захватила вокзал и комбинат лесомебели, пытается прорваться к центру города. Малочисленная школа танкистов и ополченцы, не имея артиллерии и ПТР, сдерживают наступление противника. Филимонов приказал срочно направить в город усиленный станковыми пулеметами и ПТР эскадрон для уничтожения врага. Сводный эскадрон под командованием зам. командира полка капитана Я.К. Попова убыл в город. Вместе с ним выехал и военком полка батальонный комиссар П.А. Кругляков. Прибыв в район уличного боя, Попов и Кругляков, выяснив у обороняющихся обстановку, разделили эскадрон на две группы. При поддержке станковых пулеметов и ПТР конники атаковали противника с фланга и тыла, общими усилиями подбили два броневика и два БТР. Немцы были вынуждены отойти в сторону своих основных сил, оставив на поле боя 25 убитых. В ходе боя на улицах Майкопа совершил подвиг и погиб лейтенант В.Г. Шубин (командир взвода 120-мм минометов конно-артиллерийского дивизиона 110-й кд, после боев на Дону присоединившийся к 292-му кп). Вот как описал этот бой военкомат г. Майкопа в июле 1946 г.: *«9-го августа в городе Майкопе на углу ул. Пролетарской и Ленина во время отхода частей Красной Армии лейтенант Шубин Ва-*

сий Григорьевич огнем из автомата в единственном числе прикрывал отход своего взвода, который своим огнем уничтожил до 15 вражеских мотоциклистов и только при подходе вражеских танков лейтенант Шубин В.Г. был тяжело ранен в грудь вражеским огнем из пулемета и после тяжелого ранения, закончив все свои боеприпасы, скончался смертью храбрых, защищая до последних своих сил нашу Родину.

В течение 3-х дней лейтенант Шубин В.Г. лежал убитым, которого немецкие изверги не разрешали хоронить и только после трех дней, когда труп начал разлагаться, было разрешено зарыть, и 13 августа 1942 г. лейтенант Шубин В.Г. был похоронен... 28-го мая 1946 года... была вскрыта могила Шубина В.Г..., в которой были обнаружены кости и медальон, из которого установлена гибель лейтенанта Шубина В.Г. и 28-го мая 1946 года с почестями похоронен лейтенант Шубин Василий Григорьевич... на братской могиле у полотна железной дороги станции Майкоп» [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594258. Д. 89. Л. 127–127об.].

Выполнив задачу, эскадрон возвратился в полк, потеряв одного погибшим и двух бойцов легкоранеными.

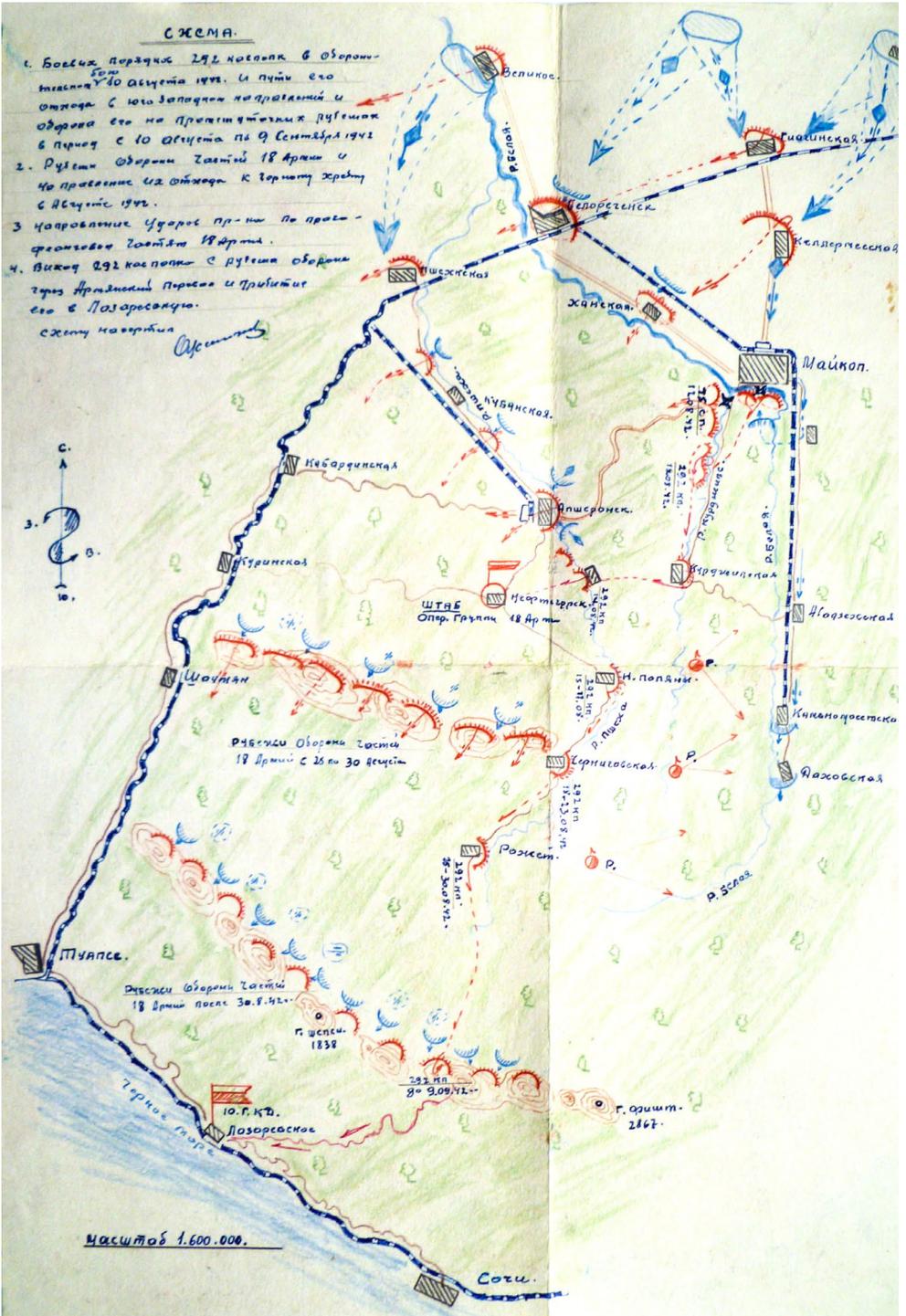
Жестокие бои, продолжавшиеся до позднего вечера, нашли отражение в оперативном донесении 18-й армии: «*Противник в 19.30 9.8 силою до пп (пехотного полка. – С. З., У. О.) при поддержке 30 танков повел наступление на Майкоп со стороны Белореченская. После упорного уличного боя и попытки сводного отряда генерал-майора Малеева и подразделений 292 кп выбить противника из города, контратаки успеха не имели, и части, обороняющие город, отошли на западный берег р. Белая, где влились в состав 31 сд. Мост через р. Белая у Майкоп взорван» [ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 91. Л. 147]. На самом деле, мост не был взорван ни 9 августа, ни в последующие дни. 31-я сд генерал-майора М.И. Озимины, в предыдущих боях понесшая большие потери, 2–7 августа приводила себя в порядок, получала пополнение, вооружение и боеприпасы в районе Майкоп – Кужорская (то есть к востоку от Майкопа). Сам начдив с 9 августа за утрату управления войсками при отходе с р. Дон находился под следствием, которое закончилось для него осуждением к 10 годам лагерей с отсрочкой до конца войны. К счастью для Озимины в последующем он смог добиться снятия приговора, многократно отличиться, стать Героем Советского Союза и получить семь боевых орденов, закончив войну командиром корпуса.*

Вечером 9 августа в хутор Красно-Октябрьский прибыла небольшая группа кавалеристов-казаков под руководством пожилого старшего лейтенанта П.Е. Сандужева – командира 1-го эскадрона 24-го кп 13-й кд. Сандужев сообщил, что в бою на северной окраине станицы Келермесской эскадрон понес большие потери, был отрезан танками противника от своего полка и отошел к Майкопу. В эскадроне осталось 52 человека, два ручных пулемета и два ПТР, повозка с боеприпасами. Майор

С ЖСМА.

1. Восточная португальская 292 колонна в оборонительном направлении 30 августа 1942. и пути его отхода с юго-западной переправы и оборона его на Припятичском рубеже в период с 10 августа по 9 сентября 1942
2. Рубежи обороны 28 Армии и ее правление из отхода к Горной Железе 6 августа 1942.
3. Направление удара пр-ва по правому фланговому выступу 18 Армии.
4. Видею 292 колонны с рубежа обороны 28 Армии до переправы и Припятичского рубежа оборонялся.

Александр

Ориночко предложил командиру эскадрона, учитывая наступившую темноту и отсутствие у того карты местности, дальше не двигаться и присоединиться к полку, находящемуся в обороне. Так личный состав эскадрона старшего лейтенанта П.Е. Сандужева присоединился к полку и вместе с ним занял оборонительный рубеж.

После 1.00 10 августа в полк со стороны Апшеронской прибыл начальник политотдела 18-й армии бригадный комиссар Б.С. Мельников и пом. начальника оперативного отдела 18-й армии [В боях за Северный Кавказ 1973: 43]. Они разъяснили сложившуюся ситуацию и поставили 292-му кп новую задачу (излагается по воспоминаниям С.И. Ориночко): *«оставить свой рубеж обороны и немедленно занять оборону на северных склонах горы Длинной, что южнее г. Майкоп, имея правый фланг напротив городской водоканализации и левый фланг у мясокомбината. Не считаясь с потерями, не допустить выхода живой силы и танков противника из города через мост. Полку была придана команда саперов, которая имела задачу взорвать железный мост через реку Белая в г. Майкоп. Боевые действия в обороне слева будет поддерживать 75 сп 31 сд, который прибывает на рассвете»* (выделено нами. – С. З., У. О.). *Справа частей Красной армии в обороне нет»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73]. На самом деле саперы так и не прибыли, а если верить донесению 18-й армии на 21.00 9 августа, 31-я сд находилась южнее, обороняя силами 177 и 248-го сп рубеж в 2 км южнее Тульской – Причтовый – Веселый и имея 75-й сп в Курджипской (то есть еще южнее). Повторив вслух приказ, Ориночко, наученный горьким примером, попросил бригадного комиссара дать письменный приказ. Однако комиссар приказал выполнять приказ от имени Военного совета 18-й армии, а письменную копию обещал прислать днем или завтра. Судя по всему, Ориночко письменного приказа так и не дождался.

292-й кп был срочно поднят по тревоге. Ставя задачу, Ориночко обратил внимание командиров и политработников на сложность боевых действий в лесных условиях и трудностях управления боем. 10 августа в 2.00 полк выступил из Красно-Октябрьского и к рассвету занял оборону согласно приказу. Справа занял позиции 2-й эскадрон лейтенанта П.С. Еремина с двумя станковыми пулеметами и двумя ПТР на правом фланге обороны, имея перед собой железный мост. Там же находился зам. командира полка Я.К. Попов. В центре позиции стоял сводный 3-й эскадрон со станковым пулеметом, одним ПТР и 76-мм пушкой, который должен был взаимодействовать со 2-м эскадром, уничтожать своим огнем противника на мосту или отсечным огнем не допускать прорыва на позиции 2-го эскадрона. Также необходимо было не допустить атаки на свои позиции со стороны мясокомбината. 45-мм противотанковая пушка была установлена в 300 м от моста. На левом фланге стоял полуэскадрон кубанских казаков

Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.

П.Е. Сандужева, который должен был своим огнем поддерживать 3-й эскадрон 292-го кп. Готовить рубеж к обороне пришлось при лунном свете, с трудом выбирая места огневых позиций для пулеметов и ПТР и окопов для бойцов. К утру полк зарылся в землю.

Занимаемый полком рубеж обороны по северному склону длинной и высокой горы, протянувшейся вдоль р. Белой, преобладал над местностью, занятой противником. Вся гора высотой в 70–80 м на всем своем протяжении была покрыта 50–70-летним дубовым лесом. С наблюдательных пунктов была видна вся южная окраина города и передвижения противника, позиции же полка скрывались зарослями молодняка, а с воздуха – кронами высоких деревьев. Противник не мог вести по позициям полка прицельного огня, только массированный артиллерийский и минометный огонь по всей площади леса. Река Белая в это время года не представляла из себя серьезного препятствия, ее глубина не превышала 1–2 м, а в некоторых местах она доходила до 70 см. Гравийно-песчаное дно позволяло пехоте переходить реку вброд, но высокий, высотой 5–7 м, обрывистый левый берег для танков, бронемашин, автотранспорта с артиллерией без серьезной инженерной подготовки был недоступен. Таким образом, переправа техники была возможна только через узкий железный мост.

Очевидно, что 13-я тд заметно превосходила силы 292-го кп, понесшего значительные потери еще в боях на Дону. Однако было необходимо во что бы то ни стало задержать противника хотя бы на 5–10 часов, чтобы подготовить оборону на подступах к станице Апшеронской. Личный состав части, закаленный первыми боями и тяжелым отступлением, понимал это и спокойно готовился к неравному бою. Обещанная для подрыва моста группа саперов в полк так и не прибыла, своими же силами полк взорвать мост не мог из-за отсутствия взрывчатки. Мост было необходимо взорвать еще 9 августа, но командование 18-й армии, видимо, никому не давало такой приказ, полагая, что переправа уже уничтожена, о чем оно сообщило в своем боевом донесении № 209 [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 304. Л. 95]. Эта ошибка дорого стоила нашим войскам.

С восходом солнца наблюдатели, засевшие на деревьях, доложили, что в городе тихо и нет никакого движения, только три средних немецких танка стоят в неглубоком дефиле у моста, по мосту прохаживаются часовые. Правее моста во фруктовом саду городской водокачки на открытых огневых позициях стояли две артиллерийские батареи, левее на опушке парка была расположена еще одна батарея. Судя по спокойному поведению противника, он не ожидал, что на левом берегу реки ему придется встретить сопротивление. Возможно именно в этот момент группа лейтенанта П.З. Сорова (уроженца Майкопа) ходила в разведку в город, уничтожила группу мотоциклистов и захватила документы [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 245. Л. 7].

В 7.30 10 августа командир 2-го эскадрона доложил, что по улице Майкопа в сторону моста движется небольшая колонна пехоты на БТР с тремя броневиками в авангарде. Как только колонна подошла к мосту, 45-мм противотанковое орудие и расчеты ПТР открыли по броневикам частый прицельный огонь, а станковые пулеметы стали обстреливать пехоту на БТР. Орудие под командой старшины Очирова вторым выстрелом подбило головной броневик, вслед за ним – второй броневик. Движение приостановилось, пехота спешила. Подбитые броневики загородили дорогу, в проходе на мост образовалась «пробка». Пехота попыталась преодолеть мост, но попала под огонь станковых и ручных пулеметов и, понеся потери, бежала в укрытие. Станковые пулеметы и танки, охранявшие мост ночью, открыли по лесу, откуда кавалеристы обстреляли колонну, шквальный огонь, который не нанес эскадрону никакого вреда. Скоротечный бой продолжался не более 25 минут, разведгруппа противника отошла от моста и укрылась за городскими постройками [В боях за Северный Кавказ 1973: 44–45].

Через час четыре артиллерийские батареи среднего калибра, расположенные на южной окраине города, и станковые пулеметы открыли по всему лесному массиву бешеный огонь, который продолжался минут 30. Не вызвав ответного огня кавалеристов и не обнаружив переднего края обороны, противник прекратил артобстрел, выпустив по площади леса сотни снарядов и тысячи пуль. Противник, видимо, предполагал, что кучка оборонявшихся уже убежала за гору. Во время обстрела два танка подошли к подбитым броневикам и сдвинули их в глубокий кювет. Очистив дорогу, они скрылись в дефиле. От огневого налета полк потерял 15 человек убитыми и ранеными, вышли из строя 1 ПТР и ручной пулемет. Коноводы, расположенные на южном склоне горы, потерь не имели [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

После короткого затишья Еремин снова доложил, что большая колонна пехоты на БТР, автомашинах, с 5 танками и 2 броневиками во главе двигается из центра города в направлении моста. Примерно в 9.30 колонна приблизилась к мосту, два головных танка устремились на мост. Расчеты 45-мм орудия и 76-мм полковой пушки открыли огонь. После 3–4 выстрелов головной танк завертелся на месте с перебитой гусеницей, открыв частый огонь в сторону леса. Второй танк, попав под огонь 76-мм пушки, отошел назад в дефиле. Пехота противника, попавшая под ружейно-пулеметный огонь, спешила и, заняв позиции справа и слева от моста, открыла по лесу сильный огонь из пулеметов и автоматов. Вражеская батарея, расположенная на опушке городского парка, открыла беглый огонь по позиции 45-мм орудия. Противотанковое орудие было разбито, весь расчет погиб. Уцелел только легко раненный командир орудия старшина Очиров, которого отправили в тыл. 76-мм «полковушка» продолжала вести огонь, не подпуская немецкие танки к мосту.

Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.

Немцы решили осуществить новую атаку. Артиллерия открыла бешеный огонь по лесному массиву. Небольшие группы противника со стороны парка стали переходить реку вброд, но были замечены бойцами 3-го эскадрона, попали под пулеметный огонь и, понеся потери, отошли. Сильный артиллерийско-минометный огонь продолжался около часа. Затем с севера появились 12 бомбардировщиков и 6 истребителей, которые начали бомбить и обстреливать лес из пулеметов. Через 20 минут им на смену прилетела новая группа бомбардировщиков и истребителей, которая продолжила бомбардировку и пулеметный обстрел. В это время немецкая пехота и танки, чтобы не попасть под удар авиации, никакой активности не проявляли. Так продолжалось до 12.30. Вокруг позиций полка начались небольшие лесные пожары. Ядовитый дым сгоревшего пороха и тротила в лесу вызвал у личного состава слезотечение и кашель [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

После бомбежки возобновился артиллерийско-минометный налет, во время которого с юго-западной окраины города до роты противника переправились через реку вброд левее обороны 292-го кп в полосе обороны только что подошедшего 75-го сп. Однако, попав под огонь их станковых пулеметов и понеся потери, немцы вновь отошли. Во время бомбежки противник расчистил дорогу перед мостом, после чего 10 танков и батальон пехоты перешли мост и укрылись на восточной окраине пригородного поселка Первомайский. Одна 76-мм пушка не смогла остановить движение танков через мост. Из эскадронов стали поступать сведения о больших потерях от бомбежек, вышли из строя 2 станковых и 2 ручных пулемета, заканчивались боеприпасы.

В 15.30 капитан Я.К. Попов сообщил по телефону, что наблюдатели с вершины горы обнаружили колонну правее участка 2-го эскадронадвигающуюся со стороны станицы Тульской к хутору Южные Сады, который был в 600 м южнее позиций Еремина. Это были передовые отряды 16-й мд. Ориночко приказал срочно увести коноводов в хутор Красно-Октябрьский и выделить от 2 и 3-го эскадронов по взводу бойцов на южные скаты горы, чтобы не допустить удара с тыла. Танки и пехота противника начали медленно продвигаться вдоль дороги. Последнее 76-мм орудие под командованием командира полковой батареи лейтенанта В.И. Крижановского открыло по ним огонь, подбило один танк, у другого перебило гусеницу, но третий танк прямым попаданием разбил пушку и вывел из строя трех артиллеристов. Уцелевшие бойцы залегли на позициях 3-го эскадрона и стали вести борьбу с танками гранатами. Тем временем лейтенант Еремин доложил, что 2-й эскадрон занял круговую оборону, несет потери и сдерживать наступление противника своими силами не может [В боях за Северный Кавказ 1973: 46].

Таким образом, к 16.00 2 и 3-й эскадроны оказались в «мешке» и вели бой с многократно превосходящим противником. Полк лишил-

ся обеих пушек, ПТР, станковых пулеметов. Потери в личном составе были очень большие, в ходе боя погиб лейтенант П.С. Еремин. Командование 2-м эскадронном принял командир батареи В.И. Крижановский. Дальнейшее пребывание полка на данном рубеже становилось бессмысленным и могло привести к его полной гибели. Ориночко и Кругляков решили вырваться из окружения и отойти за реку Курджипс, где снова перейти к обороне. Получив приказ, 2 и 3-й эскадроны с боем начали отходить по южному склону горы. Их отход прикрывали полуэскадрон казаков и связисты. Лес помог оторваться от противника, который заметил отход с опозданием и, не зная местности, действовал осторожно. За время отхода полк потерял 6 убитыми и 10 легко ранеными. При отходе с командного пункта на гребне горы майор С.И. Ориночко и батальонный комиссар П.А. Кругляков едва не стали жертвой вражеских разведчиков, но связисты, прикрывавшие отход, вовремя заметили и уничтожили их.

Тем временем вр. и. о. командира 31-й сд майор Лавренев в боевом донесении № 097 на 18.00 10 августа сообщил в штаб 18-й армии: *«14.30 в районе 0,5 км Причтовый противник силою до 200 чел. пехоты форсировал р. Белая и накапливается за обрывами на берегу реки (сведения требуют уточнения). 15.00 замечено движение большого количества машин противника, двигавшихся на южной окраине Майкоп (предположительно с пехотой). 16.30 в Болотный сконцентрировано до батальона пехоты с танками, которая, по-видимому готовится ночью форсировать р. Белая. Авиация противника в течение дня производила полеты над расположением частей и обстреливала боевые порядки частей дивизии»* [ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 53. Л. 103].

К 17.00 10 августа остатки 292-го кп заняли оборону с открытым правым флангом на высоком обрывистом берегу р. Курджипс рядом с усадьбой совхоза Табачный. Левее оборонялась малочисленная рота 75-го сп 31-й сд. Танки и пехота противника, получившие возможность свободно двигаться вдоль шоссе Майкоп – Апшеронская до хутора Красно-Октябрьский, медленно продвигались в долину р. Курджипс. Однако, как только они обогнули обрывистый выступ горы, то были встречены дружным и метким огнем двух 76-мм пушек 75-го сп. Оставив перед мостом один подбитый танк, немцы отступили и скрылись за выступом горы. Больше в этот день попыток противника двинуться вперед не было, что дало возможность кавалеристам привести себя в порядок и окопаться. Ценой потерь в живой силе и технике 292-му кп удалось задержать противника, не дав ему возможности выйти на тылы 17-го кк, упорно оборонявшегося на рубеже р. Белая в районе станиц Ханская и Белореченская. В результате боя за переправу через р. Белая у Майкопа уничтожено 4 танка и 2 бронемшины [ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 91. Л. 147].

Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.

На протяжении всего дня 292-й кп имел связь только с соседним 75-м сп, с вышестоящим штабом у обоих обороняющихся полков связи не было. Только к исходу дня 75-й сп связался со штабом 31-й сд, который ничего не знал о существовании 292-го кп, получившем приказ на оборону непосредственно от члена Военного совета 18-й армии. Штаб 18-й армии так и не поставил в известность штаб 31-й сд о временном подчинении дивизии 292-го кп. Поздним вечером 10 августа в результате подрыва гранаты получил осколочные ранения ноги и выбыл на лечение в госпиталь военком П.А. Кругляков. Уезжая, Кругляков передал хранившиеся у него документы партийной организации полка парторгу старшему политруку Б.М. Манджиеву.

Поздним вечером командир 75-го сп получил из штаба 31-й сд указание отправить в Апшеронскую все ненужные для боя тылы. От 292-го кп в Апшеронскую отправили начальника снабжения лейтенанта Уткина, которому поручалось найти штаб 31-й сд и вручить рапорт командира полка на имя командира дивизии и схему расположения полка в обороне. Перегрузив из автомашины боеприпасы, продовольствие, муку, овес во вьюки бойцов и командиров, Уткин убыл в Апшеронскую [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73]. Больше их пути не пересекались.

Командир 3-го тк Э. фон Макензен в своих мемуарах события 10 августа описал так: «...13-я танковая дивизия расширила Майкопский плацдарм. 16-я моторизованная дивизия одной сильной колонной от Зассовской глубоко проникла в Кавказские горы юго-восточнее Майкопа. Вечером обе дивизии стояли под станицей Абадзехской. Теперь в труднодоступных лесистых горах моторизованные соединения продвигались вперед очень медленно. Их своеобразие не могло здесь себя проявить, но сзади уже подходили после неслыханных достижений в пеших маршах более подходящие для подобной местности войска в виде егерских соединений (97 и 101-й дивизий. – С. З., У. О.) – с целью высвободить 3-й танковый корпус для другого, более подходящего применения. 13-й танковой дивизии удалось еще захватить невредимым автодорожный мост на реке Курджипс и там тоже создать плацдарм» [Макензен 2004: 332].

Всю ночь противник не беспокоил малочисленные силы оборонявшихся. Имея надежный стык с 75-м сп на левом фланге, майор Ориночко был обеспокоен отсутствием соседа справа. Местность, на десятки километров изрезанная оврагами и покрытая лесом, предоставляла большие возможности для незаметного продвижения пехоты противника во фланг и тыл обороны полка. Не могли задержать массированную атаку противника на мост через Курджипс и две 76-мм пушки 75-го сп. Ночной отдых уставших кавалеристов в 3.30 11 августа прервало сообщение дежурного по полку лейтенанта А.И. Анисимова, который доложил, что рота 75-го сп,

обороняющаяся на левом фланге 292-го кп, покинула свои позиции и поспешно отходит в западном направлении. Командир роты передал, что полк получил приказ на отход в Апшеронскую для занятия там обороны. 292-й кп и на этот раз не получил приказ. Противник, зорко следивший за мостом, обнаружил отход стрелкового полка и, не теряя времени, устремился на мост, преследуя огнем отходящие подразделения.

Подняв личный состав по тревоге, Ориночко направил к мосту, который находился в 800 м от рубежа обороны полка, полуэскадрон под командованием капитана Я.К. Попова в конном строю для выяснения обстановки на мосту и на дороге. Минут через 20 от полуэскадрона прискакал командир минометного взвода лейтенант А.И. Анисимов и доложил, что группа танков и мотопехоты прошли мост и двигаются по дороге на запад. Пройдя мост, пехота развернулась в цепь, при свете фар танков и автомашин открыла бешеный огонь по лесу и начала двигаться вправо и влево от дороги, одновременно заходя в тыл полка слева. Полуэскадрон открыл ответный огонь, отходя к обороне полка. Повернув 3-й эскадрон фронтом на север, а 2-й эскадрон В.И. Крижановского – фронтом на запад, полк открыл огонь по пехоте. Завязался бой, продолжавшийся 40 минут. Противник замедлил темп наступления [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Оценив создавшуюся крайне сложную обстановку, когда противник наступал спереди, слева и с тыла, отрезая 292-й кп, майор Ориночко принял решение отводить полк на юг в сторону станицы Курджипская, прикрываясь группой казаков с ручными пулеметами. Обнаружив отход полка, пехота противника бросилась в атаку, но было уже поздно. Прикрывавшие отход казаки успели спуститься в глубокую балку, густо заросшую молодым лесом, и оторваться от противника. Враг преследовал полк огнем станковых и ручных пулеметов на расстоянии до 2 км, но потом прекратил огонь. Потеряв в этом скоротечном бою 18 человек убитыми и ранеными, 2 ручных пулемета, 2 повозки, походную кухню и 15 лошадей, остатки 292-го кп вырвались из цепких объятий противника и к исходу дня по лесным тропам и через заросли, измученные, добрались до станицы Курджипской.

Рано утром 12 августа кавалеристы выступили по лесным тропам в западном направлении и к 15.00 сосредоточились в станице Ширванской, что в 15 км юго-восточнее Апшеронской. Следует заметить, что марш к Ширванской был совершен вовремя, так как уже 13 августа 16-я мд захватила станицу Дагестанскую, а 14 – при поддержке горных егерей станицу Прусскую (ныне Безводная) [Макензен 2004: 332]. Тем самым немцы охватили Курджипскую с юга и вышли непосредственно к Ширванской. Даже небольшое промедление для уставших бойцов Ориночко могло обернуться новым окружением.

Переправившись через горную реку Пшеха, 292-й кп занял оборону на ее левом берегу. В 1 км севернее занимал оборону сводный

Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.

стрелковый батальон капитана Барковского, собранный из бойцов разных полков и дивизий (сам Барковский даже затруднился назвать номер полка и дивизии, к которому следовало отнести его отряд). Он обрисовал сложившуюся обстановку, подтвердив наличие стрелковой дивизии в Апшеронской, правда, ее номер он тоже не смог назвать [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Если же верить донесению штаба 18-й армии, то в течение ночи и первой половине 12 августа противник якобы пытался вести наступление в районе Октябрьский – выс. 323, но все его попытки отбивались нашим минометным, ружейно-пулеметным огнем и залпом РС с большими для врага потерями. После этого противник продолжил накопление пехоты в Октябрьском, артиллерии и минометов – восточнее. При этом 31-я сд якобы вела лесные бои с противником силою до полутора пехотных полков в районе Октябрьского, отражала все его атаки и наносила противнику большие потери [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 304. Л. 100].

Ночь с 13 на 14 августа для 292-го кп прошла спокойно, но рано утром начался артиллерийский обстрел Апшеронской, после которого немецкие самолеты начали волнами бомбить станицу. Имея огромный перевес, противник весь день вел бой за овладение станицей Апшеронская и окрестными хуторами, стремясь открыть себе путь для дальнейшего наступления на Туапсе. 31-я сд, понесшая в предыдущих боях значительные потери, с трудом сдерживала атаки противника, но, будучи обойденной с севера и понеся большие потери за этот день, была вынуждена оставить Апшеронскую и отойти к хуторам и высотам, что в 5 км западнее станицы. Овладев Апшеронской, противник прекратил наступление. В период с 13 по 15 августа 3-й тк Э. фон Макензена перешел свои позиции 97 и 101-й егерским дивизиям и начал марш к Ворошиловску (Ставрополю) [Макензен 2004: 333]. Эта передышка дала возможность нашим войскам закрепиться на новом рубеже.

В первом часу ночи 14 августа, получив приказ своего командования, начал отход в западном направлении и батальон Барковского. Дождавшись возвращения своих разведгрупп, 292-й кп также оставил свою оборону и двинулся в направлении Нефтегорска. Путь к этому небольшому городку был опасен, авиация противника малыми группами летала во всех направлениях, обстреливая огнем пулеметов даже одиночные машины. На подходе к Нефтегорску на лесной опушке полк остановила сторожевая застава. Майор Ориночко кратко доложил командиру поста в звании капитана о движении полка. После телефонного звонка было разрешено въехать в город представителям полка, остальным бойцам и командирам приказали укрыться от люфтваффе в лесу. Майор С.И. Ориночко, старший политрук Б.М. Манджиев и лейтенант госбезопасности Н.Е. Орден в сопровождении трех бойцов отправились в город для доклада. В это время в воздухе действовали вражеские самолеты.

Разыскав штаб в глубоком подвале, майор Ориночко встретил бригадного комиссара Мельникова и доложил ему о прибытии полка. Узнав майора, начальник политотдела 18-й армии ответил: *«Я знаю, как хорошо и мужественно дрались Ваши бойцы и командиры, задерживая противника в городе Майкопе. Передайте личному составу своего полка благодарность от имени Военного совета армии»*. Выяснив подробно состояние и нужды полка, бригадный комиссар сказал: *«Да, положение у Вас очень тяжелое, но в других частях нашей армии не лучше вашего. Враг не дает нам возможности привести себя в порядок, пополнить части живой силой и вооружением. Но мы держимся и будем драться с врагом теми силами, которые у нас есть»*. На высказанное майором Ориночко недовольство по поводу отсутствия руководства со стороны 31-й сд Мельников признался: *«Это моя вина. Я и полковник, который был со мной в то время, не встретились со штабом дивизии, в полосе которой вы находились. Нам не удалось поставить в известность штаб дивизии»*. После этого комиссар вызвал к себе полковника и приказал ему временно подчинить 292-й кп непосредственно штабу 18-й армии и использовать его только в разведывательных целях [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Коротко объяснив Ориночко обстановку за день, Мельников предупредил, что сегодня правофланговые части 18-й армии ведут отход в южном направлении на новые рубежи обороны. По данным разведки группа противника по долине реки Белой вышла в район Каменноостской и Даховской, но наши части, потерявшие конский состав в боях, не могут вести разведку на большие расстояния. Поэтому Ориночко получил приказ занять оборону на восточной окраине деревни Новые Поляны (то есть 292-му кп надлежало вновь форсировать Пшеху, только южнее Ширванской) с задачей вести непрерывную разведку в лесах в восточном и юго-восточном направлениях. После отхода наших частей на новый рубеж обороны 292-й кп должен быть отойти к Черниговской, продолжая ведение разведки в тех же направлениях.

Получив боевую задачу, полк Ориночко совершил переход по лесным тропам к Новым Полянам и начал ведение разведки небольшими группами. Во второй половине дня 15 августа в полк прибыл офицер связи и доложил, что правофланговые части 18-й армии к утру с боями отошли на новые рубежи на лесистых северных склонах гор, где ведут бои с пехотой и танками противника. Он также передал обговоренный ранее приказ об отходе в Черниговскую и продолжении разведки в прежних направлениях. 292-й кп поздним вечером занял станицу и перешел к круговой обороне, ведя разведку согласно приказу.

18-я армия, отступая все дальше и дальше к Главному Кавказскому хребту, стала втягиваться в горные ущелья, распадаясь на отдельные соединения и части, не имеющие локтевой связи. Фактически боевые действия в полосе 18-й армии сконцентрировались вдоль трех комму-

Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г.

никаций: 1) Апшеронская – Хадыженская – Шаумян – Туапсе (через Гойтхский перевал); 2) Ширванская – Черниговская – г. Рожет – Лазаревское (через Грачевский перевал); 3) Каменноостская – Даховская – Хамышки – Адлер (через Белореченский перевал). Обескровленные части 18-й армии стали усиливать за счет других сил, как отступающих с соседних направлений, например, 12 и 13-й Кубанских кд 17-го казачьего кк, так и прибывающих из тыла, например, 9-й мотострелковой дивизии НКВД (далее – мсд).

292-й кп при отходе в Черниговскую оказался на второй коммуникации и вместе с остатками 31-й сд начал отступать еще дальше, к горе Рожет. Однако после выхода в этот район Ориночко оказался в полосе действия 9-й мсд, которая перехватывала различные тропы от Мезмая до Нефтегорска. Формально это соединение НКВД, согласно Постановлению ГКО № 2100сс от 26 июля, было расформировано приказом от 5 августа, но на самом деле оно продолжало сражаться и получать приказы от командования 18-й армии вплоть до конца августа. Командир 9-й мсд приказал 292-му кп нести заградительную службу в районе Маратуки – Кушико, причем в очередной раз приказ был дан устно и в очередной раз часть не поставили на довольствие и пополнение.

Ориночко такое положение дел не устраивало, и 19 августа он подал соответствующий доклад командующему 18-й армии. К сожалению, в своих весьма подробных воспоминаниях он ни словом не упомянул об этом эпизоде, но в ЦАМО этот рапорт сохранился. Ввиду его ценности приведем последние три страницы полностью: «...*Прибыв в г. Майкоп 5.8 и не найдя командования дивизии, я явился в штаб СКФ, где после доклада получил приказ поступить в распоряжение начальника боевого участка обороны г. Майкоп генерал-майора т. Малеева.*

По приказу генерал-майора Малеева полк занял оборону и вел бои на Ю[го]-З[ападной] окраине города, в хуторах Красно-Октябрьский и Веселый.

После всех боев: в районах Багаевская – Мелиховская, Карповка – Ажинов, Тузлуков, Майкоп, Октябрьский и Веселый в полку осталось: ст[арший] комначсостав – 5 чел., средн[ий] – 13 чел., младший – 8 чел., рядовой – 56 чел, лошадей – 80 голов, винтовок – 58 шт[ук] и ПППШ – 12 [штук].

Лишенный возможности соединиться с частями 110 кд, я решил по совету генерал-майора Малеева присоединиться к 13-й кд, как однородному роду войск.

По пути следования я получил приказ командира 9-ой мсд нести заградительную службу в районе Маратуки – Кушико.

Однако это приказание я выполнить не могу, так как командиры отходящих соединений (полковники, генералы-майоры) стремятся подчинить часть к себе, ставят боевые задачи, даже без письменного

приказа. Ответственность же за часть командиров, ставящие задачи, на себя не берут, материально и боеприпасами не обеспечивают.

Доношу, что 110 кд сформирована на 96 % из калмыков не расформирована и мне кажется, что на не определенном положении 292 кп находится не может.

Прошу Ваших указаний. Одновременно прошу запросить штаб СКФ о местонахождении 110 кд» [ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 94. Л. 213об.–214об.].

К тому времени в район горы Рожет вышла 13-я кд 17-го кк, которая была отрезана от основных сил 17-го кк, и отступала от станицы Кубанской 1-й через Апшеронскую и Нефтегорск. 18 августа маршал С.М. Буденный приказал ей «Подчинить себе 9 мд и совместными действиями уничтожить противника в р-не сев. Рожет и овладеть Черниговский, где и укрепиться, и ни в коем случае не давать противнику распространяться по тропам и дорогам в южном, юго-западном и юго-вост. направлениях» [ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 75. Л. 368]. Благодаря этому продвижение противника было остановлено севернее горы Рожет и в районе Черниговской. 19 августа 13-я кд (с 27 августа – 10-я гв.) полковника (с 28 августа – гв. генерал-майора) Б.С. Миллерова была подчинена 18-й армии [Боевой состав 1966: 173].

К тому времени командование Северо-Кавказского фронта передало оборону коммуникации, ведущей к Туапсе, 17-му кк, усиленному пехотой и артиллерией. Оборону коммуникации, ведущей к Адлеру, взял на себя «свежий» 379-й горнострелковый полк 20-й горнострелковой дивизии (далее – гсд), входившей в состав 3-го стрелкового корпуса 46-й армии Закавказского фронта. Горнострелки заняли Белореченский перевал и, взаимодействуя с 33-м полком 9-й мсд 18-й армии, смогли остановить, а затем и вовсе отбросить врага. 31 августа это соединение было передано в состав Северо-Кавказского фронта [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 59. Л. 133]. Остатки дивизий 18-й армии стали концентрироваться на коммуникации, ведущей через Грачевский перевал к Лазаревскому. Однако эти соединения, измотанные длительным отступлением и тяжелыми боями, были малочисленны и плохо вооружены. Например, в 31-й сд по данным на 18 августа числилось всего 500 чел., 12 пулеметов, 15 ПТР, 6 – 76-мм пушек [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 59. Л. 95]. Поэтому командование 18-й армии стремилось пополнить остатки своих соединений, постепенно расформируя сводные отряды и приданные части.

19 или 20 августа, согласно воспоминаниям Ориночко, в 292-й кп прибыл бригадный комиссар Б.С. Мельников в сопровождении двух капитанов и приказал выделить для оперативной группы армии отряд из 20 бойцов во главе с командиром взвода для ведения разведывательной службы. Если учесть, что к тому времени в полку оставалось всего 82 чел., то 292-му кп пришлось отдать четверть личного состава.

**Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях
на майкопском направлении в августе 1942 г.**

21 августа на рапорт Ориночко пришел ответ: командующий Северо-Кавказским фронтом маршал С.М. Буденный подчинил 292-й кп 13-й кд, о чем командование 18-й армии 22 августа уведомило Ориночко и Миллерова: *«Командиру 292 кп, командиру 13 кд. На основании распоряжения штаба СКФ №03861/оп от 21.8 командарм приказал: 292 кп поступить в распоряжение командира 13 кд»* [ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 75. Л. 380].

Через 3–4 дня после первого визита в 292-й кп снова прибыл начальник политотдела 18-й армии Б.С. Мельников и потребовал выделить в его распоряжение еще один взвод для ведения разведки. На вполне логичный вопрос майора Ориночко: *«А куда же делся первый взвод?»* бригадный комиссар ответил, что тот убыл в разведку на большое расстояние и больше в полк не вернется. Через два дня вторая группа возвратилась в полк в пешем строю. Командир взвода доложил: *«Вчера мы были в разведке и выполнили задачу, а сегодня утром капитан приказал построить взвод и передать лошадей группе офицеров штаба, а мне в пешем строю отправиться в полк»*. К счастью, в полку было 35 запасных лошадей, в том числе артиллерийских и обозных, на которых и пересадили спешенных бойцов [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

В эти дни соединения 18-й армии (13-я кд, 9-я мсд и 31-я сд) вели ожесточенные бои в районе Черниговской и Самурской, но 25 августа под ударами противника были вынуждены начать отход. 292-й кп, занимавший позиции во 2-м эшелоне, южнее с. Рожет, теперь снова оказался на линии непосредственного соприкосновения с врагом. Любопытно отметить, что схему обороны полка от 26 августа наряду с Ориночко подписали лейтенант госбезопасности Н.Е. Орден (в качестве комиссара) и старший лейтенант М.М. Старцев из 311-го кп (в качестве начальника штаба) [ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 94. Л. 259].

25 августа в полку закончились все запасы продовольствия и фуража. Семен Иосифович позже вспоминал об этих днях так: *«Паек сократили до минимума. В пищу употребляли дикорастущие лесные плоды: яблоки, груши, орехи, кизил и др. Мы начали добывать тяжело раненых лошадей и употреблять в пищу. Конский состав начал заметно худеть. Вечером и на рассвете красноармейцы ходили по лесу и по полянам в поисках травы, чтобы накормить своих проголодавшихся боевых друзей. Кое-где им удавалось добыть траву»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73]. Положение было весьма тяжелым, но личный состав 292-го кп, закаленный в ходе обучения, боев и отступления *«без ропота выполнял поставленную перед ними боевую задачу по разведке и обороне. В полку не было ни одного случая дезертирства и симуляций»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Немцы, поняв, что рожетское направление надежно закрыто войсками 18-й армии, решили обойти ее позиции по другим тропам. В конце августа вражеский отряд, продвинувшись по долине реки Цице, попытался

выйти в район Армянского, то есть в тыл войскам, сражающимся в районе Рожета, и отрезать их от Грачевского перевала. В ходе наступления противник атаковал и сбил с позиций эскадрон 29-го кп 13-й кд. Командование 18-й армии, обеспокоенное этим обходом, направило в район Армянского 236-ю сд. 292-й кп, сократившийся фактически до эскадрона, также перешел в этот район, получив задачу по разведке на Лагонакском хребте, который фактически был стыком с 20-й гсд. Вечером 31 августа полк Ориночко преодолел урочище Черногорье и вышел на развилку троп в 10 км северо-восточнее Армянского. Прошедшие сильные ливни серьезно осложнили выполнение задачи. Грязь и крутизна склонов 35–45 градусов довели лошадей до изнеможения. Ориночко был вынужден сообщить командованию 18-й армии, что *«выполнение задания на Лагонакский 1 и 2.9 невозможно... Выполнение задания возможно только в пешем строю»* [ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 61. Л. 32]. При этом Ориночко подчеркнул, что противник в этом районе отсутствует, а местные позиции заняты 818-м сп 236-й сд. Тем не менее, командование 18-й армии отдало приказ продолжить выполнение задания.

Такое отношение армейского командования к кавалерийскому полку заставило майора Ориночко задуматься о возможной судьбе части, которая по-прежнему не пополнялась и не снабжалась. Очевидно, что штаб 18-й армии не мог расформировать кавалерийскую часть и пополнить ею стрелковую дивизию вопреки приказу маршала С.М. Буденного, но вполне мог раздергать полк по частям и спешить кавалеристов. Поэтому Ориночко решил написать письмо-рапорт командиру 17-го казачьего кк генерал-лейтенанту Н.Я. Кириченко, в котором, объяснив сложившиеся обстоятельства, попросил комкора присоединить остатки полка к одной из его дивизий. Доставку письма поручили лейтенанту А.И. Анисимову, которому показали на карте примерный район действия 17-го кк.

Вражеская авиация ежедневно совершала по несколько налетов на позиции наших войск, но укрытые в густых лесах и зарывшиеся в землю части несли незначительные потери. Без поддержки танков, действиям которых мешал рельеф местности, немецкая пехота уже не могла продвинуться дальше. К тому времени командование наладило снабжение войск 18-й армии, сражающихся высоко в горах. В дивизии начало поступать пополнение, продовольствие, вооружение и боеприпасы. Бои в горах стали идти с переменным успехом, причем иногда нашим бойцам удавалось выбить егерей с их позиций и захватить трофеи. Положение 18-й армии заметно улучшилось, и 31 августа дивизия Б.С. Миллерова, к тому времени уже переименованная в «10-ю гвардейскую», получила приказ о своем выводе на берег Черного моря, в с. Лазаревское. 6 сентября части 10-й гв. кд *«приступили к приведению в порядок конского состава, вооружения и снаряжения»* [ЦАМО. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 37а. Л. 11, 12].

**Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях
на майкопском направлении в августе 1942 г.**

Улучшилось положение и 292-го кп. Бойцы стали наконец получать ежедневно немного хлеба и одну банку консервов на двоих. Полк Ориночко также получил 4 ПТР, 6 ручных пулеметов, гранаты и боеприпасы. С 20 августа по 8 сентября к полку присоединилось 28 местных жителей, бежавшие в горы от фашистов и добровольно попросившиеся в часть. Среди них были политработник леспромхоза и женщина-врач, которые формально относились к среднему начальствующему составу. После тщательной проверки документов, проведенной Орденом, они были зачислены в полк [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Ориночко уже стал забывать о своем письме Кириченко, *«полагая, что мой посланец не добрался до кавалерии и, видимо, погиб в бою. Но вот 8 сентября 1942 года прибыл офицер связи из соседнего стрелкового полка и вручил мне радиотелеграмму, поступившую из штаба 4-го гв. Кубанского корпуса. В ней было приказано на основании указания Маршала Советского Союза С.М. Буденного 292 кавполку сдать свой рубеж обороны и 9 сентября преодолеть перевал. К исходу дня сосредоточиться в Лазаревском и войти в состав 10 гв. Кубанской кавалерийской дивизии, передав ей весь личный состав, лошадей, вооружение и боеприпасы»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Преодолев с большим трудом перевал, полк сосредоточился в больших садах на южной окраине Лазаревского, имея в своем составе 172 бойца и командира (в том числе 17 легкораненых), 165 лошадей, 4 ПТР и 10 ручных пулеметов. По прибытии Ориночко доложил сначала начальнику штаба 10-й гв. кд гв. полковнику М.В. Турчанинову, а затем отправился к начдиву Миллерову, где встретил зам. командира 4-го гв. кк комбрига Т.К. Максимова, которого хорошо знал как своего бывшего преподавателя тактики кавалерийских курсов усовершенствования командного состава в Новочеркасске. Ориночко доложил комбригу о прибытии полка, личном и конском составе, вооружении и боеприпасах, рассказал о боях под Майкопом. Комбриг поинтересовался, каким образом полк оторвался от дивизии, кто командир дивизии, его заместитель. Услышав фамилии В.П. Панина и В.А. Хомутникова, Максимов очень лестно отозвался о них, после чего спросил о политико-моральном состоянии личного состава. На это майор Ориночко ответил, что политико-моральное состояние личного состава хорошее, бойцы и командиры готовы встретиться с врагом на поле боя, но конскому составу необходим отдых и фураж [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Приказом № 9 10-й гв. кд от 8 сентября майор С.И. Ориночко был назначен командиром 36-го кп (вскоре переименованного в 24-й гв.) 10-й гв. кд [ЦАМО. Ф. 3546. Оп. 2. Д. 4. Л. 10]. В состав этого полка прибыла группа из 65 бывших бойцов 292-го кп, преимущественно калмыцкой национальности, с двумя командирами взводов во главе.

Офицерский состав из 110-й кд, влившийся в состав 10-й гв. кд вместе с майором Ориночко, также получил назначения на должности, равные занимаемым ранее. При этом в приказах о назначении в ряде случаев было записано, что они прибыли из 292-го кп 30-й кд или же просто 30-й кд. Бывший начальник инженерной службы 110-й кд военинженер 3-го ранга С.Г. Плоткин занял аналогичную должность в 10-й гв. кд, зам. командира 292-го кп капитан Я.К. Попов стал зам. командира 32-го гв. кп, пом. начальника штаба 311-го кп старший лейтенант М.М. Старцев – пом. начальника оперативного отделения штаба 10-й гв. кд, лейтенанты А.И. Анисимов, И.И. Баскаков, К.И. Куденко, Н.Д. Руденко, А.У. Санджиев, П.З. Скоров, И.А. Соляник – командирами взводов, старший политрук М.Д. Бадмаев – политруком пульэскадрона.

Имея по долгу службы постоянную связь с командирами частей 10-й гв. кд Степан Иосифович Ориночко часто спрашивал у них о бойцах и командирах из своего бывшего полка, служивших у них, и каждый раз с гордостью получал положительные отзывы [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73]. Находясь в рядах казаков-гвардейцев, бойцы и командиры бывшего 292-го кп 110-й кд многократно отличились, большинство из них были отмечены боевыми наградами за участие в многочисленных боях в ногайских степях, при освобождении Ставрополя, Ростовской области и Южной Украины. Весной 1944 г. последние оставшиеся в живых 14 бойцов и младших командиров калмыцкой национальности были отозваны из 36-го гв. кп в тыл корпуса для последующей отправки в Широклаг.

Источники

Боевой состав Советской армии. Ч. II (Январь – декабрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1966. 265 с.

В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.

В боях за Северный Кавказ: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 124 с.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / Сост. М.Л. Кичиков, Л.П. Коженбаева, А.И. Наберухин и др. Изд. 3-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 784 с.

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).
Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

Литература

Заярный С.А., Очиров У.Б. 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник КИГИ РАН. 2017. № 6. С. 43–61.

**Заярный С.А., Очиров У.Б. 292-й кавалерийский полк в боях
на майкопском направлении в августе 1942 г.**

фон Макензен Э. От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов // От Буга до Кавказа. М.: ООО «АСТ», 2004. С. 221–352.

Очиров У.Б. Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах: трудности и итоги // Новый исторический вестник. 2017. №4 (54). С. 55–70.

Тике В. Марш на Кавказ: битва за нефть 1942–1943 гг. М.: ЭКСМО, 2005. 444 с.

DOI 10.22162/2541-9749-2018-5-1-138-149

УДК 94(48).083

91-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ 51-й АРМИИ В БОЯХ НА ДОНУ ЛЕТОМ 1942 г.

Эмгенов С.Н.¹

¹ аспирант отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого
научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: emgenov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории боев на Дону, которые вела 91-я стрелковая дивизия (2-го форм.) в июле 1942 г. на рубеже от Цимлянской до Николаевской. В конце июля ей пришлось противостоять 29-й моторизованной дивизии 48-го танкового корпуса, 3 и 23-й танковым дивизиям 40-го танкового корпуса. После форсирования Дона противник начал развивать наступление на юг и северо-восток, при этом 91-й стрелковой дивизии пришлось отражать атаки немецких 14-й танковой дивизии, 94 и 371-й пехотных дивизий, румынской 2-й пехотной дивизии. Несмотря на многократное превосходство противника, бойцы и командиры 91-й стрелковой дивизии, проявляя стойкость и героизм, обороняли свои позиции и даже переходили в контратаки. В конечном итоге общая стратегическая обстановка вынудила командование 51-й армии отвести 91-ю стрелковую дивизию на территорию Калмыкии.

Ключевые слова: Красная армия, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., 51-я армия, 91-я стрелковая дивизия, Битва за Кавказ, Цимлянская, Николаевская.

91-я стрелковая дивизия (2-го форм.) была сформирована в конце декабря 1941 г. – начале 1942 г. в Дагестане. История формирования этого соединения и начало его боевого пути в составе 51-й армии до переброски в район Цимлянской освещены в предыдущей статье автора [Эмгенов 2018].

В ходе Донбасской оборонительной операции 4-я танковая армия вермахта сумела охватить открытый правый фланг Южного фронта, а 13 июля части 1-й танковой армии вермахта рассекли линию фронта и в районе Миллерово отрезали крупную группировку войск бывшего Юго-Западного фронта [Заярный, Очиров 2017: 48]. Возникла угроза захвата незащищенных переправ в промежутке между позициями 51-й армии Северо-Кавказского фронта и войсками вновь формируемого Сталинградского фронта. Командующий 51-й армией генерал-майор Н.И. Труфанов, получивший соответствующее распоряжение от руководства, на-

чал переброску своих войск на этот участок. Согласно приказу № 003 командующего 51-й армии 91-я стрелковая дивизия (далее – сд) должна была занять новый рубеж обороны по южному берегу р. Дон на участке: Крюков – Красный Яр – Черкасский – Титов – Гореловский, прикрыть красноярское, зимовниковское, николаевское, мартыновское направления и создать предместное укрепление на северном берегу р. Дон в районе Николаевской.

Части дивизии должны были занять следующие участки обороны: 561-й стрелковый полк (далее – сп) (командир Я.Н. Бурцев, комиссар Г.Ф. Колмагорцев) – от Красного Яра до Богучар; 613-й сп (командир И.Н. Дружинин, комиссар И.А. Мухин) – от Романовской до Потапова; 503-й сп (командир И.Д. Дурнев, комиссар Н.П. Дергунов) – от Морозова до Дубенцовской. 321-й артиллерийский полк (далее – ап) (командир М.П. Золотов, комиссар В.Ф. Коровушкин) придавался стрелковым полкам поддивизионно; 168-й минометный дивизион должен был сосредоточиться на огневых позициях напротив переправы через Дон в районе Николаевской; 162-й истребительный противотанковый дивизион – выведен в резерв командира дивизии. Штаб и политотдел дивизии направлялись в станицу Семикинскую, тылы – в станицу Мокросоленую, 142-й медсанбат – в станицу Соленовскую. Командиром 91-й сд в то время был полковник Е.Ф. Макарчук, комиссаром – Ф.А. Скобелев, начальником штаба – А.И. Булгаков.

Справа от 91-й сд развернулась 138-я сд, которая заняла позиции на южном берегу р. Дон на участке Верхне-Курмоярская – Красный Яр с задачей прикрыть ремонтненское, красноярское, нижекурмоярское направления. 138-я сд обеспечивала правый фланг 51-й армии [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 25. Л. 100]. Слева от 91-й сд развернулась 156-я сд, которая заняла позиции на южном берегу р. Дон на участке Титов – Семикаракорская с задачей прикрыть константиновское и большеорловское направления [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 25. Л. 101]. Труфанов понимал, что 91-й сд будет крайне сложно удержать столь широкий фронт обороны, поэтому в зоне ее ответственности была создана ударная группа в составе Житомирского пехотного училища и отд. танкового батальона [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 25. Л. 99]. Командарм приказал перебрасываемым соединениям занять оборону на новых участках к 18 июля, а инженерные работы первой очереди на ней закончить к 1 августа [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 25. Л. 99], но противник не дал им столько времени.

Части 91-й сд начали перебрасываться в новый район ответственности по железной дороге [Калинин 1967: 61], при этом при погрузке на станции Батайск и при выгрузке на станции Зимовники эшелоны с личным составом попали под бомбежку и понесли первые потери [ЦАМО. Ф. 91 сд (2-го форм.). Оп. 1. Д. 1. Л. 2]. Несмотря на удары люфтваф-

фе, 15 июля отряду 1-го батальона 561-го сп удалось занять оборону в районе станицы Цимлянской на северном берегу Дона. Бесперывные бомбардировки и тяжелая картина отступления войск Южного фронта негативно отразились на моральном состоянии личного состава. 16 июля передовой отряд 29-й моторизованной дивизии (далее – мд) 48-го танкового корпуса (далее – тк) вермахта атаковал Цимлянскую. Отряд 1-го батальона 561-го сп в ходе боя проявил неустойчивость и был рассеян противником [ЦАМО. Ф. 91 сд (2-го форм.). Оп. 1. Д. 12. Л. 2]. Заняв станицу Цимлянскую, немцы 17 июля перешли к обороне, не проявляя активности на этом направлении [Калинин 1967: 94] и накапливая силы для переправы через Дон. Автор монографии о боевом пути 51-й армии С.М. Саркисян относит взятие Цимлянской к утру 17 июля [Саркисян 1985: 74]. Сдача Цимлянской отрядом 561-го сп вызвала жесткую реакцию советского командования. Был проведен скорый и неправый суд и уже 19 июля по приговору военного трибунала перед строем расстреляли «стрелочника» – начальника штаба 561-го сп старшего лейтенанта Нелюбу.

17–18 июля переброска подразделений 91-й сд продолжалась, но сроки, заданные в приказе командования армии, выдержать не удалось, так как темп подачи эшелонов постоянно срывался, при этом люфтваффе многократно бомбило железнодорожные станции и пути, выводило из строя подвижной состав. Немецкие самолеты бомбили подразделения 91-й сд и на марше к оборонительным позициям. Противовоздушное прикрытие было очень слабым. Вот как вспоминал об этом марше Г.Г. Виноградов: *«Трудно передать словами трагедию этого марша. Единственная зенитная батарея, сопровождающая колонны, безопасность не обеспечивала»* [Виноградов 1985: 13].

Только 19 июля на станцию Зимовники прибыли эшелоны с 613-м и 503-м сп, которые после разгрузки выдвинулись в свои районы ответственности. К 11.00 в станицу Семенкинскую прибыл штаб дивизии. Развернув свои основные силы, командование дивизии приступило к выполнению новой задачи командарма – овладению Цимлянской [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 25. Л. 154]. Для руководства операцией в распоряжение 1-го батальона 561-го сп прибыл начдив полковник Е.Ф. Макачук. В 20.00 20 июля 2-й батальон 561-го сп с приданной батареей 45-мм орудий [Виноградов 1985: 13] и минометами переправился на северный берег Дона в районе южнее хутора Потайновского с задачей овладеть станицей Цимлянская.

В начале операции успех сопутствовал красноармейцам: в 3.10 2-й батальон достиг Цимлянского винсовхоза. Для усиления группировки на северном берегу Дона Макачук решил перебросить туда учебный батальон дивизии (далее учбат), однако эту переправу осуществить не удалось. К моменту подхода учбата к переправе севернее Цимлянского

винсовхоза противник переправил на южный берег Дона около батальона автоматчиков и одновременно атаковал двумя ротами пехоты с 6 танками и 3 бронемашинами левый фланг 2-го батальона 561-го сп. Таким образом, 2-й батальон оказался в тяжелом положении на северном берегу Дона, где был вынужден принять бой без поддержки основных сил дивизии, и утром 21 июля оставил занятые позиции. Батальон понес ощутимые потери. В бою погиб зам. командира 561-го сп майор Деревянко, а командир 2-го батальона лейтенант Майданников был ранен, но остался в строю. Учбат оказался втянутым в бои с десантом противника, также, как и 3-й батальон 613-го сп с приданной дивизионной артиллерией [ЦАМО. Ф. 91 сд (2-го форм.). Оп. 1. Д. 12. Л. 2].

Плохое взаимодействие различных родов войск, к сожалению, было одним из слабых мест РККА в 1941–1942 гг., что имело место и в бою 21 июля. На линии, пролежавшей севернее Лога – севернее Красного Яра, сдерживали наступление противника 3-й батальон 561-го сп, учбат, 1-й батальон 613-го сп, которые прикрывались огнем 19-го гв. минометного полка РСЗО (далее – гмп) и 1168-го ап РГК. В разгар боя 1168-й ап без приказа снялся с огневых позиций и отошел на юг. Немцы не замедлили воспользоваться предоставленным огневым преимуществом и усилили огонь, в том числе из шестиствольных минометов. Атаки немцев постоянно поддерживало люфтваффе. Противнику удалось переправить на южный берег минометные батареи, которые удачно расположились в районе Крутого и своим огнем с фланга нанесли большой урон подразделениям 91-й сд. Несмотря на тяжелое положение на правом фланге, Е.Ф. Макарчук смог восстановить управление войсками на этом участке, вернул на позиции отошедший 1168-й ап и дополнительно ввел в бой из резерва армии две роты Краснодарского пулеметного училища [ЦАМО. Ф. 91 сд. Оп. 1. Д. 12. Л. 2]. Несмотря на это, по итогам боя начдива полковника Е.Ф. Макарчука понизили в должности до командира полка, а новым командиром 91-й сд стал генерал-майор Н.В. Калинин.

В центре обороны 91-й сд на южном берегу Дона на участке Романовская – Рабиче-Задонский был развернут 613-й сп неполного состава (без одного батальона и 7-й роты), имевший боевое охранение на северном берегу р. Сухой в районе Лозного. 503-й сп занял оборону на участке (иск.) Рабоче-Задонский – Титов. В районе станицы Полежаевская расположился узел сопротивления в составе усиленного взвода под командованием зам. командира 503-го сп Макарова. Протяженность переднего края дивизии на тот момент составляла 96 км [ЦАМО. Ф. 91 сд (2-го форм.). Оп. 1. Д. 12. Л. 2].

В течение 20–21 июля николаевская переправа продолжала работать в напряженном режиме, через нее переходили разрозненные остатки Южного фронта. Переправа неоднократно подвергалась бомбардировкам

люфтваффе. К середине дня 21 июля передовые части 40-го тк вермахта ворвались в станицу Николаевская и, опрокинув 5-ю роту 503-го сп, с ходу форсировали р. Дон. Развивая успех, мотопехота противника при поддержке легких танков прорвалась на юг к станице Дубенцовской и отрезала 2-й батальон 503-го сп от основных сил 91-й сд. После этого немцы были остановлены заслонами 1-го батальона 503-го сп, но в ходе ожесточенного боя наши подразделения понесли большие потери, погиб зам. командира полка капитан Макаров. Не имея возможности выйти в расположение своего полка, часть 2-го батальона 503-го сп отошла в полосу 156-й сд и была подчинена ей, другая же часть этого батальона вдоль берега Дона прорвалась к 503-му полку.

Глубокий прорыв в центре позиций 51-й армии в районе Николаевская – Дубенцовская угрожал рассечь ее на две части. Командование 51-й армии приказало надежно прикрыть это направление на рубеже Пады – выс. 24,7 – выс. 25,7 и срочно сосредоточило в районе Пады ударный отряд в составе одного стрелкового полка 302-й сд, 2-го гмп и 125-й отд. танковой бригады (далее – тбр) [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 25. Л. 178].

Одновременно с этим на правом фланге 91-й сд была создана оперативная группа дивизии под командованием зам. начдива полковника Л.М. Покровского. Командный пункт группы (далее – КП) был расположен в Соленовской. Этой группе ставилась задача – стабилизировать фронт по берегу р. Дон. 23 июля этой группе в составе 561-го сп 91-й сд, 633-го сп 157-й сд (перебрасываемой из района Ольгинской), отряда Сталинградского фронта (батальон пехоты и 15 танков) при огневой поддержке 457-го ап РК, 18 и 19-го гмп приказали уничтожить противника в районе Красный Яр – Лог [ЦАМО. Ф. 406 Оп. 9837. Д. 25. Л. 174–175]. Кроме того, группа Покровского пополнилась тыловыми подразделениями 91-й сд и остатками 1 и 2-го батальона 561-го сп, которые пробившись к своим с северного берега р. Дон. В ходе ожесточенных боев 23 июля бойцы 561-го сп при поддержке 19-го гмп несколько раз занимали Красный Яр и Лог, но каждый раз из-за сильных ударов люфтваффе в ходе контратак противника отступали на прежние позиции.

На левом фланге 91-й сд противник провел ряд безуспешных атак из Дубенцовской на позиции 503-го сп в районе Морозов. 23 июля немцы силами около 30 танков пытались обойти позиции 1-го батальона 503-го сп с юго-запада, однако попали под мощный огонь орудий 321-го ап, потеряв 15 танков и понеся крупные потери пехоты. На следующий день командование 51-й армии усилило это направление частями 302-й сд. Здесь была создана боевая группа из подразделений 302-й сд и 503-го сп 91-й сд под руководством командира последнего майора И.Д. Дурнева, которая 24 июля в 14.00 контратакой выбила противника из Морозова.

24 июля на правом фланге 91-й сд 561-й сп вел бои в районе Лог – Богучары, но вскоре был отведен от передовых позиций по направлению Красному Яру и сменен 633-м сп 157-й сд. 25 июля, в 6.00 группа Покровского, сосредоточив силы 561-го сп, батальона 138-й сд и подразделений 633-го сп 157-й сд произвела атаку по направлению Лог – Богучары и сумела захватить Богучары. В качестве трофеев нашим бойцам достались 6 минометов и много другого вооружения, но из-за отсутствия транспорта вывезти их не удалось. Противник произвел срочную перегруппировку и, сконцентрировав до 300 автоматчиков и 20 танков, после упорного боя отбил Богучары обратно.

25 июля на левом фланге 91-й сд противник, потерявший накануне ключевую позицию в районе Морозова, сосредоточил около 50 танков с мотопехотой и в 11.30 при активной поддержке авиации выбил 503-й сп из Морозова. Полк Дурнева отошел в Большовскую, но противник, продолжая преследование, обошел эту станицу с юга и юго-востока, взяв в полукольцо остатки и штаб 503-го сп. Штабисты полка с большими потерями пробились на северо-запад, в расположение 3-го батальона 503-го сп, позиции которого находились на южном берегу р. Дон, севернее Большовской.

26 июля на правом фланге 91-й сд противник полностью взял Богучары под контроль. Позиции 561-го сп подверглись массированным бомбардировкам. Особо мощные удары люфтваффе нанесло по позициям 1168-го ап РГК и 168-го минометного дивизиона. 561-й сп только ранеными потерял около 200 человек [ЦАМО. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 10. Л. 69] и фактически утратил боеспособность: на 27 июля в нем числилось до 100 активных штыков. С 26 июля над правым флангом 91-й сд прошли проливные дожди. Воспользовавшись паузой, командование 51-й армии произвело замену 561-го сп на части 157-й сд, которая заняла эти позиции к исходу 27 июля. Остатки 561-го сп были выведены в район Соленовской и Романовской.

Левый фланг обороны 91-й сд, который после прорыва немцев стал открытым, был развернут фронтом на запад по линии район Ясырев – выс. Каргальская – Потапов. Оборона не имела сплошной линии, поэтому противник смог мелкими группами просочиться в район хутора Холодный. В это время рота химзащиты прибыла в район Камышевской для прикрытия артиллерии, где в ходе разведки был взят в плен немецкий мотоциклист. В ночь с 27 на 28 июля группа Дурнева (остатки 503-го сп с ротой автоматчиков 613-го сп) внезапно атаковала хутор Холодный и захватила его к 9.00. Однако противник, оправившись от удара, при поддержке танков отбил хутор обратно. Вторая попытка взять Холодный в 11.00 не принесла успеха: достигнув окраины хутора, группа Дурнева понесла большие потери и развить наступление не смогла. В это время южнее, в районе с. Пады,

противник силами двух батальонов и 40 танков с мотоциклистами атаковал позиции 302-й сд.

29 июля в бой за Холодный вступил 2-й батальон 613-го сп, но действия группы Дурнева вновь не имели успеха. За ночь противник подтянул резервы и сам перешел в атаку. К вечеру 302-я сд потеряла связь со штабом и начала в беспорядке отходить на юг и юго-восток. Отходящий 865-й ап 302-й сд был подчинен командованию 91-й сд и занял огневые позиции в районе хутора Фролов. На правом фланге остатки 561-го сп обороняли участок Соленовская – Романовская по берегу Дона и соприкосновений с противником не имели, так как «панцерваффе» сконцентрировали свои основные усилия на расширение плацдармов в районе Цимлянской и Николаевской.

30 июля на левом фланге 91-й сд немцы, развивая наступление, вышли в район Ясырева и Потапова, где оборонялся уже центральный 613-й сп. Люфтваффе произвело два налета на позиции дивизионной артиллерии в Ясыреве и Потапове, но атака на Ясырев двух немецких рот пехоты при поддержке пяти танков была отражена.

31 июля противник, развивая наступление с цимлянского плацдарма, обрушил оборону 157-й сд и прорвался в тыл 51-й армии. Около двух рот в районе Соленовской столкнулись с остатками 561-го сп. Одновременно на левом фланге 91-й сд крупные силы немцев, наступая из района Большовской, охватили позиции 613-го сп с юга и юго-востока. В течение дня противник, используя значительное превосходство, окружил левофланговую группировку 91-й сд, в районе Ясырев – Потапов. Кроме того, он взял под контроль и выставил боевые заслоны на все дороги, ведущие на юг. В 11.00 вражеский авангард атаковал КП 91-й сд в хуторе Савельев. Оказавшиеся в окружении остатки 561 и 503-го сп под руководством заместителя начдива полковника Л.М. Покровского с наступлением темноты двумя колоннами начали отход в направлении Семенкинская и Савельев. К утру 1 августа эта группа вышла на северный берег р. Сал в вышеуказанном районе.

Две недели июльских боев за донские переправы дорого обошлись 91-й сд. Если в апреле в этом соединении насчитывалось 11 883 человека, в том числе 1 046 лиц командно-начальствующего состава и 2 470 младших командиров [ЦАМО. Ф. 91 сд (2-го форм.). Оп. 1. Д. 1. Л. 2], то на 1 августа по данным армейского отдела укомплектования в строю числилось 6 508 человек, в том числе 723 офицера и 1 311 младших командиров [Эмгенов 2017: 71]. Соответственно сократилось и стрелковое вооружение 91-й сд: в апреле в соединении имелось 9 053 винтовки и 685 автоматов [ЦАМО. Ф. 91 сд (2-го форм.). Оп. 1. Д. 1. Л. 2], а на 1 августа – 4 987 винтовок, 418 автоматов и 4 автоматические винтовки [Эмгенов 2017: 71].

Тем временем, противник наращивал свои силы на южном берегу Дона, поддерживая достаточно высокий темп наступления. Советская

авиация не смогла воспрепятствовать переброске сил противника, хотя командующий 4-й воздушной армией К.А. Вершинин в своих воспоминаниях утверждал, что советским летчикам якобы удалось 6 раз разгромить переправу у Николаевской [Вершинин 1975: 159].

1 августа противник прорвал оборону 302-й сд, форсировал р. Сал и, рассеяв заслоны отд. кавалерийского корпуса, вышел на рубеж Веселый – Кутейниковская. В оперативных сводках 91-й сд упоминаются 23-я тд и 29-я мд, якобы сражающиеся с нею. Однако на самом деле 23-я тд в это время продвигалась к Манычу, заняв 29 июля Пролетарскую, а 29-я мд вела бои в районе Дубовского, который был захвачен 1 августа, после чего повернула на сталинградское направление. Против 91-й сд действовали уже новые противники: 14-я тд, 94 и 371-я пд. В работе Р. Грамса, посвященной боевому пути 14-й тд вермахта, говорится о взятии хуторов Иловайский и Веселый силами 64-го мотоциклетного батальона 14-й тд, которым командовал сам Грамс [Грамс 2014: 64]. Таким образом, противник глубоко продвинулся на юг и северо-восток, рассекая оборону 51-й армии на две части. Остатки 91, 157 и 302-й сд под натиском превосходящих сил противника отошли в юго-восточном направлении. При этом КП 91-й сд переместился в станицу Атаманская, 613-й сп отошел в район Савельева, а затем в Озерский, 561-й сп – в Верхнюю Серебряковку, 503-й сп – в Веселый Гай [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 46. Л. 4]. Позже начдив 91-й генерал-майор Н.В. Калинин ситуацию в начале августа описывал так: *«В те дни тактическая обстановка менялась по несколько раз в сутки. Сплошной линии обороны не было. 91-я стрелковая дивизия сосредотачивала усилия на том, чтобы удержать важные населенные пункты, переправы, дороги. Локтевая связь между полками терялась»* [Калинин 1967: 95].

2 августа оборона 157-й сд на участке Красный Яр – Соленовская была расколота противником на две части, в боях погибло все командование и штаб соединения. Оказавшись без управления, часть 157-й сд примкнула к 138-й сд, другая часть – к 91-й сд. Майор И.Д. Дурнев из частей 157-й сд и 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, отошедших в его расположение, сформировал сводный отряд, который сдерживал атаки немецкой пехоты и румынской кавалерии на линии Крюков – Копылков – Нижний Жиров. К исходу 2 августа Дурнев отвел своих бойцов на рубеж Ивановский – Кругляков. 561-й сп в боях под Верхней Серебряковкой уничтожил два танка и нанес значительный урон немецкой пехоте. Вечером 2 августа он отошел в район Ново-Рубашкин, а утром 3 августа одним из отрядов занял Верхний Жиров. 503-й сп с боями отошел в район Братолюбие – Веселый Гай.

В 11.20 отряд немецкой 371-й пехотной дивизии (далее – пд) атаковал штаб 91-й сд в хуторе Атаманский. Штабисты с подразделениями охраны и батареями 172-го противотанкового дивизиона приняли

бой, который длился до самого вечера. В ходе боя было уничтожено 155 человек, 8 мотоциклов, 10 автомашин, 3 орудия, захвачено 5 человек, 10 пулеметов, 4 автомата, несколько пистолетов, около 5 тыс. патронов, штабные документы, при этом трофейное оружие использовали против противника. Приняв Атаманский за крупный узел сопротивления, противник на следующий день нанес бомбовый удар по хутору 17 самолетами, но там уже не было наших войск [Калинин 1967: 96].

Стремительное продвижение противника поставило 91-ю сд под угрозу окружения. Калинин позже вспоминал: «2 августа Котельники (Котельниково. – С. Э.) и Зимовники пали. 91-я сд оказалась в мешке. Вечером того же дня я получил приказ заместителя командующего 51-й армией генерал-лейтенанта Т.К. Коломийца вывести соединение в район Малые Дербеты, Ханата, озеро Сарпа» [Калинин 1967: 97]. Здесь, видимо, память подвела начдива: Зимовники были захвачены лишь 7 августа, а приказ на отход в Калмыкию командование 51-й армии отдало 14 августа.

3 августа 503-й сп продолжал удерживать позиции в районе Веселого Гая и был атакован двумя батальонами пехоты и ротой автоматчиков. В ходе боя полк понес большие потери и отошел в район западнее Нового Гашуна. Туда же прибыли остатки 561-го сп, которые заняли оборону на рубеже Моисеево – Романовский, и штаб дивизии, который в последующем из-за ухудшения обстановки передислоцировался в Мазановку. В тот же день 613-й сп, прикрывая штаб дивизии, отошел к Ульяновскому.

Тяжелые оборонительные бои обескровили 51-ю армию, ее стрелковые части к 4–5 августа имели около 10 % личного состава от своего штата. В стрелковых частях 91-й сд, которая была наиболее сильной из соединений 51-й армии, на 5 августа числился 1 361 человек, в том числе: в 503-м сп – 200 чел., 561-м сп – 263 чел., 613-м сп – 843 чел., в резерве начдива – 55 чел. Артиллерия 91-й сд насчитывала 15 пушек: 6 – 76-мм орудий в 321-м ап, 9 – 45-мм орудий в 172-м противотанковом дивизионе [Эмгенов 2017: 71–73].

В течение 4 и 5 августа остатки 561-го сп вели сдерживающие бои с противником, наступающим из Дубовского на юг. Остатки 503-го сп добились некоторых успехов в боях за хутор Троицкий: рассеяв батальон пехоты противника, они ворвались в хутор и захватили трофеи (2 автомобиля, 2 мотоцикла, 1 трактор, 2 танка, 30 тыс. патронов, 1 500 снарядов, документы и карты). На утро следующего дня полк Дурнева отошел в район станицы Эркетинской, а в дальнейшем был передан в состав Восточного отряда, направленного на защиту Элисты. История его боев за Элисту описана в прошлогодней статье автора [Эмгенов 2017].

Для сдерживания наступающего противника командование 91-й сд решило 6 августа атаковать с. Дубовское. К часу ночи 613-й сп и остатки 561-го сп заняли исходные позиции. Однако в 3.00 ночи противник силою до двух батальонов пехоты при поддержке трех танков, артиллерии и минометов атаковал левый фланг 561-го сп, отрезав 2-й батальон 613-го сп, и обошел с тыла 561-й сп в районе Романовского. Часть 561-го сп отошла на южный берег р. Малый Гашун, остальная часть вела в окружении ожесточенный уличный бой. К 10.00 6 августа остатки этой группы продолжали упорно обороняться в отдельных домах, и противник стал поджигать эти дома. Группа из 25–30 бойцов во главе с майором Гайдиным бросилась в рукопашную схватку и четверым солдатам удалось выйти из окружения. В журнале боевых действий дивизии утверждается, что в этих боях остатки 561-го сп уничтожили до 450 солдат и офицеров противника, несколько станковых пулеметов, минометов, подбили 2 малых танка [ЦАМО. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–5].

Утром 6 августа до двух пехотных батальонов и полка кавалерии противника при поддержке 6 танков из района Романовского и Веселого перешли в наступление в юго-восточном направлении. На линии Гашун – Троицкий около батальона пехоты при поддержке танков атаковали 613-й сп 91-й сд. В 13.30 группа автоматчиков ворвалась во Власовский, где находились тыловые службы 613-го сп, и разгромила их. К утру 7 августа остатки 613-го сп подошли к Мазановке, где под минометный огонь и авиаудар попал штаб дивизии. В это время из Власовского в направлении на Новый Гашун и далее на северо-восток выдвинулась большая колонна в составе 669 и 671-го пехотных полков 371-й пд вермахта. Управление 91-й сд и остатки 613-го сп заняли круговую оборону в Мазановке и обстреляли минометным огнем колонну противника. Со стороны фермы их поддержала огнем 1-я батарея 321-го ап.

К утру 7 августа сводный батальон 561-го сп и отд. стрелковый батальон в количестве 140 штыков находились на рубеже мост восточнее Чунусовской – Чунусовская – Чабарня. Сводный батальон 613-го сп в количестве 250 штыков держал оборону в двух опорных пунктах – в Мазановке и Мацынине. Штаб дивизии находился в Дреславском. 8 августа по приказу штаба 51-й армии на поддержку отряда полковника Макаруча был отправлен отряд майора Гавриша в составе 50 штыков, 2 – 76-мм и 2 – 45-мм орудий. В с. Глубоком был оставлен заслон из 55 штыков при поддержке 2 – 152-мм орудий.

Боеспособность 91-й сд, как и всей 51-й армии, после трех с половиной недель боев стала очень низкой. Однако немцы, которые к 7 августа установили полный контроль над трассой Сальск – Котельниково, утратили интерес к остаткам этого объединения. У них была более важная цель: вдоль этой дороги, слабо прикрытой нашими частями, вермахт мог ворваться в незащищенный Сталинград с юга, пока войска Сталинград-

ского фронта отбивали атаки 6-й армии Паулюса с запада. 4-я танковая армия, игнорируя остатки 51-й армии, в районе Дубовского и Зимовников начала поворот на северо-восток для броска к Сталинграду. Головной отряд 14-й тд, пройдя 150 км за 15 часов [Грамс 2014: 64], уже 3 августа вышел к Абганерово (разъезд 74-й километр), где был остановлен случайно оказавшейся здесь 6-й гв. тбр. Наши разведчики стали фиксировать движение немецких колонн по направлению к Новому Гашуну. Около 18.00 на дороге Новый Гашун – Чунусовская и далее на северо-восток разведкой 91-й сд было отмечено движение противника силою до пехотного полка.

9 августа 91-я сд фактически распалась на отдельные отряды: сводный батальон 561-го сп и отд. стрелковый батальон оборонялась в Чабарне, сводный батальон 613-го сп – в Мазановке и Мацынине, отряд майора Гавриша – в Марченкове, отряд старшего лейтенанта Майданикова – в хуторе Глубокий. По дороге Ульяновский – Новый Гашун – Чунусовская и далее на северо-восток (к Сталинграду) продолжали двигаться обозы и отдельные подразделения 371-й пд вермахта, оставляя в населенных пунктах небольшие группы автоматчиков для прикрытия. Пытаясь остановить продвижение противника в северо-восточном направлении и перекрыть дорогу Ульяновский – Новый Гашун, командование 91-й сд приказало сводному батальону 561-го сп взять Чунусовскую и Новый Гашун, а сводному батальону 613-го сп овладеть Власовским и перекрыть узел дорог между Власовским и Новым Гашуном. На дорогах предписывалось установить засады для уничтожения отдельных автомашин, обозов и т. д. К 20.00 9 августа сводный отряд 613-го сп занял хутор Власовский, а к 24.00 сводный отряд 561-го сп ворвался в Чунусовскую и Новый Гашун. В ходе боя была разгромлена 9-я рота 669-го полка 371-й пд и захвачен обоз полка. Противник потерял 46 солдат и офицеров убитыми, 4 – пленными. Было захвачено: 30 повозок, 60 лошадей, 120 винтовок, 2 ручных пулемета, 50 веломашин, 2 мотоцикла, 6 раций, документы 669-го полка.

В течение 10 августа 91-я сд не вела активных боевых действий. В ходе 10-дневных августовских боев по утверждениям журнала боевых действий 91-й сд, ее части нанесли значительный урон противнику: уничтожено до 3 000 солдат и офицеров, 9 танков, 24 автомашины, 5 – 75-мм орудий, 12 пулеметов, 11 минометов; рассеяно до полка пехоты, до двух эскадронов кавалерии; артиллерией подавлено 3 артиллерийские и 7 минометных батарей, 2 пулемета, 35 повозок. Также были разрушены две переправы и наблюдательный пункт полка противника. За этот же период было захвачено: 4 автомобиля, 9 мотоциклов, 6 тракторов, 2 противотанковых орудия, 2 танка, 16 станковых и 17 ручных пулеметов, 20 пистолетов, 250 винтовок, 35 тыс. патронов, 1 500 снарядов, 5 повозок; взято в плен 20 чел. [ЦАМО. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–5].

12 августа 52-й армейский корпус вермахта, наступавший вдоль южного берега Маныча и форсировавший его в районе Приютного, захватил Элисту, отбросив защищавший ее Восточный отряд 51-й армии на север. С учетом того, что еще 3 августа начались бои в районе Абганерово, возникла угроза окружения 51-й армии. Поэтому 14 августа новый командарм генерал-майор Т.К. Коломиец приказал начать отвод объединения на линию Сарпинских озер [Очиров 2005: 151–152].

Таким образом, 91-я сд (2-го форм.) в тяжелейших боях лета 1942 г. получила боевое крещение на берегах Дона и Сала и начала свой славный боевой путь, который пролегал от степей Калмыкии до берегов Балтики.

Источники

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

Литература

Вершинин К.А. Четвертая воздушная. М.: Воениздат, 1975. 349 с.

Виноградов Г.Г. Ради жизни на земле. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1985. 80 с.

Грамс Р. 14-я танковая дивизия. 1940–1945. М.: Центрполиграф, 2014. 446 с.

Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 38–68.

Калинин Н.В. Это в сердце моем навсегда. М.: Воениздат, 1967. 184 с.

Очиров У.Б. 28-я армия в боях за освобождение Калмыкии // *Калмыкия в годы Великой Отечественной войны*. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 145–183.

Саркисьян С.М. 51-я армия: Боевой путь 51-й армии. М.: Воениздат, 1983. 285 с.

Эмгенов С.Н. 51-я армия в оборонительных боях на элистинском направлении в августе 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 69–79.

Эмгенов С.Н. Формирование 91-й стрелковой дивизии (2-го форм.) в Дагестане и начало ее боевого пути // *Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии*. Международная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию Чеченского государственного университета (25–26 сентября 2018 г.). Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 413–418.

Научный журнал

**Magna adsurgit:
historia studiorum**

Великая степь:
исторические исследования

2018, №1

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 24.09.2018. Формат 70x100/16.

Тираж 300 экз. Заказ 16-18. Цена свободная.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8